

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Герман Романов ТОВАРИЩ ФЮРЕР

Книга 1

Триумф блицкрига

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Спасти Колчака», «„Попаданец“ на троне» и «Спасти Императора», бьющий все рекорды «неполиткорректности»! Наш человек во главе Третьего Рейха! Русский «попаданец» в теле Адольфа Гитлера!

Удастся ли ему разгромить Англию, проведя операцию «Морской лев» — вторжение на Британские острова? Решится ли он возглавить военный переворот, чтобы отстранить нацистскую партию от власти и уничтожить СС? Сможет ли «товарищ фюрер» предотвратить столкновение со Сталиным, не допустив самоубийственной войны Германии против СССР?

- [Герман Романов](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
-

Герман Романов
ТОВАРИЩ ФЮРЕР
Книга 1. Триумф блицкрига

Пролог

Москва

(3 октября 1993 года)

— Все... Надо бросать курить... Иначе не убегу... В следующий раз...

Парень в заляпанном грязью танковом комбинезоне оперся на руки и встал на карачки, мотая головой, как загнанная лошадь. Черная жижа хлопнула под молодым и сильным телом, и беглец машинально отер ладонь о рукав. Поведя плечом, он скинул с него автомат и хрипло рассмеялся:

— Ха-ха! Ну, это надо же, как же я «калаш»-то не потерял! Драпал так, что не помню толком куда...

Беглец осекся и огляделся по сторонам. Над гладью знакомого пруда, днем зелено-голубого, а сейчас, в эту суматошную ночь, темно-свинцового, светила луна. Где-то далеко за спиной слышалась беспорядочная автоматная стрельба и глухо хлопали взрывы.

— Вовремя ты, Андрей Иванович, смылся. Голова твоя еще думает, товарищ гвардии старший сержант! — парень похлопал себя грязной ладонью по коротко стриженным русым волосам. — Революцию затеяли, понимаешь ты... Мать вашу! На спецназ мамеевой ордой поперлись и получили по самое не могу! Стратеги, мля!

Ругань немного приободрила Андрея, и он, выбрав относительно сухое местечко, уселся на чуть пожухшую, но еще зеленую траву. Дрожащими пальцами извлек из кармана измятую пачку «Арктики», вытянул зубами сигарету, щелкнул зажигалкой, несколько раз судорожно затянулся сладким табачным дымком и лишь потом принялся размышлять...

День начинался хорошо — пара автоматных очередей в воздух, и милицейское оцепление вокруг Белого дома моментально испарилось, оставив после себя брошенные на бегу щиты, каски и резиновые «демократизаторы».

Затем взяли штурмом мэрию — разогнали всяких там мэров, пэров и прочих хренов. Душа воспарила в предчувствии победы, когда на автобусах и грузовиках ополченцы Верховного Совета двинулись на «Останкино», дабы взять в свои руки телевидение и обратиться к народу.

Достали всех реформы ЕБН, от которых народ обнищал вконец, лишь для чиновников, бизнесменов и бандитов, причем не понять, кто есть кто из них, это была растянувшаяся уже на несколько лет вождеденная масленица.

— Твою мать! Как же мы лопухнулись! — Андрей Родионов глухо выругался.

Даже его небольшого боевого опыта наводчика танка Т-62, полученного в последний год афганской войны, хватило, чтобы понять, что так объекты не штурмуют. Приперлись табором, народ с бору по сосенке, все командуют, кричат и суется. Анархия, твою душу мать! Та, которая за порядок.

Понимать это — он понимал, но вот изменить ситуацию было не в его силах. Попрыгали, побесились — а в здании притаился спецназ. Хорошо так укрепился, заблаговременно, расставив пулеметы и выжидая удобный момент. И влупили очередями — на этом штурм для него и окончился, началось бегство.

— И что теперь тебе делать, студент? — сам себе задал вопрос Андрей и закурил вторую сигарету.

Криво усмехнулся — вариантов было только два. В первом разум прямо-таки кричал, что

дело швах и надо спасти свою драгоценную шкуру, которую могут продырявить. Спрятать автомат и как-нибудь приспособиться к новым реалиям капиталистического бытия.

За второй вариант ратовала душа, и то, дрожа изрядно — снова бежать, вдругорядь бросить своих, ему не позволяла совесть. Возвратиться в Белый дом и ждать вместе с ними конца. Что восстание будет подавлено, он теперь не сомневался. И скоро — президент просто выжидал удобный момент, чтобы спровоцировать и раздавить затем оппонентов. А сил у него намного больше, и «баксов» немерено — а за такое бабло немало найдется желающих пострелять из пушек по зданию парламента.

— Кажись, все, — Андрей сплюнул на траву — стрельба у телецентра почти прекратилась, и кто одержал победу в схватке, было и ежу понятно. Не может вооруженная толпа со спецназом на равных воевать, даже если ее в десять раз больше.

— Суки червивые! — он хрипло выругался и поднялся с травы. Отщелкнул рожок и заглянул — остался только один патрон.

«Не повоюешь уже, зато застрелиться можно. Вот только зачем пускать себе пулю в лоб?! Надо возвращаться в Белый дом и там разжиться патронами. И повоевать хорошо! Чего бояться?! Семьи нет, не обзавелся, обшарпанная общага, нищенская стипендия. А так хоть совесть чиста будет — не сидеть же сиднем у темной глади останкинского пруда».

Окончательно решившись, Андрей поднялся с травы, с нарочитой лихостью закинув на плечо автомат. Но вначале не помешало бы помыться, вот только пить водицу из пруда не рекомендуется — как говорят, Минздрав предупреждает.

Он посмотрел на свинцовую гладь — она не просто притягивала взгляд, вода прямо всасывала его душу. Хотелось разбежаться и прыгнуть, да так, чтобы брызги во все стороны полетели.

Но внезапная вспышка безумия тут же сменилась ледяным холодом, по спине пробежали острые иглы. Такое ощущение бывает, когда в спину настороженно смотрит беспощадное зеву крупнокалиберного пулемета с заправленной лентой. Андрей круто повернулся, стряхивая с плеча автомат.

В трех метрах стояла сгорбленная женская фигура в черном балахоне, с наброшенным на голову капюшоном. От нее исходило темное свечение, видимое даже в ночи. И тут же нахлынул страх, вернее ужас.

— «Черная старушка»! — непроизвольно вскрикнув, он попятился, лязгая зубами. Андрей не верил раньше в кошмарную легенду останкинских прудов, и вот она, стоит перед ним. Рука мгновенно стала свинцовой — такая тяжесть налилась, что автомат не поднять.

Ноги непроизвольно шагнули назад, проскользнули по траве, сержант почувствовал, что падает на спину. И тут же вода обожгла его тело жаром, будто это горячий пар, а не холодный осенний пруд. От боли он закричал, в мозгу взорвался огненный шар, и тут же разум поглотила темнота...

Часть первая
«Гельб»
(май 1940 г.)

Глава первая

«Не может быть»

«Фельзеннест»

Тело чувствовало приятную обволакивающую теплоту, расслабляющую, такую, как он любил, у себя дома, в маминой ванне, и журчание воды, льющейся из крана. Именно этот звук и пробудил сознание, Андрей открыл глаза, с трудом подняв веки.

— Так я жив?! — с удивлением пробормотал он, понимая, что лежит в допотопной, старинной ванне с горячей водой. И тут же вспомнил все события вчерашнего дня — неудачный штурм «Останкино», стрельба спецназовцев по обезумевшим людям, суматошное бегство с хрипением в легких и накативший ужас от появления «черной старушки».

Помимо воли ледяная дрожь пробежала по молодому телу, и Андрей непроизвольно дернул ногой — вода в ванне на секунду показалась ему не теплее родниковой. Он помнил, как упал в холодную гладь пруда, и вспыхнуло в его глазах солнце, как закричал от боли. И все... Память словно отрезало, оставив безотчетный ужас.

Нахлынувший страх вскоре отошел, и Андрей снова почувствовал расслабляющее тепло от горячей воды, что приятно согрела его кожу, а потому, продолжая лежать, осмотрелся.

Ванная комната была чуть больше маминой с совмещенным туалетом. Потолок высокий, везде кафельная плитка, тусклый свет от небольшого плафона. Большое полотенце, развешенное на крючках, там же приготовленная для него одежда — белое белье с рубашкой, черные брюки и френч серого, мышинового цвета. В глаза сразу бросился приколотый к карману знакомый черный крест с белой каймой.

— Как же, как же... — пробормотал Андрей. — Это кто-то из своих меня выловил из пруда. Знают, что не терплю нацистские побрякушки, вот и прикололись, прицепили «Железный крест». И китель такой реальный повесили, прямо настоящий «фельдграу». Интересно, кто из них такую старомодную ванную себе забамбацал?

Родионов наскоро перебрал в памяти знакомых «поисковиков», с которыми последние два года ездил по местам боев Новгородчины и Смоленщины, хороня останки погибших солдат. Однако таких богатеньких «буратин» в отряде не имелось. «Новые русские» предпочитали состояние делать, какие уж там «поиски».

А потому Андрей стал перебирать в памяти знакомых «серых археологов» — эти хоть и хоронили павших, но найденное и пригодное добро, награды и оружие продавали многочисленным коллекционерам и торговцам, коих неимоверно расплодилось в последнее время.

Но сколько Родионов ни напрягал память, так и не смог припомнить таких. И обоснованно решил, что, может, это кто-то из «черных археологов» так над ним решил поиздеваться. Выловил из пруда, домой приволок и униформу с крестом для «сменки» приготовил. Да еще изгаляться будет напоследок — посмотри, что есть у меня, а потом на себя глянь. Что ты имеешь в жизни, «товарищ»? Или «красно-коричневый», как в последние дни надрывались в оскорблениях «демократические» СМИ.

— Ладно, — Андрей стал приподниматься в ванне, — скажу ему спасибо, но эту гадость надевать не буду. Лучше пусть мой грязный комбинезон отдаст. Я его на голое тело напялю!

Выпрямившись на холодном кафельном полу — на подогрев, видать, у «буратины» денег не нашлось, — Андрей наскоро обтерся полотенцем и глянул в большое зеркало, что висело на

стене рядом с ванной.

— О... У...

На него взирал голый сухощавый мужик лет пятидесяти, с голодным, востроносым лицом. Черная челка заброшена набок, а под носом квадратные усики, как у бесноватого фюрера.

«Зеркальный портрет», — в первую секунду подумал Андрей и дернул рукой. И в ту же секунду отображение повторило его жест. Машинально Родионов потер глаза, но Гитлер никуда не делся — он ответно впивался глазами. Только тут до Андрея дошло — изображение в стекле есть он сам. Его собственное отображение. Это же зеркало, а не телевизор!

— Твою мать! А может, «крыша» поехала?! Или сон?!

Он сильно ущипнул себя за кожу на впалом животе и сразу зашипел, как кошка. Нет, не сон это, раз боль чувствуется. Это другое, тут даже медицинский диагноз не нужен.

— На броне открылись люки — вы не бойтесь, это глюки!

Андрей потер глаза еще раз, но фюрер в зеркале не исчез. И тут для него стало все ясно — «крыша» съехала, и ничто другое!

— Ах ты, сука! — Родионов яростно взревел, безумие полностью его накрыло. Он захотел сейчас одного — разбить зеркало, уничтожить голую тварь, что сидела внутри стекла.

— А! А!!! — сильные удары кулаком проклятое зеркало не разбили, а боль в разбитых костяшках привела Андрея в бешенство. И он со всей силы врезал в ненавистное отображение лбом. И все — знакомая яркая вспышка в мозгу, и Родионов почувствовал, что снова проваливается в беспамятство, на этот раз спасительное...

Кале

— Вот он, наш старик!

— Видели?! Это же быстроходный Хайнц!

Слушая радостные выкрики спешащих солдат в запыленных мундирах, генерал Гудериан только улыбался и время от времени помахивал рукой, сидя в лязгающем ящике открытого автомобиля.

Именно таким отношением, приветливым и не без юмора, совсем не свойственным уроженцам Пруссии, он завоевал доверие своих танкистов и стрелков. И в этом был залог победы — то, что не удалось сделать четверть века назад, получалось сейчас.

Французский фронт был легко вспорот немецкими танковыми клиньями, будто по жестяной консервной банке нанесли сильный удар топором. А теперь его пантеры ушли далеко в глубокий тыл и вчера достигли заветного пролива у Булони. Голубая гладь Ла-Манша простиралась перед генералом — именно к ней он стремился, как к вожаемой награде.

Теперь главные силы английского экспедиционного корпуса и лучшие дивизии французов полностью отсечены в Бельгии и в северо-западном уголке Франции, который также именовали Фландрией, как и север Бельгийского королевства, и их участь предрешена. Сейчас для его танков есть одна задача — пройти вдоль побережья и захватить все важные порты. С падением Булони, Кале и Дюнкерка англичане не смогут вывезти свое разбитое воинство, а именно здесь их самые боеспособные дивизии.

Такая участь ждет и французов, но чуть попозже — вначале нужно добить чопорных британцев, а потом идти на Париж...

Водитель резко нажал на тормоза, и штабной «Опель», взвизгнув шинами, встал как вкопанный. Солдаты залегали у обочин, офицеры яростно кричали, напрягая горло.

— Воздух!!!

Генерал вывалился в открытую дверцу, отбежал в сторону и прилег в кювете, внимательно вглядываясь на небо. Со стороны Дюнкерка неслась стайка крылатых машин, отчетливо выделяясь на голубом прозрачном небе без единого белого пятнышка облаков.

Английские истребители пикировали на растянувшуюся колонну танковой дивизии. На крыльях заплясали огненные вспышки — пулеметы хлестанули по машинам, на пыльной земле вздыбились султанчики пыли.

Но и немцы начали ожесточенно огрызаться — навстречу истребителям протянулось множество пулеметных трасс, из кузовов грузовиков дружно затыкали, захлебываясь лаем, два четырехствольных «фирлинга» — 20-мм пушки «эрликон». И удачно — из атакующего «Харрикейна» вылетел клубок дыма, самолет завалился на крыло и с леденящим душу воем врезался в землю.

На британских летчиков зенитный огонь произвел определенное впечатление, или у них просто закончились патроны. Истребители прекратили штурмовку, и удалились в сторону моря, потихоньку сливаясь с синевой.

Генерал встал, небрежными похлопываниями ладоней стряхнул пыль и подумал, что необходимо надежно прикрывать танки и мотопехоту с воздуха собственной зенитной артиллерией — хотя бы «эрликонами», установленными в танковых башнях или кузовах бронетранспортеров. Но об этом мечтать не приходилось — такой гусеничной техники не хватало даже в боевых порядках, а тут еще средства ПВО дополнительно укомплектовывать.

Вообще-то люфтваффе десять дней прикрывало его корпус весьма надежно, но в последние сутки возникли проблемы с перебазировкой на захваченные бельгийские аэродромы — слишком далеко прорвались немецкие танки, и истребителям не хватало дальности полета.

— Пусть начальник штаба немедленно подготовит боевой приказ первой танковой дивизии на завтра. Отправить радиограммой, — генерал повернулся к адъютанту, молодому поджарому офицеру в сером от пыли мундире. Тот сразу щелкнул каблуками — истинный пруссак, настоящий.

Гудериан улыбнулся — Пруссия настолько пропиталась воинственным духом, что еще полтора века назад Наполеон грустно заметил, что она вылупилась не из яйца, а из пушечного ядра. За эти годы много воды утекло, и дух потомков рыцарей Тевтонского ордена еще более укрепился, несмотря на поражение в войне двадцатидвухлетней давности.

— К 7.00 23 мая развернуться боевым порядком к северу от реки Канш, поскольку 2-я танковая дивизия пробилась в Булонь, а во второй эшелон за вами вышла 10-я танковая. 1-й танковой дивизии двигаться по линии, — генерал остановился, а адъютант быстро раскрыл планшет с картой. Гудериан немного подумал и продолжил диктовать приказ: — Одрюик — Ардр — Кале, а затем — свернуть на восток и наступать через Бурбужвиль — Гравлин на Берг и Дюнкерк. 10-я танковая будет следовать южнее вас. Выполнять распоряжения по получении условной фразы «Наступать на восток». Начать движение в 10.00.

Гудериан покачал головой — полковник Неринг опытный и умный офицер, и штаб корпуса действует у него как великолепный механизм. Завтра все три дивизии начнут решительное наступление — реванш будет более чем убедительный, ведь любители пудинга лишатся своих лучших дивизий. А тогда победа станет близкой как никогда, и лягушатники за все заплатят!

«Фельзеннест»

— Как фюрер, господин Брандт?

— Пока без сознания, господин полковник. У фюрера серьезный ушиб лица, возможно,

сотрясение мозга. Но, надеюсь, такого несчастья не случилось. Сейчас ему нужен покой.

Андрей прислушивался к происходящему в комнате разговору, прикрыв глаза и чуть дыша. За эти несколько минут, придя в сознание, он пока только пытался сообразить, что же произошло. Элементарный розыгрыш или эксперимент Родионов отверг с ходу, категорически — не та он птица, чтобы ему сделали пластическую операцию, увеличив рост и уменьшив габариты тела при этом. И не кошмарный сон или безумие — иначе бы он не чувствовал тягучей боли...

— Как такое ужасное происшествие могло случиться?

— Фюрер зачем-то встал на бортик. Возможно, он потерял равновесие и упал прямо на зеркало, разбив его лицом. А потом на пол, но там падение пришлось на фаланги пальцев — они сбиты до крови, как и костяшки.

— А затылком фюрер не мог удариться, господин Брандт?

— Нет, это исключено. Повреждений там нет, пострадало только лицо фюрера, особенно лоб. Травма серьезная, господин Шмундт.

Произнесенные фамилии были знакомы — как и все «поисковики», Родионов интересовался историей Второй мировой войны, а потому краем глаза цеплял в книгах имена ближайшего окружения Адольфа Гитлера — главного адъютанта полковника Шмундта и личного врача Брандта.

Андрей чуть ли не закричал от нахлынувшего ужаса, пробравшего до печенок. Теперь он осознал, что с ним случилось чудовищное по своей сути явление. Вернее, понял, что произошло, но как... Ответ на этот вопрос, даже если у него и был, вряд ли бы помог. Ведь он каким-то неведомым способом переместился в тело самого ненавистного для него лично человека — Адольфа Гитлера.

Стиснув до боли зубы, Андрей удержался от рвущегося наружу крика. Зажмурив глаза, он медленно выдохнул. Мысли и ощущения, куда-то внезапно испарившись, оставили в голове звенящую и ломящую пустоту.

«Что делать?! — пульсирующая боль билась, заполняя собой все внутренности. — Пока осмотрюсь... Потом думать буду... Главное, сейчас, в этот самый момент, не подать виду, чтобы не догадались, а там... Там видно будет!»

— Я сильно беспокоюсь за состояние нашего фюрера.

Мозг, вначале реагирующий на слова автоматически, уже возвращался к нормальному осмыслению событий.

— Сюда уже выехали доктора Моррель и Хизе. Может быть, нам стоит еще телеграфировать в Берлин, ведь там много специализированных клиник и опытных врачей.

— Господин полковник! Вы занимайтесь своим делом, а я своим. Позвольте мне самому решать...

«А ведь ты, братец, сильно испугался предложения адъютанта! Держишься за свое место зубами — еще бы, личный врач Гитлера», — с усмешкой подумал Андрей и осекся, ведь в комнате говорили по-немецки, а он все понимал, будто в голове завелся синхронный переводчик, и «герр оберст» превратился в «господин полковника», а «артц» стал «врачом».

Открытие ошарашило Андрея — ведь языка Шиллера и Гете он не знал, так, пару-тройку десятков слов. И Родионов попробовал выговорить «мама», еле шевеля языком.

— Муттер! — словно со стороны он услышал это слово, но разум воспринимал его как «мама». И тут же как бы подсказал — ты немец, а потому и говоришь на своем природном языке.

— Мой фюрер! — воскликнул адъютант, и его теплые пальцы прикоснулись к руке. Андрей с трудом открыл глаза — потребовалась долгая минута, прежде чем зрение

сфокусировалось, потихоньку очертились контуры человеческих тел, и вскоре стали отчетливо видны малейшие черточки на чуть побледневших лицах врача и адъютанта.

— Мы не сразу узнали, что с вами такое несчастье приключилось, мой фюрер! — Шмундт посмотрел каким-то собачьим взглядом. — Но когда прошло три минуты, а вы не закрыли кран с водой, ваш камердинер сразу к двери бросился. А вы там на полу лежите, мой фюрер. Весь в крови...

Адъютант сглотнул, да так, что кадык качнулся вверх-вниз. Андрей сразу отметил — вроде зрелый мужик, а руки заметно дрожат от страха за любимого вождя, что мразью первостатейной является.

— Я долго был без сознания? Какие есть новости? — с наигранной тяжестью в голосе спросил Андрей, демонстрируя слабость. Он еще никак не мог решить, что ему следует делать в этой новой ипостаси, а потому решил выиграть немного времени.

— Три часа, не больше, — первым ответил Брандт. — Вам следует полежать, мой фюрер. И нужно сделать рентген головы...

— Оставьте, я в порядке. Шмундт?!

— Получена радиограмма — час назад танки Гудериана подошли к Булони, мой фюрер! — ликующим голосом произнес полковник. — Французская армия рассечена, британским дивизиям можно закрыть путь к Дюнкерку!

Аппас

— Они дерутся как черти, герр гауптман! — денщик Эрик Бек посмотрел на своего офицера.

— Ничего, мы уже переправились через этот проклятый канал и дадим им прикурить!

Капитан Ханс фон Люк поправил висящую на перевязи забинтованную руку. Три дня назад осколком ему перебило кончики фаланг пальцев, но офицер остался в строю. А помог ему именно Бек — молодой парень наскоро перевязал потерявшего сознание командира и целый километр нес его на руках до полевого медпункта.

Бои были напряженные, особенно у канала Ла-Бассе, который перекрывал 7-й танковой дивизии генерала Роммеля путь на северо-запад, к Дюнкерку. Англичане дрались ожесточенно, пытаясь преградить дорогу немецким танкам к единственному порту, где началась лихорадочная подготовка к эвакуации десяти британских экспедиционных дивизий.

И сейчас, в отчаянной попытке сбить переправившихся мотоциклистов Люка с захваченного ими плацдарма, англичане во второй раз пустили в ход свои танки. Первую атаку немцы отбили с превеликим трудом — тихоходные «Матильды» имели толстую «шкуру» и оказались практически неуязвимыми для германских противотанковых орудий и танковых пушек.

Капитан с нарастающим напряжением смотрел на приближающиеся танки, их было много, десятка два. За ними бежали «томми» в своих шутовских касках, похожих на перевернутые тарелки. Пехотинцы стреляли из винтовок и пулеметов, но спешенные мотоциклисты не обращали на свистящие пули никакого внимания.

Расчеты копошились у маленьких противотанковых пушек — напрасная затея, Люк хорошо видел в бинокль, как рикошетируют 37 мм снаряды от лобовой брони танков. Но командир эскадрона знал, что за его спиной, на том берегу канала, генерал подготовил для британцев неприятный сюрприз...

Чудовищный смерч пронесся над полем боя. Как тяжелая кувалда сминает одним ударом

картонную коробку, так и мощные немецкие зенитки, длинноствольные 88 мм орудия, прошлись по английским танкам, дырявя их насквозь и срывая башни.

Среди дюжины погребальных костров разбитых танков дымились и три ранее неуязвимые «Матильды» — даже их толстая броня не спасала от смертоносных попаданий.

Остальные английские танки под прикрытием завесы от чадающих собратьев поползли назад на максимальной скорости. Впереди них, в частокоте грибных разрывов, поспешно отходили и «томми» — Роммель для отражения атаки, кроме зениток, стянул еще два гаубичных дивизиона.

— Победа! Победа, господин гауптман! — денщик, как и все мотоциклисты, не смог сдержать ликования.

— Нет, мой милый Эрик, — улыбнулся краешками губ капитан. — Мы лишь приоткрыли себе дорогу на Дюнкерк. Теперь нашей дивизии надо поспешать и подойти к городу с юга. А если промешкаем, то с востока туда ворвутся панцеры «Шнелле-Хайнца» — он медлить не любит!

«Фельзеннест»

«Танки Гудериана прорвались к Ла-Маншу?!» Так, кое-что проясняется, и со временем наконец стало ясно!

Андрей теперь был уверен, что сейчас последняя декада мая 1940 года, примерно 22–23-е число, точную дату он не помнил. От начала наступления германских войск 10 мая по плану «Гельб» прошло чуть меньше двух недель, когда танки преодолели Арденны и стремительно дошли до Ла-Манша. Теперь союзникам придется несладко.

«Да шут с ними! — решил про себя Родионов и задал сам себе извечный русский вопрос: — А мне-то в этой шкуре что делать?»

Прошла добрая четверть часа, пока Андрей напряженно размышлял над этим вопросом. Шмундт вышел из бункера (а что это ставка возле Мюнстера, Андрей не сомневался), слуга, врач и еще один адъютант в эсэсовской форме, Шауб, его не беспокоили, даже дышали через раз, считая, что их фюрер опять впал в беспамятство.

Вариантов дальнейшего существования после тяжелого размышления вырисовалось только три, один другого не лучше. Самый простой — пустить себе пулю в лоб. Плюс — смерть Гитлера смешает карты нацистам. Минус — после короткой драчки за власть утвердится какой-нибудь Гесс или Геринг, или еще кто поумнее фюрера. Время у них для выбора есть — после победы над Францией англичане на какое-то время станут не опасными, а СССР, в чем он был твердо уверен, ранее 1942 года к войне не подготовится.

Вариант второй примерно с такими же для него последствиями, потому сумасшедшим или недееспособным прикидываться не стоит. Плюсы практически отсутствуют, а минусы все те же.

Над третьим вариантом Андрей размышлял подольше и решил прибегнуть именно к нему. Цель понятна — оставаясь фюрером, постараться выдержать проверку «на вшивость» так, чтобы ни одна нацистская сволочь не заподозрила, что в шкуре обожаемого Гитлера сидит совсем другой, кто их ненавидит и готов с дерьмом смешать.

Нужно только месяц-другой продержаться, войти в курс дел, а там начать думать, как Сталину помочь, войну с Германией не допустить. Многомиллионных жертв и разрушений не будет, и оба его деда, что на фронте погибли, живыми останутся. СССР и Германия сейчас чуть ли не союзники, так пусть таковыми и пребывают, согласно завету «железного канцлера». А он не допустит этой кровавой войны.

Положительный результат несомненный, несмотря на то, что придется в этой поганой

шкуре долго жить. Однако минусы есть — если заподозрят, что «царь-то не настоящий», то нацистские бонзы запросто могут поступить с ним по второму варианту. А потому придется играть роль фюрера очень убедительно, и эта травма, полученная в ванной, должна помочь.

Андрей решил именно на нее сослаться и всех убеждать, что фюрер приложился головушкой капитально, немного расстроив себе мозги. Пусть делают снисхождение в части новых, неожиданных, поступков и частичной амнезии — нужно только очень убедительно играть роль. Хотя бы на эти несколько дней прикинуться больным, ведь Брандт подтвердит случившееся с Гитлером несчастье и все обоснует как нужно другим врачам, которые скоро подъедут. Главное — убедить медикуса сделать правильные выводы.

«То, что случилось со мной, — невероятная вещь. Такого просто не может быть! Но оно есть! А потому нужно жить, раз выпал такой расклад... Карма, видать, такая! Один случай на миллион... Нет! На миллион миллионов, что так могло произойти... А может, так было изначально предначертано судьбой и это мой долг? Да, скорее всего, так и есть...» — решил про себя Андрей и стал проваливаться в трясину забытья. Он уже не играл — усталость пригибала свинцом, и немилосердно болело разбитое, начавшее опухать синевой лицо.

Клерф

Генерал Эрих фон Манштейн с мрачным напряжением смотрел на карту. И хотя разящие удары германских танковых клиньев разрезали союзные войска на две части, полностью оторвав англичан от главных сил французов, чувствовалось, что до победы еще далеко.

Дело было в тех приказах из Цоссена, штаба ОКХ, выражавшихся в постоянных приостановках танковых корпусов. И это имело объяснение — тупые штабные генералы так и не поняли гениального смысла блицкрига, рассекающих ударов во всю глубину вражеских войск, и теперь искусственно сдерживали атакующий прорыв танков, тем самым давая время подтянуться к ним отставшим пехотным дивизиям.

Вроде во благо — не дать возможности союзникам отсечь панцеры и занять территорию. Но, закрепляя пространство, командование сухопутными войсками теряло время — ведь противник тоже использовал эту заминку к своей пользе, мог без суматохи, более продуманно принять ответные контрмеры и начать перегруппировку войск.

Сейчас генерал хотел только одного — оказаться в ставке и прямо указать Гитлеру и начальнику генштаба ОКХ Гальдеру о недопустимости подобных заминок. Незачем сдерживать танки и мотопехоту, ведь фузилеры на своих двоих никогда не смогут за ними угнаться и тем более идти с ними вровень. Пусть танки продолжают рваться вперед, а задача пехоты — окружать и добивать рассеченные группировки войск французов и англичан.

Эрих Манштейн передернул плечами — генерала грызла обида. Именно его план лег в основу этого наступления. Он разработал этот блестящий блицкриг, будучи начальником штаба группы армий «А» — главной ударной силы вермахта в этой французской кампании. И что же?! Его, как шелудивого пса, завистники из ОКХ и ставки фюрера вышвырнули вон, дав под командование армейский корпус, формирование которого было только начато.

И теперь он здесь, в Люксембурге, а не на фронте, где решается судьба кампании. Это публичная пощечина, но тем самым завистники показали свою бездарность, не просто примазавшись к плану, но нагло присвоив его. Славу они, может, обретут, вот только истину вряд ли им удастся затушевать. А фюрер просто не разобрался...

Манштейн снова посмотрел на карту и вздохнул: вот если бы 22 года тому назад германские войска так же прорвали фронт французов на всю глубину, то не был бы подписан

позорный версальский мир, Германия бы победила и не испытала веймарского лихолетья. Но тогда и он сам уже не смог бы гордиться этим великолепным планом, пусть и сквозь слезы глядя на развернутую перед собой карту.

«Фельзеннест»

«Мне надо сделать так, чтобы немцы сцепились с англичанами насмерть. Чем больше они пустят крови друг другу, тем лучше. Для меня, то есть нас, для Сталина и СССР, будет намного лучше. Еще бы пиндосов как-нибудь обессилить, ведь тогда они не смогут стать сверхдержавой и диктовать всему миру свои условия!» — Андрей мучительно размышлял над тем, что ему следует предпринять в роли фюрера.

Он чувствовал себя относительно хорошо после нескольких часов сна. Делами его не допекали — врач и адъютанты церберами стояли у дверей комнаты, где лежал их болящий вождь. А потому короткое время для раздумий надо было использовать плодотворно, ведь скоро повалят люди, всякие фашики, начнутся дела — ведь танки к Ла-Маншу вышли.

«Гитлер отдал стоп-приказ танкам и позволил англичанам унести ноги из Дюнкерка. Почему он это сделал? Да потому, что хотел с ними договориться о мире и вместе напасть на Советский Союз. В этом была его ошибка — англичанам быть с ним в одной упряжке не улыбалось, ведь они сами владели миром. Как же — первая морская держава, масса колоний, над империей никогда не заходит солнце. Даже позже, после бомбежек Ковентри и Лондона, Гитлер надеялся договориться, ведь не зря же Гесс летал к Черчиллю. Вот тут собака зарыта, и не одна...» — но додумать Андрею не дали.

Дверь тихонько отворилась, и на пороге появился Шмундт — лицо полковника имело озабоченное выражение.

— Мой фюрер, как вы себя чувствуете? Вы сможете подняться? — почти прошептал адъютант.

— Уже лучше, Шмундт, — сразу отозвался Андрей, понимая, что если за ним подсматривают, то давно видели его открытые глаза, ведь в комнатенке горел ночник, включенный камердинером.

— Мой фюрер, неожиданно прибыл фельдмаршал Геринг. Он уже знает о произошедшем с вами несчастье и ожидает с генералом Кейтелем. С ними генерал-майор Йодль для утреннего доклада. Согласно вашему распоряжению, — последние слова адъютант вымолвил как-то растерянно, с сочувствием взирая на лежащего перед ним Гитлера.

«Начинается», — пронеслось в голове, и Андрей тихо запаниковал. Он совершенно не знал, как одевался Гитлер. Вернее, как его облачали, или, может, он сам натягивал на себя свою «мышиную» униформу. А потому Родионов решил выбрать промежуточный вариант.

— Помогите мне одеться. Я еще плохо себя чувствую.

Адъютант принял просьбу как должное. И вместе с вошедшим слугой они принялись в четыре руки облачать «больного». Затем отвели в ванную, где на полочке заботливый доктор, мать его через коромысло, поставил стакан с какой-то бурдой.

— Мой фюрер, прополощите этим рот — раствор полностью заменит зубной порошок. У вас кровоточат разбитые десны, — врач чуть ли не насильно дал в руки емкость.

Деваться было некуда, и Родионов принялся полоскать рот. Приятного было мало, жидкость отдавала гадостью, но омерзения не вызывала. Покосившись на предупредительно приоткрытую дверь туалета, Андрей только мотнул головой — желания сходить туда он пока не испытывал.

А мозг в это время лихорадочно просчитывал варианты — «если этот боров, наци под вторым номером, уже здесь, то худо дело. Геринг явно пришел посмотреть на фюрера с одной целью — освободит ли тот для него место во главе Германии. Потому надо постараться вести себя предельно реалистично, с поправкой на обстоятельства».

Лондон

— Бригадир Николсон должен держать Кале насколько это возможно, — Уинстон Черчилль пыхнул сигарой, выпустив клуб дыма. Ситуация складывалась чертовски пренеприятная, но энергичный потомок герцогов Мальборо, несмотря на изрядную полноту, пока не видел в ней трагедии.

— Ни в коем случае не капитулировать или попытаться вывезти гарнизон. Иначе армия Горта потеряет поддержку с тыла... Вот тогда действительно будет плохо! Немедленно радируйте об этом в Кале.

Адъютант молча наклонил голову и тут же вышел из кабинета, а Черчилль в очередной раз пыхнул сигарой и задумался: «Чертовы немцы — ну кто ожидал, что они пошлют свои танки через лесистые Арденны, местность ведь самая неподходящая для движения моторизованных колонн». Но они прошли и вышли к Каналу, так англичане привыкли называть Ла-Манш.

Сейчас Черчилль думал о главном — война может быть проиграна. Хотя лично он надеялся, что на берегах Соммы или Сены французам удастся остановить ненавистных им «бошей». Но тут премьер-министр усмехнулся — второй раз чудо вряд ли произойдет, уж слишком велика разница в силе. Вернее, в умении ее применять. Блицкриг оказался страшнее, чем рассчитывали английские и французские генералы с политиками.

Стремительные танковые прорывы, германские самолеты, что постоянно висели над полем боя, великолепное взаимодействие между ними, артиллерийская поддержка — все это вместе сломило уверенность у союзников.

Черчилль понял это два дня тому назад, когда отдал распоряжение начать выводить из Дюнкерка тыловые подразделения британской армии. Чутье политика его не обмануло — отчаянные атаки британцев на Бапом оказались безрезультатными — прорваться за Сомму и соединиться с главными силами французам они не смогли.

Теперь выбора не оставалось — если дивизии генерала Горта задержатся у Арраса и Лилля, то они неизбежно будут отсечены от побережья и погибнут в окружении. Чертов Гудериан, его танки уже у Кале, до Дюнкерка один рывок. И тогда произойдет катастрофа!

Черчилль еще раз пыхнул сигарой, он осознал, что решение необходимо принимать без промедления. Французы потерпят поражение, пусть даже агония Четвертой республики затянется еще на несколько недель. Нет, с ними все кончено. И никто не поможет, как в той, первой войне, когда русские начали наступление в Восточной Пруссии, погубили два корпуса, но спасли Париж. Нет, Сталин так не сделает, зачем ему выручать Антанту?!

Он уже поделил с Гитлером Польшу, в ближайшее время полностью заглотнет прибалтийские лимитрофы, а потом на очереди будут румыны и неуступчивые финны. Тем достанется от большевиков во второй раз, не стоит обольщаться. Нет, Францию уже ничто не спасет!

Черчилль тяжело поднялся с удобного кресла — решение окончательно пришло. Англия не может потерять свою армию на побережье! Другой у нее просто нет. Она не должна остаться беззащитной, когда судьба Франции предрешена, а будущее британской короны под страшной угрозой германского вторжения. Нет, нет и еще раз нет!

Глава вторая

«Пустить им кровь»

«Фельзеннест»

— Доброе утро, мой фюрер!

— И вам того же, Геринг! — Андрей старался держаться в соответствии с фильмами и кинохроникой, когда там показывали Гитлера, и теми скудными описаниями или романами, которые он прочитал о Второй мировой войне.

Глядя на фельдмаршала, не удержался от мысленной ухмылки — это был не боров, а здоровенная свиноматка с обвисшим брюхом, огромная и расплывшаяся, намного крупнее, чем он считал раньше.

А может, все дело в его новом теле — Гитлер был просто худым доходягой, и хоть чуть выше Андрея, но доставал макушкой командующему люфтваффе только до подбородка. И тощ — дистрофик какой-то!

«Вроде проскочило. Не дожدهшься, хорек оплывший!» — безгласно подумал Андрей, поймав оценивающий взгляд Геринга, который тот бросил на перебинтованную голову и налившиеся фиолетовыми переливами синяки. Но с утешениями или расспросами о здоровье никто не лез — он дал понять, что сейчас не в духе.

Впрочем, народу в бункере было немного — кроме них, еще стройный пожилой генерал Кейтель в монокле, с хорошей прусской выправкой, второй генерал почти такого же облика, прям под копирку сделан, только помоложе.

Главный военный адъютант Шмундт и адъютант от люфтваффе фон Белов скромно притулились в углу за столиком. Был еще и адъютант Йодля, но он, расстелив карту, немедленно вышел.

Родионов уже разобрался, где он находится, но вылезать на поверхность земли в штабной барак, что служил и столовой, сейчас не намеревался. Еще не пришло время показывать себя народу, часов десять можно было потянуть. Но вот вечером придется — в ставке «им» лично было назначено совещание всего военного руководства рейха.

— Докладывайте обстановку, генерал, — тихо буркнул Андрей, бросив короткий взгляд на Йодля, того самого, что повесили в Нюрнберге. Вернее, еще повесят, но тогда и ему самому в новой шкуре придет кирдык. От таких мыслей у Андрея ум за разум заехал в очередной раз.

— Мой фюрер, операция идет в соответствии с графиком. Вступившие в Бельгию англо-французские армии рассечены, до 30 дивизий отрезаны в районе Кале — Дюнкерк — Аррас — Лилль. Генерал Рундштедт докладывает, что англичане энергично ведут подготовку к вероятному наступлению на Аррас. На данный момент сложилась следующая обстановка...

Андрей внимательно смотрел на карту, почти не слушая Йодля, который монотонно, скупым военным языком перечислял номера дивизий и показывал что-то на карте короткой указкой.

«Если уничтожить английскую армию полностью, до последнего солдата, то на проклятом острове с обороной станет туго. Регулярную армию из необученных резервистов сразу не создашь, потребно полгода, не меньше. А потому терять время нельзя, момент очень удачный. Британцы свои острова защищать будут отчаянно, и немцы серьезные потери понесут, что нам и требуется. — Андрей нахмурился. — Надо пустить им кровь, и немцам, и британцам. Хорошо пустить, чтоб обессилели и озлобились друг на дружку. Тогда уж точно не сговорятся, если

меня расколют... — Мысли начинали потихоньку оформляться в более-менее нечто складное. — Ага! Товарищ Сталин их по заливку ледорубом враз ударит, как проститутку Троцкого, искушения не выдержит. И я ему тем поспособствую, чего не хотелось бы. Достали меня эти коммуны еще в той жизни, со своими „ГУЛАГа“ и „славой КПСС“. Пусть со всеми в мире живут — страна большая, лучше ее обустроить, хоть в магазинах для народа что-то появится. Вот веселье будет, праздник живота!»

— Генералу Рундштедту необходимы два дня для приостановки наступления, чтобы перегруппировать войска...

— Нет, генерал. Нельзя терять не только два дня, но даже часа. Промедление смерти подобно. Вы же знаете, что прорыв не терпит перерыва! — Андрей заговорил таким сварливым голосом, что тут же сам удивился. Наверное, от «прежнего» передалась такая манера. — Нужно уничтожить их всех, они не должны увести на остров даже роты. Пусть Рундштедт наступает всеми силами, а танки Гудериана должны с боем занять Дюнкерк до прихода туда главных сил британцев. И держать его любой ценой! Это единственный оборудованный порт, ведь Булонь и Кале почти в наших руках. И эвакуация сорвется...

— Англичане тогда не станут увозить войска, мой фюрер. Они сейчас наступают на Аррас. Если британцы прорвут наши дивизии, которые вытянулись тонкой цепочкой, то отбросят танки Клейста и соединятся на Сомме с французами. Корпус Гудериана будет полностью отсечен и разгромлен, ведь он зарвался. Нужно время на перегруппировку...

— Нет, Йодль, и еще раз нет. Пусть Рундштедт поторапливает отставшую пехоту, а танки должны наступать. Англичане не пойдут на прорыв, я в этом уверен, они начнут эвакуацию из Дюнкерка!

«Я не только в этом уверен, я это знаю!» — мысленно добавил Андрей и посмотрел на Йодля. Тот покорно наклонил голову, выражая этим согласие, но тут встрял Кейтель:

— Мой фюрер, в ту войну они устроили нашим войскам «чудо на Марне», и мы поплатились за это...

— Если мы не дадим им ни секунды передышки, то им никакое чудо не поможет! — Андрей чувствовал, что начинает закипать как чайник.

Теперь он понял, почему во всех фильмах Гитлер кричал на генералов. Попробовали бы эти пруссаки вот так товарищу Сталину возражать! А ведь бывшие здесь генералы самые покорные и преданные. Что же будет вечером, когда он столкнется клюв клювом с вояками, возглавляющими сейчас ОКХ? Ведь они фюрера, что в ту войну ефрейтором был, открыто презирают!

И тут же в голову пришла интересная идея. Он вспомнил прочитанные мемуары одного немецкого генерала, которого называли «блестящим оперативным умом вермахта».

— Вечером начнется совещание, на нем и обсудим все вопросы. Пока же радируйте Рундштедту — наступать, наступать и наступать. Танки Гудериана должны завтра ворваться в Дюнкерк!

— Мы можем потерять его корпус, мой фюрер. Танки понесут большие потери, местность для их продвижения малопригодна. — Йодль склонил голову и сжал челюсти, как бульдог, у которого пытаются вытащить кость из пасти. — Потому Рундштедт просит день на перегруппировку...

— Нет и еще раз нет! Сейчас же отправьте мой прямой приказ Гудериану — пусть немедленно атакует Дюнкерк, пока там небольшой гарнизон. Ведь стоит отойти туда всей британской армии, и мы уже дорого заплатим за промедление. И Рундштедту мой категорический приказ, Йодль, укажите в нем строго то, что я его не отменю. Геринг!

— Да, мой фюрер! — толстяк презрительно посмотрел на генералов и даже сделал шаг в

сторону.

— Помогите авиацией, как только возможно, но Дюнкерк должен быть у нас. И проследите за созывом всех на совещание. Оно будет, как запланировали. К вечеру. Да, вот еще, — Андрей повернулся к Кейтелю. — Где сейчас Манштейн?

— Назначен командиром 38-го корпуса 12-й армии, мой фюрер, — генерал тут же отозвался, услужливо склонившись. Родионов вспомнил, что Кейтель никогда не перечил Гитлеру, за что получил от генералов вермахта кличку Лакейтель.

— Вызовите его ко мне сюда, не мешкая! Геринг, прошу вас, немедленно дайте самолет с самым лучшим пилотом. Манштейн должен быть у меня за несколько часов до нашего совещания.

— Он будет у вас, мой фюрер! Мои люфтваффе берут это на себя!

Кале

— Больше пота, меньше крови, парни! — гауптштурмфюрер Курт Майер поторапливал своих мотоциклистов, что отчаянно рыли окопы. — Лучше десять метров траншеи, чем один метр могилы!

Его разведывательный эскадрон уже вырвался далеко вперед, опередив «лейб-штандарт». Впереди виднелись поднятые вверх стальные рамы портовых кранов, и думалось: один рывок, и все — его мотоциклисты и танки из армейской дивизии ворвутся в город.

Да не тут-то было — англичане встретили немцев таким плотным огнем, что враз стало не до лихих налетов, пришлось думать о кропотливой осаде. Но уныния не было — одна радость царила на душе.

Ах, как все начиналось хорошо, а идет еще лучше. Даже десятки сожженных Ю-52, что садились под убийственным огнем голландцев, не оставили смятения в душе эсэсовского капитана. Он даже позавидовал отчаянным парашютистам генерала Штудента, что выпрыгивали из горящих самолетов и атаковали яростно отбивавшийся гарнизон. Вот как надо воевать, он так и будет.

— Гауптштурмфюрер! — перед офицером как из-под земли возник молодой обершарфюрер в запыленном мундире. — Мои парни взяли в плен голландского сержанта, что сбежал из города. Поспрашивали его вдумчиво. Тебе надо знать — интересные вещи рассказывает этот недомерок.

— Какие, Пауль? — в эсэсовских частях были товарищеские отношения между офицерами и солдатами, на «ты» и без армейского «герр». Отсутствие такого субординационного барьера делало ваффен СС, с одной стороны, необычайно стойкими, но с другой — вело к неоправданно большим потерям.

— Англичане разоружили всех французов, голландцев и бельгийцев, они полностью деморализованы поражениями. Тысяч десять солдат. Разогнали галлов по подвалам и поставили часовых. Британцев до пяти тысяч, командует бригадир Николсон — у него приказ оборонять город до крайности. Сюда и к Дюнкерку отходят британские дивизии для эвакуации.

— Пленного сейчас же отвезите в штаб панцер-дивизии. Там «Быстроходный Хайнц» крутится. Для него это будет хорошая новость!

Майер, как и все эсэсовские офицеры, недолюбливал армейских генералов. Они закоснели в мышлении и не понимали нового характера войны. Но не Гудериан — вот его в «лейб-штандарте» стали крепко уважать за прошедшие дни.

Напористый, быстрый и решительный — с ним одержаны победы. Недаром танкисты череп

на петлицах носят — даже отчаянно храбрые эсэсовцы, у которых была та же эмблема на фуражках, завидовали им, клятвенно утверждая, что те носят «мертвую голову» по законному праву. А уже это одно о многом говорило.

«Фельзеннест»

«Я на этих морковкиных котлетках загнусь раньше срока. Твою мать, с этим вегетарианством. Ты смотри, что деется — весь мир кровью по макушку зальет, а мясо не ест!» — Андрея внутри трясло, но он держал себя в руках. Одно дело прочитать про быт Гитлера, и совсем другое — столкнуться с ним наяву, чтоб ему ни дна ни покрышки.

Он хотел жрать, именно жрать — слово «есть» не подходило. По его просьбе принесли обычный завтрак фюрера с поправкой на полевые условия. Да в студенческой столовой до такого непотребства не доходили, хоть и воровали повара знатно! А здесь порцию такую подали, что лупа нужна, на один зубок. Обрадовался поначалу, как же — котлетки, а через минуту вспомнил Лизу из «Двенадцати стульев», что, давясь, сквозь силу ела фальшивого зайца. И еще хотелось курить — жадно, захлеб. Но то было его желание, ведь настоящий фюрер был некурящим.

«Все же хорошо, что я харей славно приложился. Сбылась мечта идиота — заехал самому Гитлеру в рожу. Вернее, по морде. То есть харей приложился. Тьфу ты, одна у него образина, а вариаций сколько. Теперь дня два у меня есть, а потом спалюсь, как „тигр“ под Прохоровкой. Этот гребаный фюрер в любую свободную минуту речи толкал да еще своим секретаршам по ночам видение мира излагал, насквозь кровожадное. Лучше бы трахал их, а не по ушам ездил. Да еще Ева Браун где-то ходит, припожалует вскоре. Она же его как облупленного знает! А если он на этой уродине мужской долг проявлял?! И как мне сие делать прикажете?! Нет, хана мне, расколют! Надо что-то срочно придумать!»

Андрей прилег на диван — он продолжал симулировать небольшое сотрясение, хотя чувствовал себя относительно хорошо. Но такое «болезненное» состояние позволило ему отдать категорический приказ — никто, ни под каким предлогом, не должен беспокоить фюрера, за исключением экстраординарных событий на фронте.

А так как Родионов знал, что в ближайшее время там для фашистских войск не будет неприятностей, то сутки-другие проволынить можно, а там, может, и рассосется, как беременность у гимназистки.

Но в глубине души он понимал, что не пронесет — бабы, а их Гитлера окружала целая прорва, от любовницы до секретарши и стенографисток, в столице их пруд пруди, твари наблюдательные и быстро выводы сделают, мнениями поделятся, пересуды женские — вещь постоянная и интернациональная, что немок взять, что наших.

«Хорошо, что я не в Берлине, рейхсканцелярии, а в ставке. Это я удачно пока кручусь. По крайней мере, тут народа меньше, все же ставка верховного главнокомандующего. Ох, и накомандую им, дайте только срок! Но нужно что-то начинать делать, а то заподозрят!»

Андрей заворочался от дурного предчувствия. В голове крутилась фраза из анекдота — «никогда Штирлиц так не был близок к провалу». И тут же помимо воли хихикнул, припомнив другой анекдот из этой же серии. Мюллер со Штирлицем сидели на берегу канала Шпрее на травке. Глава гестапо припомнил родные березки в Рязанщине, штандартенфюрер грустил о любимых белых ночах в Ленинграде. Так они и сидели, пока Мюллер не сказал: «А может, фюрер тоже наш человек?»

Родионов чуть не подавился смехом, но тут его осенило. Гитлер же в Первую мировую

войну на Западном фронте рядовым солдатом воевал, и если он сейчас захочет к войскам выехать, никто не удивится.

«А так как поездка будет полевой, то лишний народец за мной не потянется, я их просто с хвоста срублю. Так-с! А ведь это выход! Надо немедленно рвать когти завтра утром. Вечером совещание как раз, поставлю перед генералами вопросы и свалю с рассветом. Решено, так и делаю».

Андрей приподнялся и сел на диване, отвалившись на спинку. Ему захотелось закурить до ломоты зубов. Чтобы отвлечься от назойливого желания, он посмотрел на приоткрытую дверь, за которой дежурил его главный адъютант, и громко произнес:

— Шмундт, Шмундт!

Кале

Генерал Гудериан напряженно всматривался в бинокль — картина развернувшегося сражения ему сильно не нравилась. В Кале второй час шел ожесточенный уличный бой между 10-й танковой дивизией и упрямым английским гарнизоном.

Нужно было решить вопрос по перегруппировке частей — вот только где взять подкреплений?! Под его началом три танковые дивизии и отдельный полк «Великая Германия» и два объекта для штурма — Булонь и Кале, а на Дюнкерк нужно наступать не менее чем двумя дивизиями.

Будь у него еще дивизия инфантерии, он бы тогда предоставил пехоте вести штурм города и старой крепости: танкистам и моторизованным частям на улицах Кале не место, они нужны для наступления на Дюнкерк, до которого один яростный бросок его панцеров. Хорошо, что Булонь может быть взята к вечеру, тогда можно будет освободившуюся тяжелую артиллерию корпуса перебросить под Кале, сломить наконец сопротивление британцев.

— Майн герр! — за спиной послышался взволнованный голос старшего офицера штаба майора Венка. — Вам телеграмма из ставки фюрера.

Гудериан поморщился, от начальства всегда следует ожидать неприятностей, но взял пакет, надорвал жесткую бумагу. Достал листок и впился в него взглядом. По мере чтения лицо генерала вначале разгладилось, потом на губах заплесала еле уловимая улыбка.

— Майор, немедленно передайте мой приказ генералу Шаалю — пусть выводит дивизию из Кале, оставив там полк мотопехоты. Через два часа сюда подойдет весь «лейб-штандарт Адольф Гитлер», вот ему и приказано заняться штурмом города и цитадели.

— Есть, мой генерал! — Венк козырнул, развернулся и тут же стал отдавать распоряжения связистам.

Гудериан склонился над расстеленной картой, сделал пометки карандашом, затем посмотрел на адъютанта.

— Вальтер, немедленно передайте оберсту Нерингу — 10-я танковая дивизия перебрасывается к Бурбужвилю, а генерал Кирхнер со своей 1-й панцер-дивизией атакует по побережью от Гравлина. Обеим дивизиям идти на Дюнкерк, не считаясь с потерями. Вторым эшелоном пойдет 10-я танковая с полком «Великая Германия». Начать переброску тяжелой артиллерии от Булони немедленно, она нужна под Дюнкерком. Да-да, под Дюнкерком. А Кале пусть берет «генерал» Дитрих со своими эсэсовцами.

Гудериан саркастически хмыкнул сквозь зубы, «производя» группенфюрера Дитриха в не положенный тому армейский чин. Хайнц, как и большинство генералов вермахта, критически и настороженно относился к появлению полевых войск СС, или ваффен СС, как их называли, в

отличие от обычных эсэсовцев.

Стремление Гитлера обзавестись собственной гвардией он не разделял — армия должна быть едина, и создание эсэсовских частей могло подорвать доверие между вермахтом и фюрером как верховным главнокомандующим.

К тому же в СС не имелось настоящих генералов, пропитавшихся духом на службе в рейхсвере, за исключением Хауссера. От вчерашних мясников или лавочников, нацепивших генеральские мундиры, пользы мало. Вследствие их бестолковости растут только потери среди эсэсовцев, этих отчаянных парней и превосходных солдат, которые в рядах обычных дивизий принесли бы намного больше пользы.

«Фельзеннест»

— Мой фюрер, к вам генерал Манштейн!

Голос Шмундта вывел Андрея из размышлений. Он искренне удивился — умеют работать, собаки. Вот что значит знаменитый немецкий порядок — орднунг: за пять часов нашли «лучший оперативный ум вермахта» и сюда доставили. Хотя какие тут, в Европе, расстояния, не больше часа-двух лететь, да пара часов на поиски и сборы. Ну, еще полчаса доехать с аэродрома.

— Мой фюрер!

Чеканным шагом в кабинет вошел пожилой генерал с седыми висками. Вытянувшись, словно кадет перед офицером, он цепко впился глазами в Андрея, прижав ладони к лампасам пропыленного, несмотря на следы пущенной в ход щетки, мундира.

— Я рад вас видеть, генерал, — Андрей подошел к Манштейну и протянул ему ладонь — рукопожатие было крепким. Они обменялись взглядами, и в глазах генерала Родионов сразу увидел, как волнами плещется безумная надежда, ожидание чего-то главного для своей жизни. И боязнь в это поверить, ошибиться.

— Вы разработали план «Гельб», генерал! — нейтральным голосом произнес Андрей, как бы констатируя факт. — И привели наши войска к успеху. Союзные войска рассечены, танки Гудериана вышли к Ла-Маншу на большом протяжении. Они уже у Кале. Генерал Рундштедт предлагает приостановить наступление для перегруппировки войск. Я считаю, что это позволит англичанам зайти в Дюнкерк, укрепиться там и потом организованно вывезти свою армию.

— Мой фюрер! Это... — генерал прямо поперхнулся словами. Его лицо за секунду покрылось дивными багровыми пятнами возмущения. Глаза метали молнии, только присутствие Гитлера сдержало Манштейна от непарламентских выражений.

— Нет, мой милый Эрих, — мягким голосом отозвался Андрей, подпустив погуще меда — немецкая генеральская среда, как он и надеялся, оказалась тем еще террариумом, шипящим и ползающим. А ведь Рундштедт был его командующим раньше, с рук, как говорится, кормил. — Это просто ошибка! Что намного хуже! Мне нужен ваш совет, генерал. Взгляните на карту и оцените, к чему приведут два дня приостановки наступления, которые требуют от меня для перегруппировки.

Манштейн прусским шагом подошел к столу, склонился над разложенной картой. Думал целую минуту, а когда повернулся к фюреру, Родионов увидел, как его подбородок вздернулся в предвкушении триумфа.

— Приостановка губительна, мой фюрер. Наоборот, надо отдать приказ и о занятии Дюнкерка, и о наступлении на Сомме, с обходом Парижа с запада, как раньше предлагал Шлиффен.

— Я разделяю ваше мнение, генерал. Более того, я считаю, что интриганы из ОКХ поступили с вами несправедливо, даже подло, Эрих! Они живут старыми представлениями о войне и до сих пор в отличие от вас не поняли, что появление мотора, танка и авиации позволило перевести искусство войны на более высокий уровень. А потому планирование операций и их проведение должно выполняться только теми генералами, кто понял это и принял, такими, как вы. Я не могу дальше вручать германскую армию невеждам!

Андрей сам удивился внезапной вспышке злобы. Почему-то в эту секунду искренне возненавидел Гальдера, которого не знал. «Значит, эмоциональная составляющая Гитлера, — подумал он, — может влиять и на мой разум в его теле. Как интересно!»

Манштейн прямо на глазах стал выше ростом, напыжился — как же, сам фюрер признал его гений. Андрей мысленно ухмыльнулся — пусть так считает этот недобитый гитлеровец, чьи мемуары были прочитаны в свое время.

Андрей руководствовался простым, как рельса, соображением: возглавлявший главное командование вермахтом, или ОКВ, генерал Кейтель и начальник оперативного отдела Йодль, которых, как он знал, повесили по приговору Нюрнбергского трибунала, были виновны в планировании нападения на Советский Союз.

А так как в 1941 году немцы дошли до Москвы, то лучше этих планировщиков стреножить Манштейном. Заранее развязать тому руки, пусть этот талантливый гитлеровец, запомнившийся ему по киноэпопее «Освобождение», делает с Англией и Америкой все, что на ум взбредет. Планирование же войны против СССР Андрей решил на корню зарубить...

Мюнстер

— Потери довольно значительные, герр генерал, — начальник штаба 2-го воздушного флота говорил сухим казенным языком, без малейшего признака эмоций. — Под Дюнкерком появились «Спитфайры», а нашим «Мессершмиттам» не хватает дальности.

— Я понимаю, Шпандель, но из ставки требуют усилить бомбежки. По побережью продвигается корпус Гудериана, он уже в двадцати километрах к западу от Дюнкерка. Если порт будет взят в ближайшие часы, то мышеловка захлопнется и британская армия окажется отсеченной от побережья.

Командующий 2-м воздушным флотом генерал-полковник Альбрехт Кессельринг бросил короткий взгляд на висевшую на стене карту — красные стрелы танковых корпусов почти полностью рассекли толстые синие линии англо-французских войск.

— Сегодня-завтра мы получим в помощь истребители 1-го флота. Из ставки обещают дать всю возможную помощь.

Кессельринг снова бросил взгляд на карту — о таком успехе наступления он и не мечтал две недели назад. Службу генерал начал давно — 36 лет тому назад, в артиллерии. В ту войну он был обычным штабным офицером, видел весь кошмар позиционной войны. Но сейчас все иначе — танки и самолеты полностью изменили характер наступления: вместо медленного прогрызания обороны произошел стремительный прорыв.

Только сегодня генерал уверовал в победу — голландцы и бельгийцы выведены из игры, англичане и лучшие дивизии «паулю» почти окружены, а вся французская армия выдавлена за Сомму и Эн. Победа близка как никогда, но она будет еще ярче, если удастся уничтожить всю британскую армию. И тут удары его воздушного флота важны как никогда.

— Шпандель! Передайте Рихтгофену и Келлеру — усилить давление насколько можно. Нужно обеспечить полное взаимодействие с танкистами Гудериана. Ускорьте перебазирование

истребителей на захваченные бельгийские аэродромы — тогда хватит дальности для прикрытия всей воздушной зоны над Дюнкерком. Сейчас, именно в эти часы, решается судьба войны!

— Я понял, мой генерал!

Начальник штаба коротко кивнул и вышел из кабинета, затворив за собой дверь, а Кессельринг подошел к карте и усмехнулся: армия рвет фронт союзников при поддержке его самолетов. И генерал мысленно возблагодарил судьбу за то, что он вовремя пришел в люфтваффе. Он баварец, а не пруссак, и не «фон» к тому же, и останься он в ОКХ, то командовал бы в лучшем случае корпусом.

Зато сейчас под его началом несколько корпусов, целая армия самолетов, которые решат судьбу этой войны. Геринг тут прав — люфтваффе сейчас определяет характер и темпы наступления германских войск.

«Фельзеннест»

— Мой фюрер, — Манштейн смотрел чуть ли не умоляюще, — меня беспокоит отсутствие централизованного планирования и управления операциями. У нас три генеральных штаба — сухопутных войск, люфтваффе и кригсмарине, — каждый из которых зачастую готовит свои разработки, не согласуя с другими видами вооруженных сил.

— Хорошо, Эрих, — покладисто согласился Андрей, понимая, откуда ветер дует. Вот уж пройдоха, этот Манштейн — сам метит на место начальника штаба и заранее подгребает под себя.

— Мой фюрер! Нужно разработать положение, по которому планирование и руководство всеми операциями передается в созданный объединенный генеральный штаб ОКВ, а штабы родов вооруженных сил именовать главными, оставив в их компетенции административные и иные функции.

— Хорошо, генерал, — снова согласился Андрей. — Сделайте предварительные наброски этого положения, но не торопитесь, сейчас у нас есть более главная, неотложная задача.

— Какая, мой фюрер?

— Вот об этом мы с вами сейчас и поговорим. Но вначале скажу вам честно — к вашей отставке от штаба группы армий «А» я не имею никакого отношения — она была сделана по настоянию Гальдера и Браухича. Более того — два года назад вас сняли с должности начальника оперативного управления штаба ОКХ именно по настоянию генерала Бека, заменив Гальдером, — Андрей остановился. Он хотел сказать «фон Бока», но внутренний голос неожиданно сломал язык и произнес похожую, но другую фамилию, грубо попеняв: «Федор фон Бок к штабу совершенно не пригоден, сейчас командует группой армий в Голландии».

Андрей понял, что мозг настоящего Гитлера, хоть придавленный его разумом, как-то функционирует и даже дает подсказки. Но он сразу себя одернул — с этим нужно разобраться чуть позже, а пока привлечь на свою сторону Манштейна — «судя по всему, этот генерал сильно недолюбливает цоссенских умников из штаба ОКХ».

— Бек еще сказал, что вы слишком молоды для поста, а Гальдер сделал все, чтобы вас отдалить от генерального штаба. Я думаю, он просто вам завидует, потому иной раз лживо упрекает вас в косности и бездарности, — Андрей любовался искажившимся от ненависти лицом Манштейна, мысленно добавив: «А еще они тебя называют толстым земляным червяком». — Но у меня к вам просьба, Эрих. Если мы разгромим английскую армию здесь и позже выведем из войны Францию, можем мы закрепить итог нашего блицкрига высадкой войск в Англии? Раз и навсегда покончить с вероятностью новой войны в Европе!

— Мой фюрер, такая операция возможна, но, предупреждаю вас сразу, слишком велик риск, и потери могут быть весьма значительными.

— Генерал, а что лучше — один раз понести пусть даже большой ущерб, но закончить войну победой?! Или из-за боязни потерь дать противнику время опомниться, воссоздать армию, перевести промышленность на выпуск военной продукции?! Боюсь, что тогда, мой Эрих, мы заплатим намного дороже. Вы хотите иметь под боком у рейха огромный аэродром, с которого будут бомбить Германию и собирать дивизии?!

— Нет, мой фюрер!

— А потому я назначаю вас начальником штаба ОКВ. Вы будете моей головой, как когда-то сказал Блюхер про Гнейзенау. Генерал Йодль станет вашим начальником оперативного отдела. Но это временно, мой Эрих. После проведения операции против Франции, ее успешного завершения, вы возглавите объединенный имперский генеральный штаб ОКВ. И вот тогда проведете задуманные вами реформы управления. А пока сделайте наброски будущей высадки войск. Вам надо через три часа доложить свои соображения на совещании, где будут все командующие.

— Есть, мой фюрер! У меня только один вопрос. Как вы планируете назвать эту операцию?

Андрей на секунду задумался, непроизвольно тряхнул головой. Первая мысль, как он знал, обычно самая удачная, а потому не следует даже в мелочах ее корректировать. Тем более это название уже было в ходу.

— «Зеелеве»! «Морской лев»! Само имя будет говорить о кончине одряхлевшего британского льва. Они привыкли сидеть на своем острове в безопасности — но пусть война придет в дом к ее поджигателям, что сотни лет интригуют на континенте! Идите, генерал, занимайтесь своим делом. Шмундт покажет вам кабинет, там все готово. Офицеры Йодля вам помогут!

— Есть, мой фюрер!

Манштейн щелкнул каблуками начищенных сапог, четко развернулся через левое плечо. Чуть ли не строевым шагом, словно кадет на плацу, вышел из кабинета. Дверь за ним тихо закрыли, и Андрей опять остался один. Подошел к дивану и прилег — он до сих пор чувствовал себя неважно, побаливала голова, саднило разбитое лицо.

«А ведь дело может и выгореть. Немцы, конечно, высадутся в Англии — Ла-Манш не такой и широкий, и разметелят британское ополчение, вояки из них худые. Нужно только их кадровые дивизии не выпустить из окружения и не дать на остров вывезти. Дюнкерк должен быть взят немедленно, а потом последует и десант...» — Мысли в голове текли медленно, тягуче, как смола. — «Вот только потери будут не просто значительными, тут Манштейн заблуждается, они станут чудовищными. Англичане обязательно введут в проливы свои линкоры и крейсера, жалеть не будут. Люфтваффе их перетопит — и тогда все будет путем. Англия захвачена, ее флот на дне, авиации нет. Как и у немцев — они взаимно друг друга истребят. Да еще два десятка дивизий фашисты спишут, я уж позабочусь, чтоб их побольше на дно ушло, в Чапаева пусть поиграют!» — Андрей весело хмыкнул, представив, как британские линкоры топят баржи и буксиры, на которых brave ребяташки в форме цвета «фельдграу» отправляются на корм рыбам.

Но тут его мысли неожиданно сменили направление, и он резко присел на диване, вытерев выступивший на лбу пот.

«Твою мать! А ведь можно опереться на вменяемых генералов, их же много, нацистов они отнюдь не любят. Ведь Гитлеру бомбу в портфеле принесли в сорок четвертом. Как же — аристократы, фоны гребаные, а им всякие нацики указавы отдают. А если их руками всю нацистскую партию, как клопа вонючего, раздавить?! С гонениями на евреев покончить,

концлагеря позакрывать, эсэсовцев перестрелять. Аристократы, значит...

А если я им кайзера верну? Да и будущее туманно... Ведь я в эту шкуру залез, то мало ли что. А вдруг мы с Адольфусом местами снова поменяемся?! А так не страшно — я ему крылышки заранее подрежу. Это — мысль, надо хорошо ее продумать!»

Андрей задумчиво потер переносицу и снова улегся на диван. Лежа оно удобнее, да и голова меньше кружится. Прикинув, что до совещания еще есть пара часов, он решил вздремнуть — уж больно сильно в сон клонило, так, что веки сами слипались.

Кале

— Герр генерал! Комендант Кале прислал ответ на наш ультиматум!

— И какой же, Неринг? — хотя Гудериан задал вопрос, но спросил таким тоном, будто ответ был ему известен заранее.

— Мы перевели его как можно точнее. Он звучит так. «Наш ответ — нет, ибо долг британской армии, так же как и немецкой, — сражаться».

— Ну что ж — иного от бригадира Николсона я не ждал. Он лаконичен, как спартанец. Но взятие Кале сейчас задача не особо важная — мы прорвали позиции у Гравлина, танки Кирхнера уже вышли на дорогу к Дюнкерку! Хотя сопротивление англичан нарастает!

— Мой генерал! Может, нам лучше не атаковать на широком фронте от Бурбужвиля до Сен-Моплена, а продемонстрировать? Полка «Великая Германия» и подходящих от Булони частей 2-й дивизии достаточно для этого.

— Вы правы, оберст, — после минутного размышления отозвался Гудериан и внимательно посмотрел на начальника штаба, а тот продолжил:

— Им нужно установить правым флангом контакт с левофланговыми частями 41-го корпуса Рейнхарда — его мотопехота уже заняла предмостные укрепления на Аа у Сен-Оме.

— Хорошо, Неринг. Составьте приказ. И еще — мы атакуем на узкой полосе побережья между проливом и каналом, а потому контрудар англичан во фланг неизбежен, ведь они тоже идут на Дюнкерк. Пусть 1-я дивизия выполняет прежнюю задачу, а мотопехота 10-й дивизии с одним танковым батальоном продвигается по северному берегу канала, одновременно занимая позиции для обороны. В своем резерве Шаалю должен оставить танковый полк, разведывательный батальон и мотоциклистов. Они нужны или для парирования контрудара, или для наращивания нашего наступления.

— Я немедленно составлю приказы...

Договорить полковник не успел — в небе послышался знакомый рев моторов. Два десятка английских истребителей и одномоторных бомбардировщиков заходили в атаку: яростными и непрерывными атаками авиации британцы хотели приостановить германские танковые дивизии в их победоносном шествии на Дюнкерк.

— Но где же наши самолеты?! — только и воскликнул панцер-генерал, привычно залегая в заполненный жижей кювет.

Глава третья

«Дюнкерк должен быть взят»

«Фельзеннест»

Ставка Гитлера оказалась совсем не такой, как ее представлял Андрей, а очень скромной. Под горушкой были вырыты три небольших бункера, в одном из которых он так славно приложился харей по зеркалу. Наверху несколько строений и штабной барак. Народа совсем мало, и охрана на глаза не попадает, так, маячат на отдалении, да уткнули в небо длинные хоботки несколько зенитных орудий. Впрочем, как он уже подслушал, близлежащее к ставке селение было занято людьми из обеспечивающих служб.

С жадностью дыша майским прохладным воздухом, Родионов посмотрел на быстро темнеющую в сумерках горку и усмехнулся. Название ставки ему показалось смешным — «Гнездо в скалах». Он пожал плечами, еще раз ухмыльнулся, представив фюрера квочкой на яйцах, и пошел к бараку, где его уже дожидалось все руководство вермахта.

На этот раз народа собралось изрядно. Андрей поначалу запаниковал, но тут, как ни странно, на помощь пришла память. К его великому изумлению, он узнал, пусть и мельком виденных на фотографиях, практически всех — командующих ОКХ Браухича и кригсмарине Редера, заместителя Геринга Мильха, начальника штаба ОКХ Гальдера. Остальные военачальники ему были уже знакомы с утра — Геринг, Кейтель, Йодль и стоявший чуть в стороне Манштейн.

Отдельно переминались с ноги на ногу несколько генералов и адмиралов — как понял Андрей, то были представители от трех видов вооруженных сил при ставке. Но для чего нужны были эти статисты на совещании, он не понял, но не гнать же их из барака.

В помещении находились и три личных адъютанта фюрера — Шмундт, фон Белов и от военно-морского флот фон Путткамер. В самом углу притулились две стенографистки и моложавый офицер в форме люфтваффе.

Середину хорошо отделанного барака (хоть назвать таким словом это по-немецки добротное сооружение язык плохо поворачивался) занимал стол, накрытый зеленой тканью, персон на двадцать. На стене висела карта, исполосованная красными и синими стрелами, покрытая разноцветными овалами и кружками. Вглядевшись, Андрей узнал знакомые контуры и понял, что на ней приведена обстановка на ТВД — Бельгия и северо-запад Франции.

Однако в бараке не было знакомого по кинофильмам маленькой кривоногой обезьянки Йозефа Геббельса, а также известного обер-палача рейха в черном мундире с рунами и в очках на носу, Генриха Гиммлера. Это вызвало удивление — он сам, по простоте душевной, почему-то считал, что эта «сладкая парочка» находилась возле фюрера чуть ли не круглосуточно.

— Хайль Гитлер! — все присутствующие дружно поприветствовали фюрера его же именем. Хотя какое это имя, псевдоним, как у Сталина или Ленина. Андрей мысленно хихикнул: «Здорово было бы, если бы кричали „Хайль Шикльгрубер“! Вот потеха так потеха!»

— Зиг хайль, — вяло отмахнулся Родионов в ответ и похвалил себя. Генералы встретили это без малейшего удивления, видимо, настоящий Гитлер так себя и вел.

Встав за большим столом, Андрей мельком глянул на расстеленное зеленое сукно, девственно чистое. Ни тебе минеральной водички выпить, ни листиков с карандашами, чтобы мудрые слова фюрера записать. Однако надо было начинать, и он спросил сварливым голосом, уставившись на знакомого по фотографиям генерала взглядом голодного удава:

— Что нового, Гальдер?

— Мой фюрер! Генерал Рундштедт просит одни сутки на необходимую перегруппировку войск. На Сомме французское командование сосредотачивает механизированные и пехотные дивизии, включая две английские...

— Гальдер! Я же с утра отдал приказ... — начал закипать Андрей и осекся. Откуда у него появилась эта сварливость и быстро распалюющая гневом ненависть, он не понял. Ведь никогда такого у него не было. И тут его осенило: «Все идет от эмоциональной составляющей настоящего Гитлера, и если я не обуздаю его, то эта тварь меня замнет и снова будет властвовать над собой!»

— Мне понятны опасения Рундштедта! Он опасается контрудара?! Хочет подтянуть тылы и пехоту?! Но это не более чем напрасные терзания. Не будет контрнаступления, не будет! Поймите одно — не мы сейчас должны бояться очередного «чуда на Марне», чудеса для них закончились. А вот очередной Седан им вернется спустя семьдесят лет, и мы разгромим их, как добился победы великий Мольтке, — с таким пафосом в голосе Андрей никогда еще не говорил. И искренне удивился торжественности тона.

— Мой фюрер, — проскрипел Гальдер. — Прежде чем начинать наступление на Сомме, нужно полностью окружить и уничтожить английские войска. Они уже попали под обхват, и если взять Дюнкерк с запада, а Ньюпорт с востока, то будет полное окружение.

— Я согласен с вами, Гальдер! И мы не одиноки в нашем мнении — здесь генерал Манштейн, настоящий творец победного плана «Гельб». Давайте выслушаем его соображения по сложившейся на фронте ситуации. Это один из лучших оперативных умов, которыми так богата наша Германия. Он достойный преемник великого Мольтке. Генерал Манштейн будет назначен начальником оперативного отдела ОКВ.

— Мой фюрер! Господа! — у стола склонился седой генерал, держа в руках указку. — Ситуация складывается более чем благоприятная...

Андрей вполуха слушал Манштейна, зато цепко, но незаметно смотрел на генералов. Это было нечто — Браухич с Гальдером, особенно последний, с распаренными рожами, исходили злобной слюной. Но не тывкали, видя, что фюрер слушает молча, не скрывая своего интереса и одобрения.

«Вот так вам и надо — не перебивать царя! — ухмыльнулся бывший сержант „несокрушимой и легендарной“, глядя, как Манштейн безжалостно сечет, другого слова и не подберешь, руководство ОКХ. — Как шкодливых школяров! Талантливый генерал, что и говорить. Всего час работал с картой, но досконально разобрался и составил четкий план действий. Прав был писатель Грибоедов в своем определении подобных людей — „горе от ума“. Нет, пусть лупит англичан в хвост и гриву, но к планированию войны против наших я его близко не подпущу. Но как я здорово придумал — и Манштейна морковкой поманил, и стравил насмерть с Гальдером. Они готовы друг друга сожрать без соли и лука и не подавятся!»

Андрей покосился на авиаторов — оба откровенно злорадствовали над коллегами из ОКХ, особенно скалился Геринг. Кейтель тоже улыбался краешками губ, когда поглядывал на Браухича. Видно, и между ними черная кошка часто пробежала.

А вот взгляд Йодля Андрею не понравился — умен, собака, смотрит на Манштейна, как на врага, что отпихнул его от планирования операций. Тут все было ясно: «Пусть они рокировку совершат, Манштейну ОКВ, а тому корпус. А Редер мутен, ибо подчеркнуто держит полный нейтралитет, будто ход войны на суше его не интересует».

— Исходя из вышеизложенного, — сухой и безжалостный голос генерала Манштейна снова ворвался в сознание Андрея, — очевидно, что «желтый» план полностью выполнен. Бельгийская и голландская армии разгромлены, британские дивизии начали отход к Дюнкерку. Франция

потеряла свои лучшие механизированные дивизии, и у нее не осталось мобильных резервов. А потому следует окончательно уничтожить английские экспедиционные войска и немедленно переходить к выполнению «красного» плана — прорывом через плацдармы на Сомме, с обхватом главных сил французской армии северо-западнее Парижа. У меня все, мой фюрер!

— Спасибо, Манштейн, — Андрей поднял голову и понял, что победил — Гальдер и Браухич хоть и смотрели на Манштейна злобно, но подобрать аргументы не смогли.

«Хорошо, что я здесь в „авторитете пахана“. Иначе эти двое поступили бы с Манштейном по исконному русскому принципу — сам дурак! Даром что природные немцы!»

Лилль

— Фельдмаршал Айронсайд в отставке, а на его месте генерал Дилл, — командующий английскими экспедиционными силами во Франции, или ВЕЕ, как назывались они кратко, генерал Горт задумчиво посмотрел на листок радиогаммы. Этой новости он и ожидал — прежний начальник имперского генерального штаба запутался в обстановке и, хуже того, был готов поддерживать обреченных французов всеми силами.

В отличие от него сам Горт и Дилл прекрасно понимали, что Англия всегда готова воевать до последнего солдата! Но только союзного, будь то француз, русский или пруссак, как двести лет назад, в Семилетнюю войну короля Фридриха. Но погубить сейчас десять кадровых дивизий, вышколенных и обученных, — это безумие!

Горт посмотрел на карту — позиция союзных войск сильно походила на треугольник, с двух сторон охваченный германскими войсками, а с основания, на побережье, от Гравлина до Брюгге, — морем. Острие южного угла обороняли британские войска, на восточной стороне еще держались совершенно расстроенные и деморализованные бельгийцы, с запада фронт прикрывали основательно потрепанные дивизии французской первой армии.

Ситуация хуже не придумаешь — стоит немцам рассечь фронт союзников на побережье и занять два оставшихся порта, Дюнкерк и Ньюпорт, произойдет катастрофа. Все британские дивизии окажутся в мешке, из которого не вырваться. Горт прекрасно осознавал это — отчаянные атаки у Арраса показали, что прорвать немецкие позиции, усиленные танками, невозможно. И, следовательно, прорыв в южном направлении, на соединение с главными силами французов, это лучший способ погубить британские войска.

Остается только единственный шанс — быстро отвести к побережью британские части, превратив «треугольник» в «трапецию», все стороны которой займут союзники, а британцы укрепятся на плацдарме в районе портов. В согласии французов и бельгийцев Горт не сомневался — ведь эвакуацию мог обеспечить только флот Его Величества. А потому и бельгийское командование, и неумный французский генерал Бланшар, что постоянно требовал прорыва на юг, будут держать фронт до крайности, ибо британцы их вывезут не раньше, чем покинет побережье последний английский солдат.

«Фельзеннест»

— Таким образом, проведение операции «Морской лев» возможно, но не ранее, чем через двенадцать недель. Единственная сложность состоит в сборе достаточного количества переправочных средств, особенно быстроходных барж, способных за одну ночь пересечь пролив в обе стороны. И хотя бы неделю хорошей погоды в августе. Я закончил, мой фюрер!

Манштейн отошел от повешенной на стене карты, на которой были нанесены красным цветом группировки немецких войск и направления ударов, которые буквально рассекли знакомые глазу очертания островной империи.

Андрей пребывал в шоке — за два часа Манштейн ухитрился не только сделать наброски операции — какие, к черту, наброски! Генерал разработал конкретный план, вплоть до расчета требуемых сил и средств, с многоступенчатыми фазами развития. Более того — Манштейн уже сейчас предложил начать развертывание «армии вторжения», приведя перечень из нескольких дивизий, которые можно без ущерба для фронта отвести в тыл для планомерной подготовки, в первую очередь десантников 7-й авиадивизии Штудента и планеристов из 22-й пехотной дивизии графа Шпонека.

Андрей внимательно обвел глазами собравшийся в зале генералитет и задержал взгляд на командующем кригсмарине:

— Каково ваше мнение, Редер?

Сухощавый моряк с глазами голодной лисы, в черном мундире с золотистыми нашивками на рукаве, промедлил с ответом, и это сразу не понравилось. И тут Андрей сообразил — адмирал все время чуть заметно морщился и старательно отводил взгляд.

«Так он просто испугался! — мысль на секунду ошарашила. — Знаменитый Редер до дрожи боится англичан. А это хорошо! Надо его схарчить и поставить кого-нибудь другого, желательно безбашенного. Чем больше будет потеря, тем лучше!»

— Мой фюрер! У кригсмарине нет достаточного тоннажа, чтоб провести морскую десантную операцию...

Адмирал заговорил таким глухим голосом, что Андрей сразу же понял, что от Редера будет пользы в проведении «Зеелеве» не больше, чем от вонючего козла — молока.

— Какое море, Редер? Вы меня удивляете! В августе там почти чудесная погода, пролив не широк. Недаром англичане именуют его Каналом. Нашим войскам предстоит задача не сложнее форсирования речной преграды, правда, очень широкой.

— Мой фюрер! У нас недостаточно десантных судов. А британский флот представляет серьезную угрозу...

— Я знаю, что такое английский флот, Редер! Здесь было четко указано, что операция будет проведена только после того, как люфтваффе захватит господство в воздухе, как над проливом, так и над всей южной Англией. Вы ведь сможете это сделать, Геринг?!

— Мой фюрер, мне нужны только три-четыре дня хорошей погоды! Мое люфтваффе уничтожит английскую авиацию и перетопит их флот, если он попытается войти в пролив.

— Чудесно, Геринг! — Андрей машинально отметил, что толстяк употребил термин «мое» по отношению к авиации. Хороший повод для будущего «наезда», но сейчас преждевременного. А вот когда немецкие самолеты понесут чудовищные потери от английских истребителей, а это Андрей прекрасно знал из истории, вот тогда он и припомнит Герингу, что люфтваффе принадлежит Германии, а не этому упитанному хомяку.

— Будет лучше, если вы уже сейчас станете готовить эскадры пикировщиков и торпедоносцев для мощного удара по Гранд Флиту. Пилотам нужно время, чтобы отточить свое мастерство. Ведь так, Геринг?

— Так точно, мой фюрер! — фельдмаршал просто исходил самодовольством и взирал на всех с неприкрытым превосходством.

— Нам потребуются все наши силы, Герман, — Андрей понял, что сломить упрямство Гальдера и Редера, которые демонстрировали его всем своим видом, хоть и молчаливо, ему помогут только этот оптимистически настроенный толстяк и Манштейн. — Соберите всех свободных летчиков, особенно тех, кто может пилотировать «штуки». Массированных атак

пикирующих бомбардировщиков их хваленый флот не выдержит. Перетопи всех в проливе, Геринг!

— Люфтваффе сделают это, мой фюрер!

— Нужно удвоить эскадры «Штукас», у тебя есть девять недель. Удвоить! Нужны тяжелые бронебойные бомбы! Я распоряжусь, чтобы немедленно увеличили производство «Штукас», пусть работают на заводах беспрерывно, днем и ночью! — Андрей возбужденно жестикулировал, словно рубил рукой в такт каждому своему слову. — Нам необходимо полное господство в воздухе! Нужен большой резерв пилотов для немедленного восполнения потерь. Большой резерв! Соберите всех! И немедленно вызвать сюда Шпеера... И Тодта! — Он судорожно вздохнул после столь эмоциональной тирады. — И генерала Томаса!

Андрей знал из истории, что Шпеер возглавлял министерство вооружений, но внутренний голос прямо-таки возопил, что тот его любимый архитектор, а производством вооружений заведуют доктор Тодт и генерал от ОКВ Томас. Пришлось исправиться, но после небольшой паузы.

— Яволь, мой фюрер! — рявкнул во весь голос Геринг и тут же утробно пророкотал: — Нужно увеличить производство транспортных «Юнкерсов» и развернуть строительство достаточного числа планеров...

— Это будет сделано вовремя! И еще, Геринг! — Андрей, уже успокоившись, на секунду задумался. — Твои парашютисты прекрасно проявили себя. Они и станут главной ударной силой. Разверни их численность вдвое, нет, втрое.

— Тут нужно согласие генерала Гальдера, — толстяк бросил свирепый взгляд на начальника штаба ОКХ. — Моя единственная 7-я парашютная дивизия генерала Штудента понесла потери. А 22-я дивизия, обученная к посадочной переброске, состоит в подчинение ОКХ.

— Гальдер, эту дивизию нужно передать Герингу. И еще одну, лучшую. Есть время, чтобы подготовить ее к операции...

— Мой фюрер! Это нецелесообразно...

— Да?! — прорычал Андрей. Он почувствовал, что злоба подкатывает к горлу. Ему захотелось броситься на генерала с кулаками, и только чудовищным напряжением воли он сумел обуздать этот порыв. — Вы служите Германии или британской короне, Гальдер? — неожиданно тихим, вкрадчивым голосом спросил Андрей.

— Я служу рейху, мой фюрер! — лицо генерала пошло багровыми пятнами, он вскинул подбородок.

— Да?! — нарочито удивился Андрей. — Тогда почему вы препятствуете усилению парашютистов?! Одна или две дивизии на фронте не сыграют роли, а для подготовки к высадке нужно долгое время! Почему вы выступаете против десантных частей, которые могут оказаться на острове в любой точке побережья? Почему вы так делаете, Гальдер? Ведь Манштейн все обосновал!

Андрей остановился, с удовольствием наблюдая, как на добрую секунду два генерала сцепились разъяренными взглядами голодных волков. И закончил свою мысль с убийственной прямоотой:

— Или вы не желаете, чтобы вермахт сокрушил коварный Альбион?!

Гравлин

— Это Дюнкерк, лопни мои глаза!

— Точно, он! Нам остался один рывок, ребята!

— Сейчас там танкисты устроят вечерню, повеселятся!

Мотоциклисты загорланили все разом, глядя, как вдалеке вздымаются в небо красные черепичные крыши домов и тонкие шпили костелов. Некоторые эсэсовцы не выдержали охватившего возбуждения и принялись приплясывать, громко выражая хриплым ревом переполнявшую их радость. И сам гауптштурмфюрер Майер был доволен сверх меры, но сдерживал недостойные для командира ваффен СС эмоции.

Его душу стали охватывать смутные волнения — слишком легким оказался прорыв к порту, несколько французских батальонов не стали серьезной преградой танкистам 1-й дивизии, усиленных мотопехотой полка «Великая Германия» и эсэсовскими мотоциклистами.

От города донеслась ожесточенная пулеметная стрельба с частыми хлопками выстрелов танковых пушек. Этого следовало ожидать — в большом и хорошо устроенном порту британцы не могли не держать достаточный гарнизон, ибо это была единственная нить, связывающая их с островом, питающая дивизии на континенте, не менее значимая, чем пуповина ребенка в материнском чреве.

Майер сплюнул грязную слюну на пыльную дорогу и вытер рукавом измазанного мундира капли пота со лба. Он устал, очень сильно устал за эти две недели отчаянного, безостановочного наступления. Сейчас бы радоваться ему, но тревога нарастала, а он привык доверять своей интуиции.

И тут неожиданно с юга, от канала, донеслись раскаты пушечного грома. Эсэсовцы мигом притихли и дружно повернулись. В трех километрах от них пехотинцы должны были занять позиции вдоль берега, чтобы не допустить подхода к Дюнкерку английских войск. Их там один батальон, только с противотанковыми орудиями, а били явно гаубицы.

Майер хотел отправить к каналу разведчиков, но из-за деревьев на дорогу выскочил на большой скорости мотоциклист, резко затормозив тяжелый «цундап» с коляской перед офицером.

— Британцы, герр гауптман! — парень с нашитыми на рукаве полосками обер-ефрейтора по-армейски обратился к Майеру. — Развертываются вдоль берега. Это части их 2-й пехотной дивизии, мы сожгли бронемшины разведки. Наш майор просит помощи, иначе будет поздно!

— Хорошо, ротенфюрер, — с издевкой ответил Майер, именуя солдата на эсэсовский лад. — Поспешайте туда, к городу, там генерал Гудериан. Эй, парни! Седлайте мотоциклы, пора и нам в дело. Драка будет серьезная!

Майер не колебался ни секунды — сомнения и волнения исчезли, а душа натянулась струной в напряженном ожидании боя. Через десять минут его мотоциклетный эскадрон соединится с пехотой и примет на себя удар британской дивизии. Силы несоразмерные, но надо продержаться час или два до подхода резервов. Англичане не должны прорваться к Дюнкерку.

«Фельзеннест»

Андрей сидел на диване, откинув голову на спинку. Все же не молодое у него тело, отнюдь не молодое. Раньше он посмеялся, когда слышал злую шутку — если у пятидесятилетнего мужика ничего не болит, то либо он умер, либо не мужик.

А фюреру, мать его, за полтинник, хорошо, что этот собачий сын здоровье берег — не курил, почти не пил, кроме пива или сладкого ликера в молодости, вегетарианцем был.

Хотя раньше мясо трескал, но после смерти своей то ли любовницы, то ли племянницы отказался от скоромной пищи, перешел на растительность и в моральную компенсацию

принялся называть всех употреблявших животную пищу «трупоедами». Кому говорить — полмира кровью залил, а еще вегетарианец?!

В животе бурлило, будто дрожжей наглотался, пучило, водило из стороны в сторону кишки — Андрей еле сдерживался, чтобы не пустить «злые ветры». Но не от скромности, давно бы напукался, пусть зловонием дышат, твари. Но только одна мысль удерживала его от претворения желания в действительность — самому же дышать придется.

Пришлось бегать в туалет каждые полчаса, а вернувшись на диван, снова ощущать процесс газообразования. Можно, конечно, наглотаться таблеток, благо врач их добрую жменю принес. Днем помогало, но вечером Андрей решил, что чем хуже, тем лучше. А потому спустил «колеса» в унитаз.

Сидеть было приятно — мышцы отдыхали. Но сладостно на душе не от этого — за долгие сутки он прошел первую и трудную проверку. И ни одна сволочь не заподозрила, что фюрер не настоящий.

Удивление у Йодля и Кейтеля проступило, когда он настаивал на том, чтобы раздолбить англичан в пух и прах, но не более. Наверное, привыкли, что у Гитлера семь пятниц на неделе, вот и скушали новое решение. Он бы убрал Йодля, вот только тот предан, а этим не грех воспользоваться в своих планах.

«Нет, на корпус я его ставить не буду. Он нужен в качестве противовеса. Генералов надо держать на привязи — пусть зубами друг на друга щелкают, вырывают клочья шкуры. Пусть! Но вся эта свора в нужный момент должна накинуться и растерзать СС и НСДАП в клочки, чтоб духа поганого не осталось. Цель ясна, методы понятны — вот только как это сделать? Впрочем, это не к спеху — время есть, за три месяца что-нибудь придумаю. Как говорил Наполеон — вяжемся в бой, а там посмотрим!»

Андрей устроился поудобнее — в животе чуть полегчало. Зато обильно потек пот — теперь он понял, почему Гитлер на дню несколько раз мылся и менял рубашки. А мысли тут же перескочили на дела.

«Нет, Йодля я убирать не буду! Но и с Манштейном он работать не будет. Я его передвину... На место Канариса в абвер! Этот хитрый адмирал давно на англичан стучит, я же про него целую книжку прочитал...»

Его словно катапультировали упругие пружины дивана, он оказался на ногах, раздираемый яростью. Захотелось задушить, растерзать в мелкие клочья начальника абвера — военной разведки. Но через секунду Андрей взял себя в руки и снова присел на диван, утирая холодный пот.

«Это была вспышка самого Гитлера, а не меня... Он прочитал мои мысли так же легко, как мне удастся слышать его. Бог ты мой! Мы начали превращаться в какой-то симбиоз! Тв-в-вою мать! А если он меня подомнет, выпотрошит мой разум и снова завладеет своим телом?!»

Мысль настолько испугала Андрея, что он соскочил с дивана и принялся расхаживать по бункеру. Прошло несколько минут, прежде чем немного успокоился и опять улегся на жестковатое ложе, приятно пахнущее кожей. И вскоре мысли снова заходили в голову.

«Завтра слетаю в Шарлевиль, поговорю с Рундшtedтом, как обещал Браухичу и Гальдеру. А последний испугался, когда я на измену намекнул. Но потом все в шутку обернулось, они и успокоились, зато я под прикрытием Манштейна протянул. Вот так делать и надо — предлагать им по два варианта на выбор. Один должен быть не выгоден для них категорически, а второй полезен мне самому. Ну, ладно, хорош думать. Пора спать, лететь же с утра».

Андрей закрыл глаза, повозился немного, выбирая удобное положение, и неожиданно для себя самого рухнул в пучину сна.

— Это крепкий противник, не чета французам, — задумчиво пробормотал гауптман Ханс фон Люк, бросая взгляд на упрямо молчавших пленных. Англичане не желали отвечать на вопросы, сказали только, как их зовут и в какой части они служат.

Вот и все — по опыту Люк знал, что переупрямить «томми» невозможно. Но и полученной информации хватило, чтобы капитана ошарашило. Офицер лишь тихо пробормотал: «Как все это бессмысленно!»

Эти солдаты принадлежали к гвардейским гренадерам, чьим командиром был старинный знакомый Люка, с которым он в отпуске, находясь еще до войны, в Лондоне, сживал в «Марлборо Клуб». Такая вот гримаса судьбы!

Но в том, что британцы всегда будут сражаться доблестно, офицер никогда не сомневался. А вот французы просто поразили — герои Вердена ушли в прошлое, а большинство «паулю» предпочитало или бежать с поля боя, или сдаваться в плен. Все чаще и чаще немцы слышали от них горестный крик: «Войне конец, это безумие!»

Сегодня впервые было относительно спокойно — англичане прекратили атаки и отпрянули. Мотоциклисты Люка начали осторожное продвижение вперед, постоянно останавливаясь и попадая под пулеметный огонь. Но сопротивление на фоне прежнего ожесточения больше являлось номинальным. Капитану стало ясно, что англичане начали планомерный отход на север, стараясь оторваться от преследующих их немцев.

Люк, может быть, и не стал бы так быстро продвигаться дальше, без оглядки по сторонам, но он знал, что за его разведывательным эскадроном идут танки с мотопехотой и они помогут...

— Я должен использовать ситуацию нам на пользу и сделаю это! — генерал Роммель не произносил, а рубил слова, наблюдая, как танки опрокидывают британский заслон, действуя огнем и гусеницами. — Противник наш откатывается, и мы не имеем права позволить ему закрепиться! Действуйте, капитан. Ведите своих мотоциклистов вперед — панцеры очистили для вас дорогу!

Люк молча козырнул, глядя на возбужденное, но суровое лицо генерала, освещенное первыми утренними лучами солнца. Он вспомнил, с каким недоверием встретили Эрвина Роммеля в дивизии. Ведь тот всю жизнь служил в пехоте, даже учебник написал по тактике. Но опасения оказались напрасными, и вскоре все танкисты считали, что Роммель, как военачальник панцерваффе, ни в чем не уступит знаменитому генералу Хайнцу Гудериану.

Шарлевиль

Андрей сидел на креслице, смотря в непривычно квадратный иллюминатор. Визит к Рундштедту закончился, генерала удалось уломать на продолжение решительного наступления, доказав ненужность всяких оперативных пауз.

С первой задачей Родионов справился, используя энергичность своего «визави», а вторую блестяще решил Манштейн, которому Рундштедт, а это было видно, безусловно доверял. Недаром они еще долго перебрасывались между собой замечаниями по прошлой польской кампании.

Командующий группой армий «А» произвел на Андрея определенное впечатление. Не было в нем черт кровожадного нациста, какими показывали гитлеровских генералов в фильмах. Не было, и все тут. Старик представлял собой обычного несуетливого вояку, профессионала до

мозга костей. На первый взгляд — а Андрей много раз убеждался, что он самый верный и обычно не подводил — Рундштедт, Гальдер и другие генералы, с их моноклями и пенсне, больше соответствовали его представлениям о Первой мировой войне, но никак не о Второй.

Конечно, были и другие генералы — тот же боров, например, — что восприняли нацистскую идеологию, но не эти старики. «Старики» — так Андрей по привычке называл всех, кому больше пятидесяти лет. А эти генералы были еще старше по возрасту, причем и самого Гитлера...

— Мой фюрер! Можно взлетать?

Андрей посмотрел на стоящего рядом с его креслицем личного пилота. Хороший мужик этот Баур, спокойный, без всякой суеты или услужливости. Больше всего удивляло, что в окружении Гитлера многие импонировали своим поведением, хотя имелись людишки и с бегающими глазками. Но было достаточно и таких — с чувством собственного достоинства и уважения. Это немного напрягало — реальная жизнь начинала как-то не вписываться в тот образ, что показывали в кинофильмах.

— Конечно, Баур, взлетайте, — фюрер со всеми был на «вы», и Андрей строго этого придерживался. — Хотя постойте. А что вы будете делать, если мотор откажет?

— Мой фюрер, их три. Долечу на двух, — пилот улыбнулся с какой-то искоркой собственного превосходства. — «Танте Ю» добрая машина!

— Да, — согласился с ним Андрей. «Тетушка Ю», как любовно называли немецкие летчики транспортный самолет Ю-52, хотя и являлась устаревшей конструкцией, но была надежной и простой в эксплуатации.

— А если мы того?! — спросил Андрей, сделав характерный жест рукой.

— На «Кондоре» вас бы катапультировало вместе с креслом, оно с парашютом. Здесь оборудован люк, а катапульты, к сожалению, нет.

— Потому вы без парашюта обходитесь?

— Да, мой фюрер. Он не нужен — вы же его не имеете, только кресло.

— А зря! — Андрей заметил, как плеснулось в глазах летчика изумление.

— Да, мой фюрер?! То есть как?!

— Возможны всякие случайности, и я не имею права просто так рисковать вашей жизнью, не приняв элементарных мер предосторожности. Да и мне самому хотелось бы научиться пользоваться парашютом... Наверное, это незабываемое ощущение — падения и полета!

— Это так, мой фюрер! Если вы позволите, то я смогу организовать вам тренировку.

— Конечно! — Андрей сверкнул глазами, отсылая кивком пилота в кабину. Он трижды прыгал с Ан-2 в ДОСААФе и сейчас на секунду представил, как вытянутся лица генералов, когда они узнают, что их фюрер успешно десантировался с парашютом.

«А может, борова Геринга на это дело взять? Или заставить его летать? Угробится же ведь, и мне неплохо! От наци номер два избавлюсь, глядишь, польза будет. Надо будет продумать предложение да преподнести его так, чтобы отказаться не смог».

Гул двигателей стал режущим, самолет дернулся и покатил по взлетной полосе. Родионов посмотрел в окно еще раз — Рундштедт с генералами и офицерами штаба все так же стоял на «взлетке», провожая фюрера.

«Так. Канариса и Остера, надеюсь, Йодль уже пригласил в ставку от своего имени. Главное, надо не спугнуть адмирала, слишком хитер, крыса. И еще — в СС человечка нужного иметь до зарезу необходимо. Для всяких грязных дел... Нужных дел, я не прав! Кто же мне подойдет? Надо хорошо подумать да вспомнить фильм про Штирлица, там информацию к размышлению много раз приводили».

Андрей посмотрел в окошко иллюминатора — самолет уже поднялся довольно высоко,

двигатели ровно гудели. По зеленым квадратикам внизу величаво двигалась его тень, возле которой иногда проносились узкие темные полосы. То солнце отбрасывало тени от истребителей охраны. Целая восьмерка истребителей Me-109 надежно прикрывала транспортный самолет — люфтваффе заботилось о своем фюрере.

Дюнкерк

Соппротивление нескольких английских батальонов немецкие танки и мотопехота полностью подавили к утру, чем Гудериан был доволен. В городе, служившем основной базой снабжения британских экспедиционных сил, были захвачены огромные запасы снаряжения и боеприпасов, а также многие сотни тонн горючего. Богатейшие трофеи, вот только их подсчет совсем не велся — немцам не до того стало.

Уже вечером англичане попытались отбить город, бросив в наступление части подходившей 2-й пехотной дивизии. Беспорядочные атаки англичан, проведенные с ходу и без развертывания, без усиления танками и с минимальной поддержкой артиллерии, немцы легко отбили. Однако к утру британцы ввели в бой свою 44-ю дивизию, а к полудню, как выяснилось из опросов пленных, должны были подойти части 48-й дивизии. И вот тогда для зарвавшихся панцер-дивизий дело могло закончиться совсем плохо!

— Неринг, — Гудериан повернулся к начальнику штаба, — отправьте распоряжение в Булонь. Пусть немедленно отправляют подкрепление сюда. Не менее танкового батальона, мотоциклистов, хотя бы батальон мотопехоты.

— Есть, мой генерал!

— И еще, оберст. Свяжитесь с соседями, пусть выдвинут дальше к нам свой левый фланг. Англичане атакуют на широком фронте, и если они нанесут мощный удар на Гравлин, то наши две дивизии сами попадут в окружение у Дюнкерка. Вы понимаете это?!

— Да, мой генерал! — Неринг козырнул и быстро пошел, чуть не побежал, к штабному автомобилю с радиостанцией, а Гудериан поднял к глазам прекрасный цейссовский бинокль.

По всей линии Канала шел ожесточенный бой. Множество фигурок английских солдат время от времени бросалось в атаку, но встреченное пулеметным огнем, в разрывах гаубичных снарядов, их наступление быстро захлебывалось, и «томми» залегали. Но именно это упорство англичан не предвещало ничего хорошего — судя по напору, британцы решили отбить Дюнкерк любой ценой. Еще бы — ведь это их единственная надежда на спасение.

Глава четвертая

«Пусть все идет как идет»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Вам нужно сделать рентген головы. Удар был слишком серьезный, и возможно...

— Оставьте, Хизе, — Андрей повелительным жестом заставил своего личного хирурга замолчать. — Ничего подобного, у меня не может быть сотрясения мозга. Ведь рвоты нет, не тошнит. Не забывайте, я ведь воевал, контужен. Знаю, что это такое. Просто удар был силен...

— Мой фюрер! — несколько бесцеремонно перебил его второй. — Поставить точный диагноз может только детальное обследование в берлинской клинике. Здесь, в ставке, просто нет таких возможностей. А потому я вас прошу серьезно отнестись...

— И вы туда же, Моррель! — Андрей повысил голос на еще одного личного врача, чьи пилюли он должен был глотать для лучшего пищеварения.

Эта троица, двое из которых примчались из столицы, ему уже порядком надоела. С утра пораньше принялись вокруг него хлопотать, как наседки возле одного цыпленка, чуть ли не по сантиметру голову исследовали.

— Но, мой фюрер!

— Господа! Я благодарю вас за заботу, вы хорошие врачи. Но сейчас нет времени — решается судьба Германии. В течение ближайших дней, даже часов, исход этой войны станет ясен. Вы понимаете, почему я настаиваю?!

— Да, мой фюрер, — все трое врачей отозвались чуть ли не хором, и Андрей усилил натиск.

— Скажите, если бы такую травму получил простой солдат, вы бы сочли ее слишком серьезной? Только честно. Не вздумайте вилить!

— Нет, мой фюрер. Но вместе с тем...

— Оставьте, Хизе. Понимаю ваши опасения, но вы должны понять, что я не имею права отдать себя на обследование, когда наши солдаты рвутся к победе. Не имею права!

Андрей впился взглядом в каждого по очереди, и те, осознав, что фюрера им сейчас не переупрямить, сделали шаг назад, сдавая позиции. Он тут же мысленно возликовал, ведь целый медицинский консилиум был побежден — ни один из врачей ничего не заподозрил. Хотя сомнения остались у эскулапов, смотрели на него весьма озабоченно!

— Мой фюрер, — вперед опять выступил Хизе, ведь травма Гитлера как раз была по его профилю. — Но после того, как разрешится кризис на фронте, вы должны пройти самое углубленное исследование, и если нужно, то и лечение. Такие повреждения...

— Конечно, мой доктор. Вы великолепный специалист, и я с удовольствием подчинюсь вам... — Андрей заговорил с нотками благодарности в голосе, а два других врача стали смотреть на хирурга весьма ревниво. Этого Родионов и добивался — сравить всех и вся, и пусть между собой счеты сводят, пока вся Германия полоумной не станет. Но как их выпроводить побыстрее?

Андрей потоптался на месте, словно конь, подыскивая предлог, и с надеждой взглянул на Шмундта — эти дни полковник находился при нем практически безотлучно. И главный адъютант понял, что хочет главнокомандующий нацистской Германии.

— Мой фюрер! Важные новости из Франции!

— Извините, господа, — врачи повиновались энергичному жесту и быстро сгребли со столика свои причиндалы. Андрей облегченно вздохнул — медосмотр прошел, но осадок остался. И еще — эти несколько часов он мучительно хотел курить. Это было уже его желание, хотя организм всячески сопротивлялся, за малым тело мурашками не покрывалось.

— Что у вас, Шмундт? — курить хотелось настолько остро, что Родионов невероятным усилием заставил себя отвлечься на дела.

— Дюнкерк взят танками Гудериана, мой фюрер! Но англичане пытаются отбить порт, они ввели в бой уже две пехотные дивизии. На подходе еще одна, с танками усиления.

— Ага! Вот он, час! — несколько патетически воскликнул Андрей, почувствовав необычайный прилив радостного настроения. Мышеловка захлопнута, теперь бы только не упустить британцев. Пружинка-то слабовата, а вместо мыши попалась здоровенная крыса, зубастая и сильная.

Так что три дивизии Гудериана понесут серьезные потери в течение ближайших часов — десять английских дивизий будут прорываться к побережью с отчаянием обреченных, ведь иной дороги у них нет. Только рывок к морю, чтобы с песчаных желтых дюн эвакуироваться на свой родной остров.

— Что еще, Шмундт? — судя по виду полковника, что чуть переминался на месте, новость не была единичной.

— Мой фюрер! В ставку прибыли для награждения парашютисты генерала Штудента, отличившиеся при десантировании в Голландии. После полудня из Берлина прилетят срочно вызванные по распоряжению генерала Кейтеля начальник абвера адмирал Канарис с офицерами. Им назначено на вечер. Какие будут указания, мой фюрер?

— Прилетят голуби мира?! Ну что ж, пора бы навести награждение по заслугам, — пробормотал под нос Андрей, сжимая пальцы в кулаки до хруста.

— Вы что-то сказали, мой фюрер?

— Кто из СС сейчас в ставке?

— Группенфюрер Карл Вольф, мой фюрер.

«Это человек Гиммлера, недаром он в сорок пятом в Берне переговоры вел с Алленом Далласом», — Андрей задумался, припоминая остросюжетные повороты фильма «Семнадцать мгновений весны».

Иметь такого соглядатая под боком, когда он начал раздумывать, как бы половчее СС раздавить, его не устраивало. Опереться не на кого, там еще тот змеевник. И тут ослепительная мысль озарила мозг. Теперь он знал, кого стоит вызвать в ставку.

— Шмундт! Соповещение вечером, как всегда. Да, вот еще. Кто, на ваш взгляд, из бывших министров иностранных дел рейха более всего пользуется весомым положением у западных стран?

— Фон Нейрат, — после долгой и мучительной паузы отозвался полковник. Но прямой взгляд фюрера выдержал: «Не любит нацистского выскочку Рибентропа, ох, как не любит. Еще бы, пивовара в министры».

— Он сейчас управляет протекторатом Богемия и Моравия, — тихо уточнил офицер.

«Ну, Адольф, ну ты и сукин сын! На бывшую Чехию целого министра поставил, пилюлю Западу подсластить. Мол, оккупации нет, уважаемый человек там всем заправляет. Теперь понятно, почему чехи всю войну вермахт исправно снаряжали и вооружали».

— Вызовите его в ставку. Мне нужно с ним встретиться послезавтра. И еще одно...

Андрей задумался и прошелся по кабинету. Впрочем, не стоило торопиться и лезть в политику, пока внутренние дела беспокоили больше. А потому он решил заняться ими вплотную.

— Сейчас мне нужен Шауб, у меня поручение для адъютанта от СС.

— Есть, мой фюрер! — полковник четко развернулся и вышел из кабинета. Не прошло и полминуты, как в дверях появился молодой офицер в полевой форме, только на воротнике двумя змеями изогнулись эсэсовские руны.

— Шауб, как вам начальник гестапо? На ваш взгляд?

— Штандартенфюрер Мюллер очень опытен. В полиции служит долго, еще с начала двадцатых, в Мюнхене. Он тогда вел ваше дело, мой фюрер, — взгляд адъютанта был несколько удивлен.

И тут Андрей вспомнил, что «папаша» Мюллер гонял нацистов во время «пивного путча» и коммунистов тоже брал за хиршу. Профессионал, мать его, такие любой власти нужны. Сатрап, конечно, но разве в политической полиции слюнтяев держат?! Да и с Берией никакого сравнения пока нет, тот уже достаточно страха навел. Не говоря уже о карлике Ежове, что три года назад всю страну террором задавил и кровью залил.

У Мюллера все еще впереди, вот только кровопийство Андрей решил пресечь на корню. Нацистскую партию с СС ликвидировать, чтоб и духа не осталось, а для того этот бывший сыскарь и потребуется: его руками проделать сию операцию, пока он такой важный пост занимает.

Дюнкерк

Генерал Гудериан не отрывался от бинокля, картина развернувшегося боя завораживала, все было так, будто он в одночасье два десятка с лишним лет сбросил. Еще бы — британцы атаковали позиции первой танковой дивизии пехотными волнами, будто опять возродились бои на Сомме, Аррасе или Камбре.

Раз за разом выплескивались к Каналу густые цепи «томми» и, попав под плотный пулеметный и артиллерийский огонь, тут же залегали и отходили, чтобы через какое-то время начать все сначала.

Традиционное упорство островитян здесь вылилось в ослиное упрямство. Но Хайнц их хорошо понимал — другого большого порта для эвакуации просто не имелось, а из Ньюпорта или с песчаных дюн рыбацкими лодками или яхтами много народу не вывезешь.

— Они опять пошли в атаку, герр генерал, — оберст Неринг говорил глухо, пыль, поднявшаяся от бесчисленных разрывов снарядов, не только запорошивала глаза, но и забивала глотки, а оттого даже язык ворочался с трудом, царапая, словно рашпилем, пересохшую гортань.

Действительно, вскоре из разрывов стали появляться британцы — солдаты все-таки прорвались к каналу. Было видно, как английские саперы копошатся, пытаясь сотворить импровизированную переправу.

Мотострелки пытались отогнать британцев, но безуспешно — проклятая пыль полностью накрыла наспех отрытые окопы. В течение часа все решится — если британцы форсируют канал, то они вернут себе порт.

Гудериан оглянулся — над городом поднимались густые черные клубы дыма. Горело хранилище, заходились веселым пламенем тонны бензина, что должны были потечь в бездонные баки тысяч автомобилей и танков экспедиционной армии. Это стало результатом уличных боев — британцы сами подожгли свои запасы, лишь бы они не попали к немцам. Жаль, конечно, горючее пригодились бы вермахту!

Но генерал не чувствовал сожаления, ведь десятки цистерн его танкисты захватили лихой атакой, и теперь корпус не нуждался в топливе. Вопрос только в том, удастся ли удержать

позиции и не пустить британцев к побережью. Здесь Хайнца Гудериана начинали терзать серьезные сомнения — уж слишком яростен был натиск английской пехоты на две потрепанные танковые дивизии.

Хуже того, не имелось резервов, в чудовищную топку боя уже кинуто все, что было под рукой, даже ошметки и остатки — две роты эсэсовцев, мотоциклетный эскадрон разведбата, наспех сколоченные Неррингом из тыловиков и нестроевых подразделения и группы.

И надеяться на подкрепление не приходилось — другие корпуса танковой группы Клейста сами вели тяжелые бои, стремясь поскорее сломить ожесточенное сопротивление сильных арьергардов противника.

— Они опять летят, мой генерал, — полковник несколько беззастенчиво ухватил командующего за рукав, показывая рукой на небо. А там, со стороны пролива огибая по пути столб черного дыма, довольно невысоко летели хищные силуэты — британцы практически без остановок на свой традиционный чай бросали эскадрилью за эскадрильей.

И не успевали «Бленхеймы» сбросить бомбы, как на штурмовку тут же устремлялись «Харрикейны». И те немцы, что уцелели под разрывами бомб «спаниелей», попадали под плотный пулеметный огонь низко летящих «ураганов».

Гудериан искоса глянул на обжитую воронку — любому военному хорошо известно, что бомба, как и снаряд, дважды в одно и то же место не попадает. Хотя генералу были знакомы и исключения из этого, когда атака или обстрел наносилась массированно, вот тогда вся местность превращалась в изрытый воронками лунный пейзаж.

Однако осуществить свое намерение прыгнуть в убежище генерал панцерваффе не успел, в небе все изменилось за секунды, будто вернулась прошлая неделя, когда люфтваффе сметало с неба авиацию союзников.

Вот и сейчас, совершенно неожиданно, ибо атака была произведена от солнца, а потому истребители не были замечены в голубом небе, серебристые «Мессершмитты» стремительно спикировали на идущие строем английские бомбардировщики и тут же добились успеха.

— Один горит! Второй!

— Третий пошел!

— Наши берут верх!

— Это парни Мельдерса!

— Хорошо поперчили!

Штабные офицеры и солдаты громко переговаривались, чуть ли не хором кричали, обсуждая перипетии воздушной схватки. Да и самого генерала увлекло незабываемое зрелище — семь дымных следов устремились к земле.

Оставшиеся английские самолеты спешно избавлялись от своего смертоносного груза, вываливая его в море, и сразу разворачивались на обратный курс, стремясь поскорее уйти от места избиения младенцев.

Однако триумф германской авиации был сразу же омрачен появлением вездесущих английских истребителей. Горя жаждой отмщения, молодые пилоты «Харрикейнов» и «Спитфайров» яростно набросились на «Мессершмитты» — в небе тут же закружился густой клубок из переплетенных пулеметных трасс, и зловещими черными змеями потянулся к земле и морю дым сбитых самолетов. Причем немцы стали явно проигрывать и понемногу выходить из боя, унося ноги, вернее крылья, к родным пенатам.

Генерал не испытывал жалости — на войне потери неизбежны. Летчики свою задачу полностью выполнили и дали небольшую передышку его солдатам, уже измотанным беспрерывными воздушными атаками.

А сейчас нужно было сосредоточиться на главном — под прикрытием непроницаемой

дымовой и пыльной завесы с минуты на минуту британские солдаты начнут переправу через Канал. Иного пути спасения для них просто не осталось.

«Фельзеннест»

В бараке для совещаний на этот раз была уйма народа, прямо не протолкнуться. Дело было в том, что добрая половина присутствовавших, два десятка офицеров и солдат, явились в ставку за наградами, которые им предстояло получить из рук самого фюрера. Вперемежку с офицерами вермахта стояли солдаты с желтыми авиационными петлицами — десантники генерала Штудента, особо отличившиеся в первые часы наступления на западе.

В такой церемонии Андрей участвовал второй раз в жизни, вернее, первый, когда он сам награждал, ведь до того один раз наградили только его, вручив набор из двух медалей — «70 лет вооруженным силам» и афганскую «Воину-интернационалисту». С той поры Союз развалился, а Наджибуллу самым вульгарным способом повесили. Жаль, конечно, мужик хороший. Янкесам его гибель еще отрыгнется, кашу они заварили там изрядную.

Тут Андрей усмехнулся — нашел о чем рассуждать. О будущем, которого может и не быть?! Ведь сейчас еще ничего не определено, главное, войну с СССР не допустить любой ценой. Даже если этой ценой станет Прибалтика или там Финляндия с Румынией.

Пусть на своей шкуре узнают, что такое настоящая советская власть. Вот тут Андрей испытал укол мучительного сомнения — с одной стороны, он сильно недолго любил коммуны, которые отождествлялись у него с вселенским злом, но с другой стороны, там была его Россия, народ, именуемый русским, — а это были свои, пусть и придавленные дурманом коммунистической идеологии.

Однако, тут же взяв себя в руки, настроился — адъютант держал в руках крест на красно-черно-белой ленточке, который предстояло приколоть к мундиру стоявшего навтыжку офицера.

«Ладно, шут с ними. Вручу крестики, а заодно посмотрю на этого парашютиста, что Джона, как его, Луиса, что ли, в нокаут отправил. Или нет? А хрен его знает, уже забыл слова тренера, что в детстве что-то про этого немца нам, пацанам, рассказывал».

Макс Шмелинг стоял вторым, и Андрей с интересом посмотрел на знаменитого боксера-тяжеловеса, чемпиона мира среди профессионалов. Гордость Германии впечатляла, и Родионов машинально отметил, что даже в той его жизни, будучи молодым и здоровым, он бы не рискнул связываться с этим тевтоном. Ну, если только пьяного и связанного, да сзади, ломом по затылку шваркнуть. А так ни-ни, кому ж шепелявить без зубов охота?!

Андрей уже обвешал Железными крестами парашютистов, что навели шороха в Голландии, взяв лихой штурмовой атакой неприступные бельгийские форты. Одно слово — десантура, она чем-то друг на друга похожа, что наша, что немецкая. Парней со слабыми кишками в нее не берут!

Он тут же скосил глазом — офицеры стояли левее, уже лучась самодовольством, выпячивая грудь, на мундирах висели награды. Ничего не поделаешь, работа такая у фюрера, кресты им вручать. Хотя сам Родионов с немалым удовольствием не «железные» бы навешивал на тевтонов, а березовыми наделял. Да так, чтоб на верхний колышек еще каску надевать, вот тогда была бы полная лепота.

«Так-с. Клиенты успокоились, получив свои кресты, расслабились, потому пора настала начинать представление. Чтоб потом цирк уехал, а клоуны остались», — Андрей чисто по-фюрерски потрепал боксера по плечу и открыл рот для речи, благо почти час ее в мозгу

прокручивал.

— Вы совершили подвиг, парашютисты! Подвиг! Вы герои рейха! — патетически громко заговорил новоявленный Гитлер, совершенно не испытывая смущения от своего наглого самозванства. — Но ваш подвиг не состоялся бы, если бы другие славные офицеры Великой Германии не позаботились об этом!

Андрей сделал шаг в сторону и стал совсем близко к стоявшему рядом со Шмелингом полковнику абвера, который и был назначен им главным гвоздем программы. А для того пришлось постараться, хорошо надавить на кого следует, чтобы награждаемых поставили не по чинам, а вперемешку, да так чтобы рядом с боксером стоял именно этот офицер.

— Так, за сутки до нападения один полковник предупредил голландского военного атташе Санса о начале операции «Гельб», и союзники подготовили нашим парашютистам горячую встречу, что привело к большим потерям! Ведь так, полковник Остер?!

Андрей схватил офицера за грудки чисто по-русски, и странно, что в данный момент он был абсолютно спокоен. *Прежний* Гитлер должен сейчас брызгать слюной, но почему-то молчал, словно пришибленный.

Андрей был возмущен чудовищным предательством и напрягся в томительном ожидании. Зато зрение стало острым, и он видел даже малейшие капельки пота на вытянувшемся лице абверовца, что стали обильно орошать за секунду ставшую смертельно бледной кожу.

— Вы посмотрите на иуду, господа! Вам поплохело, Остер?! С чего бы это? Или вы выполняли приказ Канариса?!

Вот теперь возопил настоящий Гитлер, затопав внутри ногами и забившись в истерику. Андрей держал поводок крепко, хотя чуть ослабил, для того чтобы представление было более натуральным.

Полковник быстро засунул правую руку в карман, и только сейчас Родионов сообразил, что сам допустил чудовищную ошибку. Дело в том, что он уже убедился, насколько скверно охраняли Гитлера.

Генералы и офицеры, идя на встречу с фюрером, просто вынимали из кобур свои «парабеллумы» и «вальтеры», но в их карманы и портфели никто не заглядывал. Недаром одноглазый полковник чуть ли не полную сумку тротила под стол Гитлера поставил.

А сейчас абверовец достанет запасной пистолет и выпустит пару пуль в упор! Решит, что если погибать, так с музыкой. Такой шаг, находясь на его месте, сам Андрей предпринял бы без раздумий.

За доли секунды эта мысль достигла и той части мозга, где сидел разум настоящего Гитлера — и тот сразу запаниковал. Андрей почувствовал жгучее желание отпрыгнуть, спрятаться за парашютистов, пусть в них попадут пули, зато он останется в живых. Но в ту же секунду воля Родионова снова схватила настоящего Гитлера за загривок.

«Пусть все идет как идет. Не станет покушения графа Штауффенберга 20 июля 1944 года, а будет выстрел Остера 25 мая 1940 года. Прикольно — ведь и тот, и другой полковники. Глаз ему, что ли, выткнуть, для вящего сходства. Ну и юмор у тебя, парень! Нет, не успею!»

Андрей усмехнулся — будет больно, но он освободится от этого мерзкого для него тела. Так что за все надо платить. Секунда растянулась в минуту, все люди будто застыли в его глазах, и лишь полковник медленно, очень медленно, прямо тягуче вынимал руку из кармана.

Многие сотни, если не тысячи таких суденышек спешно собирались сейчас по всему побережью юго-восточной Англии.

Адмирал Бертран Ноум Рамсей чуть слышно скрипнул зубами — таким флотом он еще никогда в жизни не командовал, а ведь довелось ему служить без малого сорок лет, и сразу же на только что вступившем в строй новейшем линкоре «Дредноут», появление которого разом перечеркнуло существование огромных флотов броненосцев. В Великую войну командовал монитором, эсминцем, потом долгое время исправно тянул «лямку» на административных должностях. И вот сэр «Винни» вспомнил еще не старого адмирала и вручил в его руки судьбу британской короны.

Еще бы — если на материке погибнут десять вышколенных кадровых дивизий, попавших в окружение, то Англия останется практически беззащитной, ибо восстановить армию будет чрезвычайно трудной задачей.

Танки и пушки не более чем расходный материал, такой как эсминцы, это он прекрасно понимал по флоту, но беда в том, что потеря драгоценных «экипажей», когда новобранцы еще не обучены, для британской короны может обернуться крайне дорого. Тут недалеко и до катастрофы!

Знакомый гул моторов над головой заставил моряка взглянуть на небо. Прямо над ним пролетели два десятка стремительных «птиц», похожих на стрижей, — «Спитфайры» нужны там, под Дюнкерком, где сейчас решается судьба Британии.

В любой другой обстановке адмирал бы выругался, но не сейчас, когда десятки глаз смотрят на него с надеждой. Не пристало джентльмену показывать свое беспокойство прилюдно — именно природное британское хладнокровие позволяло много раз прославленным генералам и адмиралам империи побеждать тогда, когда даже враг считал, что британцы потерпели сокрушительное поражение. Ну и что? Позвольте спросить беспристрастную Клио — в каком гальюне потом оказывались эти враги?!

Так и эти немцы — сейчас они на волне, но пройдет пара лет, как опять станут щелкать зубами и униженно просить перемирия. Так было всегда у империи, над которой никогда не заходит солнце. Вечно! Ибо Британии предназначено править миром!

Адмирал пристально оглядел свой гигантский, если судить по количеству собранных единиц, флот. Еще несколько сотен суденышек уже шли через Канал к близкому побережью Бельгии и Франции — спасти английских солдат.

Рамсей отдавал себе отчет, что будет великим счастьем, если удастся вывезти хотя бы треть. Дело в том, что Дюнкерк, единственный пригодный для эвакуации порт, был захвачен немецкими танками, и вывозить предстояло с абсолютно не оборудованного побережья, причем к большинству суденышек солдаты смогут подойти по горло в воде, если вообще не вплавь. А как прикажете в такой ситуации вывозить раненых?!

Но самым страшным было то, что флот не мог оказать им поддержки — проклятое мелководье не позволяло подойти кораблям с большой осадкой. А стоять на якоре и потихоньку забирать людей со шлюпок и катеров было безумием — транспорт не простоит и часа, как будет утоплен германскими пикировщиками. Можно, конечно, задействовать два десятка эсминцев, но потери, боже, какие будут потери?!

Адмирал скривил губы в горькой ухмылке — после той войны все мониторы, за исключением двух, вооруженных тяжелыми 15-дюймовыми орудиями, пошли на разделку. Ах, как бы они сейчасгодились! Ведь их специально строили для боев на мелководье вдоль всей Фландрии. Эти три десятка мониторов просто смели бы с берега огнем своих мощных пушек зарвавшихся немецких танкистов, ворвались бы в порт и на раз-два провели эвакуацию. Но чего нет, того уже нет. И не обвинить их лордства в допущенной ошибке — кто тогда знал о таком

будущем?! А содержание первого в мире флота накладно даже для богатой империи, которую и так разорила долгая четырехлетняя война.

— Ну что ж, пора начинать «Динамо», — пробормотал адмирал и усмехнулся. Название для этой операции придумал сам премьер-министр, сэр Уинстон Черчилль. Везунчик! И пусть твоя удача хоть частично перейдет на эти утлые челны, которым предстоит совершить невозможное!

«Фельзеннест»

Андрей не сразу сообразил, что происходит. Вроде он стоял напротив Остера, ожидая выстрела, а тут перед ним внезапно выросла широченная спина, полностью перекрыв ему обзор. Родионов высунул нос за мощное плечо и все понял. Реакция у вчерашнего боксера оказалась изумительной — за доли секунды Макс Шмеллинг заслонил его собой.

Полковник Остер лежал на полу, согнувшись в три погибели, закатив глаза к потолку, бледно-кровавый. Бледный потому, что был без сознания, а из расплющенного богатырским ударом носа, словно из брандспойта, хлестала кровь. Полный нокаут!

— Айн, цвай, драй...

Ерническим тоном Андрей начал отсчет, принятый на ринге, совершенно забыв в ту минуту, кто он и где находится. Его обуревала непонятная радость, внезапно захотелось даже петь. Такое состояние ему было знакомо — еще с Афгана, когда чудом избежал смерти, выбравшись из горящего танка, что подорвался на нехилом фугасе и получил еще пару попаданий из РПГ.

— Мой фюрер, — тихо пророкотал голос боксера, — считать не нужно, господин полковник будет долго в беспамятстве.

— Да, конечно, — задумчиво пробормотал Родионов, глядя на крепкий и внушительный кулак боксера. Приложит таким — мало не покажется. Но то эмоции — а взглядом он обвел оцепеневших людей, напомнивших ему финальную сцену «Ревизора».

И тут все замельтешило перед глазами, словно пленку просмотра перевели на ускоренный режим. Трое плечистых парашютистов в голубоватой форме люфтваффе сомкнулись вокруг него — их взгляды не сулили собравшимся ничего доброго. Еще двое десантников с оберлейтенантом, что командовал планеристами при захвате неприступного бельгийского форта, занялись Остером, и вскоре на ладони офицера лежал небольшой пистолетик.

— Он хотел стрелять в вас, мой фюрер! Иуда! — с рычанием в голосе произнес молодой офицер и сделал энергичный жест рукой. Андрей сразу не понял, к чему такое рукомахательство, но через секунду все прояснилось. А ведь зря говорят, что немцы педанты и не любят проявлять инициативу. Как бы не так — десантура германская явно из другого теста слеплена.

Два парашютиста дружно навалились на еще одного полковника абвера, что с бледным лицом стоял среди награжденных и зачем-то сунул руку в карман. Секунда — офицеру уже заломили руки, весьма профессионально, куда там родной московской милиции. Вот только вместо ожидаемого пистолета из кармана вытянули большой носовой платок — полковник просто хотел вытереть вспотевшее от переживаний лицо.

Андрей усмехнулся — а еще говорят, что у разведчиков железобетонная выдержка. Щас! В общаге среди нищих студюзов было популярно одно высказывание — все мы люди, все мы человеки.

— Мой фюрер! Небо хранит вас для рейха!

Геринг прямо лучился самодовольством, растопырив руки, словно это он прикрыл фюрера от смертоносного свинца. А толстые губы сложились таким умильным сердечком, что Андрея передернуло.

«Да уж! Боров свою выгоду носом чует, его же парашютисты. Ишь как на Шмеллинга глянул, словно золотишком осыпал. Теперь у мужика карьера резко в гору пойдет», — мысль в голове пронеслась стремительно, и Родионов, в свою очередь, положил ладонь на широкое плечо Шмеллинга.

— Благодарю вас, Макс!

— Это мой долг — защищать Германию и фюрера! — внушительно ответил боксер, и Родионов понял, что дальнейшие благодарности будут неуместны, они только станут обидными для парашютиста.

— Хорошо. Вы настоящий солдат, Макс, — тихо произнес Андрей, убрал руку с плеча верзилы и пошел к невысокому худому адмиралу, что выделялся среди собравшихся несколько бледноватым лицом. Еще бы — у этого выдержка на высоте, четверть века в разведке, всякие коллизии видел. Вот только губа у адмирала чуточку дрожала — Канарис явно чувствовал себя не в своей тарелке. И было отчего...

— Это же прелестно, господа, — Андрей решительно перешел ко второму акту Мерлезонского балета. — Глава военной разведки рейха сам является шпионом. Ведь так, адмирал Канарис?!

— Мой фюрер, — голос моряка был тверд, а взгляд словно резанул алмазом по стеклу. — Это какое-то чудовищное недоразумение! Я не ожидал, что полковник Остер...

— Оставьте, адмирал, ваши отговорки. Ваша карта бита, любитель двуликого Януса. Это же ваш кумир?! Бог лжи и обмана. Так ведь, Канарис?! Я про вас много знаю. А господа генералы сейчас послушают. Помолчите, адмирал, меня не интересуют ваши гнилые отмазки!

Взгляды собравшихся генералов буквально впивались в моряка. И существуй пирокинез, Канарис уже бы сгорел факелом, рассыпавшись в кучку пепла. Но держался молодцом, взгляд не отвел, только маленькие капельки пота, выступившие на лбу, выдавали сверхчеловеческое напряжение. Главу разведки можно было понять — он сейчас глядел в глаза собственной смерти, ведь фюрер не шутил, его голос был преисполнен лютой злобы.

Но что мог предпринять маленький тщедушный адмирал, которого с трех сторон обступили крепкие парашютисты, вперив в него голодные волчьи взгляды. Одно неосторожное движение — и его разделают, как Остера, а с заломленными руками исчезнет последняя надежда оправдаться, пусть она и прискорбно малая.

— Понимаете, господа генералы, но вещь необыкновенная, — Андрей нагло ухмыльнулся. — Глава нашей военной разведки уже давно и очень плодотворно трудится на британцев. Помолчите, Канарис, иначе вам заткнут рот. А я расскажу занятную историю, господа, которая началась очень давно. Тогда наш адмирал был еще лейтенантом и служил на крейсере «Дрезден», что стоял стационаром в Латинской Америке. Это было более четверти века тому назад, когда началась война...

Дюнкерк

— Это конец! — гауптштурмфюрер Майер привычно выругался, облегчив крепким словом душу.

Это офицеры вермахта вели себя как аристократы, каковыми, впрочем, и являлась добрая часть из них. А эсэсовцы культурных норм не соблюдали, выражались теми же словами, что и

их солдаты.

Эскадрон понес чудовищные потери, под рукой остались четыре десятка мотоциклистов, едва на один взвод. А британцы все лезли и лезли через Канал, вода которого превратилась в кроваво-черную, как та подземная река Стикс, что преграждала путь в царство Аида.

Берега по обе стороны были усеяны сотнями мертвых тел, и Майер невольно содрогнулся, когда отчетливо представил, какое завтра будет стоять здесь зловоние от раздутых на такой жаре трупов.

— Ты еще доживи до завтра... — прошептали потрескавшиеся от пыли и жажды губы, и офицер чуть приподнялся в наспех открытом окопе.

Британцы оттеснили мотопехоту и теперь спешно укреплялись в захваченном тет-де-поне — предмостном укреплении, а их саперы лихорадочно готовили переправу, накинув один мостик и вытягивая понтон рядом. Еще час, и «томми» хлынут густыми массами, а два десятка пулеметных танкеток, что составляли последний резерв первой панцер-дивизии, их вряд ли удержат.

Рядом судорожно залаял МГ, выпуская очередь за очередью. Пулеметчик старался прижать пионеров, так немцы именовали саперов, не дать им закончить работу. Майер поморщился — патроны были на исходе, как у его парней, так и у солдат, что держали оборону левее.

Гауптштурмфюрер хотел было попросить их поделиться боеприпасами, но обер-лейтенант сам пришел просить у него патроны. Про мины к ротным минометам обе стороны даже не заикались — офицеры прекрасно слышали последние хлопки еще час назад. И чем воевать прикажете? Добрыми германскими клинками, что можно было закрепить на винтовках для последней штыковой атаки?!

— Доннерветтер! — пулеметчик, молоденький обер-шутце, печально улыбнулся офицеру и, присев, стал присоединять к надежному МГ-34 круглый барабан с патронами.

— Последний, гауптштурмфюрер, больше стрелять нечем!

Майер только смог выдавить из себя поощрительную улыбку — час назад, с той же интонацией, этот эсэсовец доложил, что сменил ствол, ибо другой полностью расстрелян и использованию не подлежит. Он тут же машинально проверил «вальтер» — две обоймы, 16 патронов, значит, для него еще не все потеряно.

К тому же, как он знал, у солдат есть «колотушки», а этими гранатами можно отбить одну атаку, и лишь после нее наступит конец. В ином исходе офицер не сомневался, хотя в душе теплилась отчаянная надежда на благоприятный исход.

Майер был молод и, как любой солдат в его возрасте, не верил, что сегодня его убьют. Ведь не может он погибнуть в двух шагах от победы, от наглядного триумфа, который неизбежно, в него офицер верил, настанет. Ведь Франция практически повержена, а судьба английской армии сейчас решается прямо на его глазах. Продержаться бы еще немного.

— Алярм!

— Воздух!!!

— Да сколько можно?!

— А где наше люфтваффе?!!

Солдатские крики, раздававшиеся повсюду, заглушили перестрелку. Майер привычно укрылся в окопчике и мысленно возблагодарил надежную стальную каску, прикрывавшую голову, и лишь затем бросил взгляд на небо, испещренное столбами дыма и пыли. И тут же увидел, как в голубых просветах летят хищные большие птицы, много, тройка за тройкой.

— И когда угомонятся эти островитяне! — рядом выругался пулеметчик, но Майер не мог оторвать взгляд от синевы. Самолеты притягивали и завораживали, в них было что-то неправильное, и офицер охнул.

Неправильное для британцев, а у немцев уже привычное. Изломанные крылья, стойки шасси в знакомых обтекателях, желтый кокон винта.

— Это же наши!

— «Штукас»!!!

Пикировщики резко клюнули носами и один за другим устремились к земле. Жуткий пронзительный вой сирен подбросил немцев в окопах, они радостно заорали. На той стороне канала разом вздыбились огромные султаны взрывов, в воздух полетели обломки и человеческие тела.

— Всем укрыться!!! — Майер сразу понял, что сейчас произойдет, когда увидел, что шестерка Ю-87 начала пикировать в их сторону. И хотя он не сомневался в мастерстве пилотов, но мало приятного оказаться под их ударом в случае промаха.

«Юнкерсы» стремительно приближались, душераздирающая сирена выворачивала наизнанку, а тело пробила дрожь. Мало приятного даже для своих, а «томми» во сто крат хуже — ведь на них с убийственной точностью падают бомбы.

Несколько мощных взрывов всколыхнули окопчик так, будто офицер плыл на утлой лодчонке. Вместе с землей и камнями, что застучали по каске, на Майера словно обрушили ведро воды. И он не выдержал — привстал, огляделся, а душа тут же задохнулась от нахлынувшего ликования.

По Каналу плыли доски, тела солдат, мусор, а кое-где на поверхности белели брюшки оглушенных рыб. Моста и понтона не было — «Штукас» точно сбросили бомбы.

Глава пятая

«Те еще пирожки с котятами»

«Фельзеннест»

— Я думаю, господа, все ясно. Очная ставка не требуется! Уведите их, гауптман, и охраняйте хорошо. Эта сладкая парочка, — Андрей усмехнулся, вспомнив рекламу «Твикс», пусть и не такую частую в то его время, как про «Сникерс», — должна получить по заслугам.

Офицер немного покраснел от гордости — еще бы, и фюрера спас от пули, по крайней мере, принимал участие в этом, и крест с чином от него получил. Да еще поручкался — будет чем гордиться и что внукам рассказывать. Хотя война крайне неприятная штука — на ней трудно выжить, чтоб глубокую старость дома встретить.

Десантники выволокли адмирала и Остера, подхватив под руки, а заодно, уловив взгляд фюрера, аккуратно вытеснили из барака трех других офицеров абвера. Но пара парашютистов осталась, и с ними верзила Шмеллинг. На всякий случай, мало ли что...

Андрей обвел взглядом генералитет, продолжавший пребывать в состоянии остоленения. В голове пруссаков не укладывалось, что глава военной разведки мог запросто стать предателем, а его офицер, прямо на их глазах, попытался убить верховного главнокомандующего.

— Гальдер, — произнес скрипучим голосом Андрей, — вы убедились, какие хорошие солдаты служат в парашютных войсках?

— Да, мой фюрер! — сухопарый генерал щелкнул каблуками сапог.

— Приказываю 7-ю авиадивизию переименовать в первую парашютно-десантную. 22-я пехотная дивизия графа Шпонека будет иметь второй номер. На базе этих двух дивизий сформировать третью, выявив в рядах армии всех, кто имеет прыжки или полеты на планерах. Вы отвечаете передо мною за их готовность. И вы, Гальдер, и вы, Геринг! Так что работайте совместно!

— Да, мой фюрер! Парашютисты к намеченному вами дню будут готовы! — пророкотал глава люфтваффе и победно посмотрел на начальника штаба ОКХ. Тот только сверкнул глазами, но ответил согласно субординации, связанный ею по рукам и ногам.

— Есть, мой фюрер!

— Тогда...

Андрей задумался, ему мучительно захотелось, покурить, прямо до жути. Но как это сделать? И тут его осенило.

— Прошу господ генералов остаться для совещания, а я хочу сфотографироваться с фронтовиками на память. Мои парашютисты это заслужили! Пойдемте на воздух, господа!

Повинуясь его решительности, все присутствующие на награждении солдаты и офицеры шустро выметнулись из барака. Андрей вышел вслед за ними — его распирали хохот. Ведь скандал получился невероятный, на весь мир прогремит.

Он не сомневался, что кто-то из награжденных, а таких было два десятка, развяжет язык и сболтнет другу. А тот, в свою очередь, поделится еще с кем-то. А когда такая горячая информация дойдет до жен или подружек — все, пиши пропало. Через неделю о ней в Германии будут знать все!

Черчилль задумается серьезно, задавшись вопросом — а для чего Гитлер парашютные войска создает в таком большом числе? Три дивизии довольно серьезная сила, особенно если островитянам не удастся вывезти свои отрезанные части из Дюнкерка. Есть над чем поломать

голову толстяку с вечной сигарой в зубах.

«Тьфу ты — сразу закурить захотелось!»

Фотографы суетились, стрекотала кинокамера. Андрей наигранно улыбался в камеру, а парашютисты светились от искренней радости. Наконец съемка закончилась, и тут настал удобный момент для претворения душевного запроса в жизнь.

— Курите, господа, на воздухе это стоит отметить, — радушно произнес Родионов. Но, заметив, что солдаты жмутся, поглядывая на него и косясь на офицеров, надавил: — Да и я с вами покурю! Давно не пробовал, с той войны еще!

Фраза прозвучала убедительно: и настоящий фюрер, и он сам — оба говорили правду. А потому несколько просящий голос Гитлера произвел на собравшихся впечатление. Служивые дружно полезли в карманы, доставая пачки сигарет. Выбор был велик, но Андрей позаимствовал сигарету у ефрейтора, которого сразу же расперло от гордости. Молодой парень стрельнул глазами по сторонам, желая насладиться своим триумфом.

Обычная сигарета без фильтра, типичная в его времени круглая «Шипка», а не овальная «Астра». Андрей зажал сигарету зубами, а гауптман тут же щелкнул зажигалкой, давая прикурить.

— Ох! — первая затяжка коварно подействовала одуряющим образом. Он даже не закашлялся, как ожидал, наоборот, проскочила соколом, только клуб густого дыма выдохнул. И поплохело враз — перед глазами люди оказались подернуты белой мутью, их фигуры поплыли. Он покачнулся, чувствуя, что еще немного, и «отъедет».

— Что с вами, мой фюрер?!

Его тут же схватили за локти и поддержали. Зрение прояснилось — со всех сторон смотрели напряженные взоры солдат.

— Долго не курил, оттого и поплыл, — не скрывая удовольствия, прохрипел Андрей. Солдаты понимающе закивали, а один из них, самый старший, лет тридцати пяти, тут же пояснил для остальных:

— Табак — он такой! По первости кашляешь, а если потом закуришь, то с непривычки дурно становится!

— Хорошие сигареты, приличные! — резюмировал Андрей через минуту, сделав несколько приличных затяжек, и добавил: — А мне иной раз такую гадость курить приходилось...

Тут его основательно покорежило от воспоминаний. В Афгане один раз крупно не повезло — на «вершину», где они оборудовали блокпост, доставили сигареты, и вояки обрадовались. Вот только веселье вмиг улетучилось, когда они отведали «братскую помощь» из социалистического Вьетнама, под чудным названием, если перевести на русские буквы, «Сапа». Курить это зелье было невозможно, оно вызывало рвоту. Оттого сразу получило название «лошадиной хвори». Мерзость первостатейная!

— А!!! — протянул знающе старший солдат. От его внимания не укрылась непроизвольная дрожь верховного главнокомандующего.

— Так вам, мой фюрер, пришлось курить в ту войну эрзац-сигареты из никотиновой бумаги. Мне отец давал их попробовать, он с фронта сберег пачку. Дрянь страшная! Лучше курить бросить!

— Вот я и бросил... И снова начинать не стану...

Дюнкерк

— Булонь взята, мой генерал. Части второй танковой дивизии уже на марше! После

полудня будут здесь!

— Хорошая новость, оберст! — Гудериан оторвался от карты и усмехнулся. Он был рад — теперь англичане не смогут выбить его корпус из Дюнкерка. Как ни крути — но пехотой танки не опрокинешь, этой аксиоме была вчера масса подтверждений.

Однако упрямые островитяне раз за разом бросали свою отличную инфантерию в безнадежные, но отчаянные атаки. И совершенно бесплодные — пулеметы и танковые пушки буквально выкашивали густые цепи англичан.

— Впрочем, им ничего другого не остается делать!

Генерал пробормотал сквозь зубы и снова посмотрел на карту. Тщательно начерченные, с выверенной годами прусской методики, стрелками и кружками синего и красного цвета, она внушала ему оптимизм. Вернее, он с трудом сдерживал ликование, боясь спугнуть удачу, эту весьма капризную даму. Фортуна наконец полностью встала на германскую сторону.

Расположение союзных войск напоминало переспелую грушу с коротким черенком. Или пузатый кувшин с узким и длинным горлышком. И не иначе — британцы с трудом удерживали пятикилометровый участок побережья между Дюнкерком и Ньюпортом, сдавленный с двух сторон стальными немецкими тисками.

Он прекрасно понимал всю подоплеку отчаянных попыток выбить его танки из порта и города. Песчаные дюны совершенно неподходящее место для эвакуации войск, хотя у берега уже крутились десятки маленьких суденышек, число которых увеличивалось прямо на глазах. Но много ли вывезешь на яхтах, катерах, буксирах и баркасах?! Тем более что немецкие пушки осыпали эти суденышки градом снарядов.

Нет, через час англичане предпримут еще один штурм, бросят в бой пару подошедших, свежих дивизий. Но не сразу, а частями, ибо у Горта нет выбора. Ждать он не будет — время работает против него. А потому есть надежда снова отразить такие беспорядочные атаки безусловно храброй пехоты. Именно отразить, на большее Гудериан не надеялся. Боеприпасы на исходе, части вымотались, резервов нет.

Даже если англичан удастся отбросить в очередной раз, потери будут таковы, что его танковый корпус превратится в фикцию. Уже сейчас число танков уполовинено, а дальнейшие потери полностью сведут на нет всю его наступательную мощь.

Генерал тяжело вздохнул и оторвался от карты. Потери неизбежны, но они того стоили. Все решится в ближайшие часы — или англичане возьмут Дюнкерк и смогут провести эвакуацию, или остров останется без армии и без перспективы ее быстрого возрождения.

— Такая игра стоит свеч! — пробормотал генерал про себя и снова склонился над картой, задумчиво хмурия брови.

«Фельзеннест»

— Господа генералы! В свете произошедших событий я как верховный главнокомандующий принимаю следующие решения...

Андрей обвел взглядом собравшихся генералов — настроение у него после перекура значительно улучшилось, вот только показывать это он не собирался, желая держать этих арийцев в «тонусе».

— Генерал-майор Йодль примет военную разведку! Вы справитесь с делом, которое не можете не знать как офицер генерального штаба.

— Есть принять абвер, мой фюрер!

Ответ был четким и уверенным. Как он и надеялся, Йодль воспринял новое назначение со

стоицизмом спартанцев. Потому что понижения не произошло — с одной должности перебросили на равноценную в том же ОКВ.

— Генерал Манштейн примет оперативный отдел, который после окончания кампании в Бельгии и Франции будет реорганизован в имперский генеральный штаб. Предвижу ваши возражения, господа! Потому заявляю сразу — армия, авиация и флот сейчас занимаются планированием войны сами по себе, и лишь потом идет согласование. Это наносит ущерб нашим вооруженным силам своими неизбежными проволочками. Я как верховный главнокомандующий желаю получать информацию из первых рук и, соответственно, без промедления реагировать на нее.

Андрей остановился: на нем скрестились злые взгляды двух командующих — сухопутными войсками Браухича и флотом Редера, а также Гальдера. Взгляд последнего был особенно выразителен, злоба норовила выплеснуться из глаз.

Только командующий люфтваффе повел себя совершенно неожиданно — к великому удивлению Андрея, Геринг крепко задумался. Нужно было сломить генеральскую фронду сразу же, сейчас, пока они не опомнились, и он пошел на крайний шаг.

— В условиях тяжелой войны для победы рейха требуется предельная концентрация всех усилий армии, авиации, флота, дипломатии, экономики и управления. Или вы считаете, что это не так?

Вопрос был чисто риторическим, и ответа на него не последовало, да Андрей и не рассчитывал на него. Генералы с адмиралом только посмурнели лицами и даже засопели.

— Я как фюрер германской нации, рейхсканцлер и верховный главнокомандующий решил предельно упростить систему управления. Политикой, экономикой и управлением будут заниматься министры и рейхсканцелярия. Войной — имперский генеральный штаб, а через него армия, авиация и флот, которые будут иметь теперь главные штабы с административными и управленческими функциями. Оперативные и мобилизационные отделы будут переведены в подчинение штаба ОКВ. Это касается и разведки.

Генерал Йодль скривился — Канарис раньше ему не подчинялся, а теперь этот выскочка Манштейн подомнет абвер под себя. Андрей же улыбнулся — прямо феодальная вольница или пресловутый, по советским временам, ведомственный подход.

— Управлять генеральным штабом может лишь тот генерал, чьи деловые качества, а отнюдь не заслуги, наиболее важны для рейха. Если вы, господа, сможете мне сейчас единодушно предложить другого генерала, талантливого более, то я немедленно произведу назначение. Я спрашиваю вас, господа, об этом немедленно!

Браухич с Редером переглянулись угрюмыми взглядами и дружно посмотрели на Кейтеля, а потом на единственного фельдмаршала. Геринг словно получил от них по укусу и очнулся, расцвел лицом, что-то сообразив.

— Я поддерживаю кандидатуру генерала Манштейна!
«Один голос есть», — мысленно загнул палец Андрей и пристально посмотрел на Кейтеля. Тот чуть ли не вспотел и тут же громко ответил, оправдывая прозвище:

— Я тоже поддерживаю это назначение!

«Плюс два. Но нужно единогласно».

Родионов подошел к Редеру:

— Я не сомневаюсь в компетенции адмиралов и офицеров, что производят планирование операций кriegsmarine. Уверен, что они станут достойными помощниками генерала Манштейна. Более того, ваши советы, адмирал, для него будут особенно ценны. Ведь «Морской лев» нельзя произвести без полного единения сил флота, армии и авиации.

— Я за назначение генерала Манштейна! — Редер лишь на самую чуточку замешкался с

ответом, но потом произнес его с облегчением. Оно и понятно — какое ему дело до «сухопутчиков» и «летунов».

«Плюс три. Теперь ему надобно бросить кость за согласие, чтоб знал хозяина и хвостом повилял!»

— У Англии мощный флот, первый в мире. На море мы ему мало что сможем противопоставить. Но у нас есть сила, способная отправить их корабли на дно. Потому необходимо одну эскадру «Штукас» готовить только для удара по английскому флоту. Более того, эскадру «Хейнкелей-111»... — Андрей внезапно замолчал, мысленно улыбнувшись тому неожиданному факту, что нужную информацию он буквально образом, и уже не раз, черпал из превосходной памяти Гитлера. «А то я сейчас только бы пузыри пускал, если бы вообще протянул так долго, самозванец хренов! Что и говорить, но этот мерзавец мне очень пригодится, и еще не раз!»

Геринг чуть слышно кашлянул, заполняя неудобную паузу, возникшую от произошедшей заминки. Андрей вздрогнул от неожиданности, затем, вернувшись снова к реальности, моргнул и уставился в упор на Редера, который тут же отвел взгляд.

— Нужно вооружить торпедами, весьма эффективным оружием против линкоров и крейсеров. И передать в ваше полное распоряжение, адмирал, — Редер слишком стремительно поднял глаза на Андрея, как бы не веря услышанному. — Но будет намного лучше, если мы подготовим по две эскадры пикировщиков и торпедоносцев и передадим их флоту!

— Мой фюрер...

— Пойдите, Геринг!

Андрей чуть осадил открывшего рот от возмущения фельдмаршала. Еще бы — тот постоянно требовал, чтоб все, что летает, было его собственным. А тут две, даже четыре эскадры из-под носа уводят.

— Эскадры морской авиации формируют люфтваффе, но готовят к действию кригсмарине. Война на море имеет свои особенности, и пилоты должны знать это. Те же силуэты кораблей взять?! Ведь так, Редер?!

— Так точно, мой фюрер! Вы полностью правы.

— Как только мы победим на море, — Андрей чуть не усмехнулся, видя, что собравшиеся его оптимизм не разделяют, — морская авиация снова будет полностью подчинена вам, фельдмаршал. Вы не теряете над ней сейчас контроля — она передана флоту в оперативное подчинение.

Андрей задумался — требовалось найти пример, «чтоб этот толстяк хлопал ртом как рыба и не возмущался».

— Взять ваших парашютистов, Геринг. Обучает их войне на суше армия, большая часть оружия от нее идет, за исключением специализированного. И после десантирования ваши солдаты и офицеры взаимодействуют с ней под началом армейских генералов. Но это парашютисты люфтваффе, Геринг, и уже три дивизии. Хотя, по уму, их лучше иметь четыре. И зенитчиков нужно готовить совместно, ведь они есть и в армии, и в ПВО, и на флоте.

— Да, мой фюрер, — Геринг принял «кость» и отступил, смирившись перед железной логикой, но с новой подачкой в зубах.

«Как же переупрямить Браухича? Приказ мой он будет еще слюнявить, а момент удобный. Так, кнут оставить! Только где мне найти для него „пряник“, и вкусный?!»

— Нужно держаться, парни! Глубже копайте, вот-вот англичане снова в атаку пойдут!

Гауптштурмфюрер Майер, согнувшись в три погибели, пробирался по обсыпавшемуся ходу сообщения. Мотоциклисты почти не обращали на него внимания, потому что старательно воплощали в жизнь знакомый любому солдату каждой армии мира девиз — «пот экономит кровь».

Только саперные лопатки чавкали в их умелых руках, вгрызаясь в каменистую землю. От эскадрона остались в строю едва три десятка измученных солдат. Но эсэсовцы духом не пали, наоборот, им казалось, что британская ярость разбилась о тевтонское мужество.

Первые атаки они отразили успешно, но потом вышли патроны. Вечером, когда Майер думал, что все пропало, нанесли удар «штуки», разворотив переправу и смешав с землей британскую пехоту. Уцелевших «томми» скинули в канал лихой контратакой, истратив последние гранаты.

Майер уже думал, что одержал пиррову победу, но «Шнелле-Хайнц» сумел оказать помощь — от Дюнкерка подошли полдесятка пулеметных танкеток. Пехотинцы, окопавшиеся рядом с ними, получили два десятка трофейных английских «бренов», привезенных из города с ящиками патронов. Их обер-лейтенант скупиться не стал, щедро выделив половину арсенала, и у Майера отлегло от сердца. Теперь было чем встретить упрямых британцев.

— Да сколько можно?! Они опять пошли, гауптштурмфюрер!

Молоденький пулеметчик оскалился щербатым ртом, а офицер только улыбнулся. До войны даже запломбированный зуб мог стать причиной отказа в поступлении в «лейб-штандарт Адольф Гитлер». Теперь они все, с выбитыми зубами и кровоточащими ранами, не соответствовали столь высоким требованиям, абсолютно глупым и ненужным. Они на поле боя доказали свою преданность рейху.

Мае́йр прищурил глаза — англичане быстро передвигались густыми цепями, не менее тысячи солдат: без малого два батальона против их двух потрепанных взводов. Тяжело будет...

Офицер выхаркнул забившуюся в горло пыль, потрянул головой, сбрасывая с каски землю. Да уж, определенно британцы не пожалели снарядов, четверть часа обрабатывая немецкие позиции своими гаубицами, а теперь за огненным валом начнут переправу, и нельзя упустить момент, чтобы хорошо причесать их из пулеметов.

Майер приподнялся, глянул, прижимаясь к брустверу. Так и есть, британские саперы уже возились у канала, а пехотинцы готовились к переправе. Он захотел скомандовать, но солдаты сами знали, что делать, — застучали пулеметы, и свинцовый град обрушился на неприятеля. Англичан смело за секунды — переправа была сорвана в зародыше.

Офицер злорадно улыбнулся и оглянулся вправо, не услышав стрельбы. Так и есть — «брен» отброшен и засыпан землей, а пулеметчик привалился к стенке, выпучив от боли белые круглые глаза на сером землистом лице. Пальцами он держал большой шевелящийся клубок, и Майер не сразу осознал, что парню разворошило живот.

«Не жилец», — мелькнула в голове мысль, а рука почти опередила приказ разума. С таким ранением он мог сделать для солдата только одно, о чем бы сам попросил, оказавшись в такой ситуации. Пальцы рванули «вальтер» из кобуры, недрогнувшей рукой он приставил ствол ко лбу умирающего солдата, и глаза того на миг повлажнели — пулеметчик понял, что его невысказанная просьба будет сейчас выполнена.

«Фельзеннест»

— Мы совершили ошибку, позволив рейхсфюреру формировать части ваффен СС. Армия

должна быть единой, как в обучении и тактике, так и в комплектовании. А потому, я так считаю, господа, необходимо все эсэсовские части перевести в ОКХ. Сформировать из них элитные моторизованные бригады, которые по одной придавать нашим танковым дивизиям.

Андрей чуть не рассмеялся, глядя на ошарашенную рожу Геринга — наци номер два только удивленно хлопал ресницами и ощерил рот. Зато лица всех без исключения генералов и разом примкнувшего к ним адмирала Редера расцвелись довольными улыбками.

«Это я им здорово потрафил, мигом оживились. Еще бы — в СС они конкурента видели, настоящий фюрер этой сволочи благоволил. Потому мое заявление до печенок их пробрало. Тогда нужно надавить еще раз и Геринга успокоить, дабы не засуетился раньше времени, ножишек на меня не точил».

— В вермахте есть полк «Великая Германия» — его развернуть в гвардейскую бригаду. А так как в частях СС собран цвет германской нации, то мы будем иметь в армии с десятков таких бригад. Настоящих, не хуже прежней имперской гвардии. Может, через них и восстановится старая добрая Германия, — с наигранной печалью в голосе закончил Андрей, незаметно окидывая взглядом генералов.

«А ведь вы не прочь кайзера вернуть, братцы! Намека вам за глаза хватило — мигом в стойку встали. Но и я не лыком шит, если чуть что не так, скажу сразу, что меня неправильно поняли. А пока в самый раз, еще немного, и я уломаю ОКХ».

— А партийность СС даже во благо — ведь в люфтваффе много членов НСДАП, и от этого они не хуже воюют, а то и лучше, чем другие. Ведь так, мой Геринг?!

— Так, мой фюрер. Люфтваффе построено мною только на принципах национал-социализма.

— Вот видите, господа. Заодно и штурмовые отряды СА должны войти в состав вермахта. У нас будет единая армия! Более того, именно армия должна обратить внимание и на нашу молодежь, учить ее военному делу настоящим образом! У вас, Гальдер, как у начальника главного штаба ОКХ, занятий будет непочатый край. Работы, которая настоятельно нужна Германии!

«Кажись, уболтал генералов. Даже фюрер внутри не пищит, поверил в то, что я говорил. Переглянулись между собой, стервецы. Кусок им большой кинул, можно и с назначением Манштейна согласиться».

— Вам, генерал, — Андрей подошел к Браухичу, отметив, что Гальдер уже не строит обиженный вид, — нужно провести все эти мероприятия, и не только. Манштейн будет планировать войну, Гальдер — готовить к ней армию, а вам вести. Вы достойный командующий! И помните — ваш фельдмаршалский жезл лежит на той стороне Ла-Манша, вам нужно только его взять. Я думаю, это станет трудной задачей!

— Да, мой фюрер. Англия еще не вела войну на своей территории, но в наших силах предоставить ей эту возможность. Тем более генерал Манштейн будет иметь время на доработку плана «Зеелеве».

«Четыре! Все согласились, хоть Браухич и здесь вильнул, не ответив прямо. На гордыню наступить не смог, да и Гальдер рядом стоит. Ну и ладненько, вот только рано вы обрадовались — чистка авгиевых конюшен отнюдь не из приятных дел. Зато врагов среди СС и нацистов вы обретете лютых. Так что пути назад вам не будет — либо вы их в шеренги построите, либо они вас сожрут и не подавятся!»

Андрей обвел взглядом генералов и остался доволен. Нет, эти вояки отнюдь не легковверны и прекрасно поняли изнанку разговора. Потому и согласились так легко — ведь Манштейн не нацист, а генерал, а потому с ним будет легко договориться, если фюрер начнет взбрыкивать. И тем самым стреножить, но с этим-то Андрей и был согласен. Он впервые ощутил, что за

дружным и многозначительным молчанием генералов скрывается сила, что поможет ему раздавить нацистов.

Дюнкерк

— Что, не нравятся наши «яйца»?! — злорадно прошептал оберфельдфебель Готфрид Леске, сжав тонкие губы. Именно они да белокурые волосы являлись приметой подлинного арийца, позволившей ему поступить в СС, а потом перейти в непобедимые люфтваффе.

«Хейнкель-111» облегченно взревел моторами, избавившись от тяжелого груза, и подпрыгнул в воздухе. Пилот машинально посмотрел вниз, и радость наполнила его душу. На желтой полосе дюн металась тысячи человеческих фигурок, виднелось множество бугорков брошенной техники. И посреди этого скопления машин и людей разом взметнулись в небеса многочисленные султаны взрывов, превратив побережье в апокалипсическую картину. Еще бы — малопривно, когда три десятка бомбардировщиков одновременно обрушивают свой смертоносный груз.

Им несказанно повезло — пролетели под облаками и зашли на боевой курс неожиданно для британцев. Вездесущие «Харрикейны» и «Спитфайры» прошляпили их появление, а потому бомбометание прошло как на полигоне. Командир экипажа обер-лейтенант Вальтер Фримель вовремя нажал кнопку, умело и точно сбросил на англичан бомбы, которые немцы именовали с истинно тевтонским юмором «яйцами».

Сколько уже было таких полетов, знали только штабные офицеры, сам Леске запутался в счете. Они бомбили аэродромы и танки, рассеивали вражеские колонны. Или вот как сейчас — обработали побережье и перетопили утлые лоханки, что суетились рядышком, забирая уцелевших «томми» и пытаясь уйти на ту сторону Канала.

Но было множество полетов, которые изрядно позабавили пилота — он смеялся, заведя разбегающихся во все стороны, ополоумевших от ужаса бельгийских и голландских беженцев, взлетающих в небо ошметков коров, овец и повозок, которых накрывали точно сброшенные бомбы. Забавно — даже вечно хмурые ефрейтор Тео Зольмер, стрелок, и бортрадист Вилли Ледерер, и те улыбались, глядя на такие веселые этюды.

Лишь бортинженер унтер-офицер Франц Пупке однажды заявил всему экипажу, что с врагом поступать так можно, но с простыми людьми нельзя. За что бортрадист назвал его «демократическим трусом».

Сам Леске склонился к мнению, что Пупке не трус, просто мыслит как старый добропорядочный немец, не понимая, что партия изменила тевтонский дух. И теперь идет другая война. Да и как жалеть этих голландцев, если они столь бесчеловечны и расстреливали из пулеметов сброшенных на парашютах парней Штудента. Все равно ведь сдались, только напрасно десантников покалечили или убили.

— Нечего их жалеть, если они столь неправильно воюют! — злорадно прошептал Лемке и потянул штурвал. «Хейнкель» сразу послушался и стал набирать высоту, уходя в облака. — Гнилое дело — стрелять в беззащитных парашютистов! Дикость какая-то! Противоречит всем международным конвенциям!

«Фельзеннест»

Андрей лежал на диване и смотрел в потолок, тускло освещенный плафоном. За эти дни

пребывания в гитлеровской шкуре он сильно устал, вымотался как цуцик. Плохо и то, что фюреру за полтинник, такое ощущение, что каждый час пребываешь с большого бодуна, ходишь с подвешенной на поясе гирькой. Теперь он знал, какая неприятная штука возраст — и силы уже не те, и тело совсем не то.

А работы много — бумаги на подпись охапками приносили, буквы перед глазами расплывались от чтения. Чудовищный объем работы выполнял этот бесноватый, невероятный. На просмотр донесений, справок, проектов всяких уходило несколько часов. Воистину — труд правителя сродни каторжному, но там работают по принуждению, а здесь добровольно.

Одно хорошо — он владел благодаря фюреру немецкой речью в полном объеме, иначе была бы хана в первый же час. Вот только с подписью не заладилось, она мало походила на настоящую. Андрей даже попытался закрыть глаза и «выпустить» из себя настоящего фюрера. Хрена лысого — роспись была иной, хотя определенное сходство имелось.

Выручили из беды эскулапы, собравшие срочный консилиум по поводу разбитых пальцев и костяшек фюрерской десницы. После получасовой беседы, сопровождавшейся оживленной беседой, насквозь пересыпанной непонятной терминологией на латыни, медики пришли к дружному решению — сделать рентген кисти.

Андрей удивился, но за эти часы, как оказалось, в одном из барачков уже установили армейскую передвижную установку. Пришлось туда идти, но зато через полчаса медицина в лице этой троицы вынесла единодушный вердикт — сильный ушиб кисти и плюс защемление какого-то нерва. Это все, что понял Родионов из их болтовни, и с облегчением, но незаметно вздохнул. На полгода, не меньше, будут ощутимы последствия от злополучной травмы — вердикт медиков его полностью успокоил. Тем более что все приказы по вермахту вместе с ним визировал Кейтель, благо подпись генерала осталась неизменной.

«Лакейтель» тоже был доволен — хоть здесь он оттер Манштейна в сторону, доказав, что, пока нет указа рейхсканцлера и верховного главнокомандующего, подписываться на документах в таком случае его прерогатива. А потому с победной улыбкой поглядывал весь вечер на конкурента, ловя поощрительную улыбку фюрера. Андрей всячески показывал генералу его незаменимость — стравливать так стравливать, но противовесы должны быть в действии постоянно.

«Завтра денек будет бурный — столько народу в ставку вызвал! И правильно. С англичанами и американцами надо решить раз и навсегда, а то первые повадились сидеть на своем острове и вечно воду мутят. А вторые вообще за океаном мурло свое наедают. Злейшие враги России, что те, что другие. Британцы только в этом веке союзниками были. И какими — подождали, пока русские кровью собственной захлебнутся, и весь навар сняли. А нам разбитые черепки достались».

Мысли текли неторопливо, как ручей посреди лесной прохлады. Пиндосов и англо- Андрей всегда недолюбливал. Одни беды от них, везде суются и всех жить учат.

«Ведут себя в мире, как паханы в зоне. И Рузвельт их базу подвел, заявил, что англосаксам надлежит господствовать в этом мире, согласно провидению. Вот только какому?! Роль Творца на себя взяли, сволочи мохнатые!»

Неожиданно для себя он ощутил, что начинает испытывать некоторую двойственность. Вроде как американские плутократы козлы позорные, а вот англичане вполне нормальные люди, истинные арийцы. С ними помягче надо, тогда договориться можно будет.

«А вот и нет. Те еще пирожки с котятками», — Андрей дернулся и чуть не вскочил на ноги. Он понял, что истинный Гитлер подал внутри свой голос, и с угрозой пробормотал:

— Повякай мне тут! Я тебя наружу не выпущу, не надейся, твареньш!

Вот только уверенности не было — Андрей боялся уснуть. Мало ли что, а вдруг во сне

фюрер снова оседлает самого себя, а ему самому достанется место в уголочке разума, и будет он смотреть на бесчинства бесноватого. Но сразу захотелось спать, и Андрей прикрыл глаза, а через минуту уже спал, спокойно и ровно дыша.

Лондон

Черчилль пребывал в скверном состоянии духа — по кабинету плыли густые клубы табачного дыма. Он не выпускал сигару уже несколько часов, напряженно просчитывая ситуацию. И только многолетняя выдержка политика не давала вырваться наружу волнению.

И было отчего ему тревожиться — события во Франции приняли самый скверный и, что особенно плохо, необратимый характер. Дюнкерк и Булонь взяты немцами, а бельгийцы сдали Ньюпорт. Судя по всему, до капитуляции их армии остались считанные дни, если даже не часы.

Английские экспедиционные силы оказались загнаны в роковую ловушку — эвакуацию можно было осуществить только с узкой полоски побережья, на которой не было ни одной гавани. Выбить немцев из Дюнкерка не удалось, хотя войска Горта вот уже второй день предпринимали отчаянные атаки. Еще сутки, и разразится катастрофа...

— Годдем!

Ругательство сорвалось с губ и было адресовано Гудериану с его танкистами. Именно этот неугомонный немецкий генерал вызывал у премьер-министра наибольшее раздражение, хотя он отдавал должное предприимчивости тевтона. Именно подобные решительные люди создали в свое время Британскую империю, над которой никогда не заходило солнце.

Святые небеса! Сейчас как никогда его Англия в опасности. Даже знаменитый лягушатник, водрузивший на свою голову императорскую корону, не представлял такой страшной угрозы для будущего страны.

Адмирал Рамсей еще вчера получил приказ начать «Динамо», но много ли удастся вывезти на яхтах и катерах?! Моряки рассчитывали на четверть, но сам Черчилль не обольщался и считал, что будет невероятным успехом, если через Канал перевезут десятую часть отрезанных войск. Но если немцы усилят давление на побережье, то вся кадровая армия погибнет, и метрополия останется фактически беззащитной.

— Сэр! — дверь тихо отворилась, и на пороге появился адъютант. — Адмирал Корк приказ об эвакуации получил!

— Хорошо, — пробурчал Черчилль, и офицер, повинувшись его жесту, тут же удалился, а премьер-министр удобнее устроился на кресле, выдохнув изо рта клуб табачного дыма. Решение было принято вчера и сегодня передано адресату к исполнению. Английский флот и армия покидали Норвегию, где уже полтора месяца шли ожесточенные бои с немцами. Это был единственный выход — сейчас на островах нужен каждый штык.

Глава шестая

«На войне как на войне»

«Фельзеннест»

— У меня есть к вам дело, штандартенфюрер!

Андрей прошелся по траве, задумчиво поглядывая на голубое, словно выстиранное, утреннее небо. Как там у Ильфа и Петрова — в такой час хочется верить, что простокваша полезнее кваса. Если бы так! Ему просто до жути хотелось мяса, как незабвенной Лизочке, пока та не сходила с Кисой в ресторан. Да уж!

— Я весь во внимании, мой фюрер!

«Папаша» Мюллер настолько походил на свой образ, созданный Броневым в «Семнадцати мгновениях», что Андрей кое-как сдержал улыбку. Старый пес-ищейка, право слово, глаза внимательные, цепкие. Такой сделает все как надо, только нужно не упустить момент и придержать поводок.

— Как вы думаете, о чем я с вами буду говорить?

Андрей снова посмотрел на небо и жадно глотнул свежего воздуха. Нахождение в бункере стало давить на психику, а потому он с радостью вышел наружу. И еще одна причина толкнула его на серьезный разговор именно на прогулке — боязнь, что в бункере могут подслушать. Микрофоны уже всюю использовали, а дело было важным.

— Я уже начал проверку окружения адмирала Канариса, мой фюрер! Но, к сожалению, мои возможности тут ограничены...

— Это дело вермахта, герр Мюллер! Им занимается генерал Йодль. Потому не стоит вам прилагать усилия, если только новый глава абвера сам не обратится за помощью. Дело в другом, штандартенфюрер, — Андрей внимательно посмотрел на гестаповца — тот прямо застыл в охотничьей стойке. — Идет война, и нам требуется сосредоточить на ней все силы и средства рейха. Противники у нас могущественные — за спиной Англии стоят американцы с их развитой промышленностью. Между тем некоторые руководители партии просто транжирят вверенные им государственные средства, ведут неподобающий образ жизни с красотками и дворцами. Ведь так, штандартенфюрер?! Вы не можете не отслеживать ситуацию?!

— Да, мой фюрер. Такая информация у меня есть. Действительно...

— Мне нужно иное, — перебил Андрей начавшего было говорить Мюллера, и тот подобрался, прижав локти к бокам.

Видно было невооруженным глазом, что в присутствии Гитлера глава зловещей государственной тайной полиции чувствовал себя несколько скованно. Ну что ж, тем легче будет найти поводок. Как там говорится — боится, значит, уважает.

— В течение месяца подготовьте мне меморандум с перечислением всех нецелевых расходов, сделанных руководящими работниками партии. А также приведите все случаи их вызывающего поведения, которое подрывает нормы морали. Они должны быть примером для граждан рейха, а не... Ну, вы понимаете, что я имел в виду?

— Да, мой фюрер!

Андрей заметил, как сверкнули глаза гестаповца. К бабке не ходи, «папаша» Мюллер такую информацию имел, и наверняка где-то стояла шеренга папочек с досье на руководство НСДАП.

— Мы должны основательно почистить руководство партии. Вышвырнуть всех приспособленцев, проходимцев, лентяев и лодырей! Пусть даже и занимающих высокое

положение! Невзирая на их прежние заслуги! Проверить всех, даже рейхсминистров. Вам понятно?!

— Да, мой фюрер, — Мюллер отвечал тусклым голосом, и Андрей понял, что тому стало хреновато — наживать такое количество могущественных врагов штандартенфюреру, то есть полковнику, явно не улыбалось.

— Но не это важно. Необходимо выявить все прямые и закулисные связи партийных бонз с вашими начальниками. Да-да, Мюллер, — именно с руководством СС и СД, вплоть до рейхсфюрера!

Главе гестапо поплохело прямо на глазах — чуть ли не позеленел. Да оно и понятно, ведь если Гиммлер узнает, что под него «копают», то он Мюллеру устроит геморроидальные колики или автокатастрофу. И Андрей решил поддержать гестаповца, чтоб тот с усердием начал рыть.

— С этой минуты вы отвечаете в этом деле только передо мной. Запомните это, бригадефюрер!

— Да, мой фюрер! — Мюллер побагровел и приосанился — еще бы, получить генеральский чин. Но глаза сверкнули — он понял сразу, старый пройдоха, какую свинью ему подложили этим производством, хотя о том не было сказано ни слова. Теперь разоблачение Канариса будут связывать с ним, и гестаповцу придется отвечать перед Гиммлером за сокрытие информации — его словам, что он тут ни при чем, просто не поверят.

«Вот это и будет твоим поводом. А я стану „крышей“. Деваться тебе теперь некуда — тут не усидишь на двух стульях. Причем с гвоздями. Или ты на меня работаешь, или я тебе головушку откручу. Возможностей у рейхсканцлера куда больше, чем у рейхсфюрера СС».

— Отслеживайте все их связи с генералами вермахта и люфтваффе, все. Дружеские, или родственные, или какие иные. Это может существенно дополнить имеющуюся у меня информацию. Вы поняли?

— Да, мой фюрер! — Мюллер посмотрел на него взглядом старого умного пса — все он понял и просчитал, профи настоящий. Андрей осознал, что надо заканчивать разговор побыстрее — не с его опытом и настоящим возрастом с таким разговаривать. Он даже подумал, что «папаша» Мюллер сделал для себя намного больше выводов, чем он сам. Стреляный воробей! Вернее, волк, побывавший в капкане. Матерый такой волчище!

Дюнкерк

— Я думал, что этот кошмар никогда не кончится, капитан. У меня осталось всего двенадцать мотоциклистов. — Майер дрожащими от усталости пальцами вытащил из портсигара сигарету. Пехотный офицер, в почищенном мундире, предупредительно щелкнул зажигалкой.

Эсэсовец с наслаждением затянулся — табачный дым сразу перебил стоявшую во рту слащаво-тошнотворную смесь от вдыхаемой пыли, пороха и тлена сотен убитых солдат. Жуткая смесь, а ему пришлось дышать ею почти трое суток. А теперь все закончилось — мотопехота подошедшей второй дивизии сноровисто занимала позиции, маскируя противотанковые орудия, а его эскадрон, вернее, жалкие остатки, выводился в Дюнкерк, на отдых.

— Потери у вас большие, гауптштурмфюрер, но они того стоят! — сочувственно произнес армеец, отводя взгляд чуть в сторону. — Зато теперь вся английская армия обречена на поражение. Порты у них нет, а на побережье наши танки раздавят упрямых «томми». Так что ваши парни не зря здесь погибли!

— Не зря! — согласился Майер, но слова прозвучали хрипло. Кровавая жатва до сих пор не

отпускала его — скажи ему три недели назад, что будут такие потери в эскадроне, он не поверил бы даже в кошмарном сне. Но пехотинец прав — пусть почти исчез его эскадрон, зато вся английская армия угодила в такой капкан, из которого она не вырвется. А это победа, пусть и заплачено за нее дорого.

Гауптштурмфюрер поглядел в сторону — горстка солдат в изодранном обмундировании, в грязных окровавленных бинтах и с почерневшими от пыли и копоти лицами, отрешенно смолила сигареты. Есть из них никто не мог, только курили и пили воду.

Майер пошел к своим эсэсовцам — от усталости и его пошатывало. Но это война, она просто не может быть другой. Если не хочешь платить за победу, то будешь горше расплачиваться за поражение. Парням просто надо помыться, надеть чистое, поесть да поспать пару дней. Тогда они снова станут лихими вояками, с которыми любо-дорого воевать.

— Нас выводят на отдых. Три дня.

Хоть новость была приятной, но эсэсовцы не ощутили радости — настолько они отупели от усталости. Чем хороши немцы, так это дисциплиной — встали, заведя подходящего к ним офицера, сразу, хотя и с трудом. И сейчас шеренга ощутимо покачивалась.

— Отдохнем немного, парни, помоемся, получим пополнение, и нас снова ждет дорога!

Слова Майера не вызвали энтузиазма у его солдат — все смотрели как-то отрешенно, будто не видя и не слыша своего офицера. Пустые белесые глаза, бездонные как колодцы. И он понял, что их надо расшевелить, а то такая апатия к добру не приведет.

— Нас ждет Париж, парни. А это слава и победа — вы ее полностью заслужили! Потому выше голову!

«Фельзеннест»

«Процесс пошел, как любил говаривать последний генсек», — Андрей прищурил глаза и потянулся, как сытый и довольный кот. Кожа дивана противно заскрипела под телом. Неприятный звук тут же нарушил плавный ход мыслей, дурманных голову.

Дела шли неплохо, и он попросту боялся сглазить. Еще бы — ни один из генералов ничего не заподозрил, более того, ему удалось смешать существующий расклад вещей. Канарис списан, а пока Йодль войдет в курс дел, немецкая военная разведка на какое-то время будет парализована, а это позволит англичанам собрать кровавую жатву — что и нужно, ведь супостаты должны друг друга обессилить. Но тут поможет Манштейн — высадка в Англии обойдется дорого для вермахта.

Второй плюс в том, что в генеральские ряды он внес яблоко раздора, хотя, судя по всему, они и так друг друга не шибко любили. Однако сплочения генеральской своры надо добиться в нужный момент, ведь ничто так не объединяет спорщиков, как один общий враг, а такой есть, до скрежета зубовного — Гимлер и СС.

«Пользу тут принесет и „папаша“ Мюллер. А если гестаповец начнет крутить, то есть абвер на него. Сейчас нужно эсэсовцев из окружения потихоньку вытурить, полностью заменив их военными, благо в личную охрану фюрера Геринг целую парашютную роту определил — этим парням доверять можно. Хоть и немецкая, но десантура, а не вертухаи жеваные. Лишь бы не отравили мимоходом какой-нибудь плюшкой, а покушений теперь можно не бояться — каждого проверять будут, несмотря на чин, да бдить, аки церберы».

Андрей снова сладко потянулся, чувствуя, как хрустят косточки. Хотя раньше, в молодом теле, это было наслаждением, а сейчас короткой радостью — в животе бурчало, а оттого в полной мере удовольствия от отдыха он не испытывал.

— Мой фюрер, — дверь тихо отворилась, и на пороге появился Шмундт. Все эти дни полковник находился при нем неотлучно, полностью перетянув на себя «одеяло» с других адъютантов. А это было неплохо — полковник, как он знал из истории, Гитлеру был абсолютно верен и погиб 20 июля 1944 года во время покушения.

— Получена радиogramма от Гудериана — англичане отброшены от Дюнкерка и прекратили атаки. Пытаются вывезти войска с побережья, используя сотни малых суденышек, яхт и катеров. Генерал просит помочь боеприпасами для артиллерии, весь английский плацдарм простреливается его танкистами насквозь.

— А что люфтваффе?

— Погода нелетная, мой фюрер! Но наша метеослужба обещает завтра разъяснение.

«Так, — Андрей на минуту задумался. — Англичане начали „Динамо“, и теперь все решится в ближайшее время. Понятно, что сейчас триста тысяч своих солдат британцы не вывезут — Дюнкерк-то взят. Но с побережья тысяч сто смогут эвакуировать, а этого бы не хотелось. А значит...»

— Вторая танковая к нему уже подошла?

— Да, мой фюрер!

— Пусть генерал атакует англичан всеми силами. Боеприпасы тратит не жалея! Вопрос решится не за дни, Шмундт, а за считанные часы. Нужно перехватить горловину и сорвать эвакуацию. Немедленно радируйте Гудериану от моего имени и поставьте в известность Манштейна.

— Генерал уже знает и сам предложил нанести удар, хотя заметил, что потери в танках будут значительные.

— На войне без потерь не бывает. Что лучше, полковник, — потерять пару сотен танков, но уничтожить десять английских дивизий, или поберечь панцеры и ждать, пока британцы к этим десяти добавят вдвое больше?

— Здесь выбора нет, мой фюрер! Только наступление приносит победу.

— То-то же, Шмундт! А потому как придут Тодт с генералом Томасом и Шпеер — немедленно ко мне. А я часок отдохну.

— Да, мой фюрер!

Дверь за Шмундтом закрылась, и Андрей снова прилег на диван, засунув руку под затылок, и усмехнулся — смешная вышла история с этим боксером. Никакой он пока не парашютист, еще немецкое КМБ проходит. Просто, пока он с разбитой мордой шепелявил, адъютанту от люфтваффе показалось, что фюрер требует к себе своего любимчика-боксера, которого постоянно одаривал да телеграммы приветственные слал.

Шмеллинга быстро выдернули и засунули в группу настоящих парашютистов, бравших штурмом бельгийские форты. А сам «железный Макс», судя по доносу, на вышке позеленел и прыгать вниз явно не хотел. При посадке он чуть повредил локоть, и сразу в госпиталь, в котором долго лежал, а вся его группа уже закончила обучение. И не прыгать ему больше с парашютом — с Остером удачно вышло, и оказался боксер в ставке, где зависнет надолго. А что? Всяко-разно, но получше эсэсовцев парни Штудента будут.

Ньюпорт

Молодой капитан с немым вопросом в глазах посмотрел на командира 3-й пехотной дивизии. Англичане всегда славились своей выдержкой и хладнокровием, и Бернард Лоу Монтгомери, потомок славного рода, не был исключением. Даже сейчас, в кошмарном аду

войны, этот выдавший виды 53-летний генерал выглядел так, будто собрался на прием в Виндзорский замок.

Но в глубине души старого вояки все бурлило, как в котле. То, что он видел, походило на катастрофу. Его дивизия должна была эвакуироваться первой из Фландрии, но не таким же образом?!

— Воздух!!!

Отчаянные вопли заставили генерала чуть поморщиться. Зачем кричать, если укрыться все равно негде? Вся песчаная полоса берега была плотно забита автомашинами, пушками и густой колыхавшейся массой его солдат. Вооружение и технику бросали прямо на берегу — погрузить ее на малые суденышки было просто невозможно. Да и бог с ней — у короля новое найдется, а вот взять его величеству опытных солдат просто неоткуда.

Из-под густых облаков донесся душераздирающий вой сирен — в голубые просветы стремительно ворвались узкие хищные силуэты, высунув из изломанных крыльев шасси с обтекателями. От самолетов отделились черные капельки бомб, и, завидев их, генерал проворно, но с достоинством истинного джентльмена, спрыгнул в глубокую воронку.

Он не боялся погибнуть, просто не хотел умирать глупо. А бомба в одну и ту же воронку дважды не попадает, так что шанс уцелеть был не малый. Песок под ним тут же закачался ходуном, а уши заложил грохот взрывов.

Вчера было пасмурно, самолеты не летали, но сегодня, как только разъяснело небо, «штуки» бомбили уже пятый раз. Вернее, третий, две атаки сорвали «спитфайры», надежно прикрывшие узкий плацдарм.

Как только вой прекратился и самолеты, взревев моторами, удалились в облака, генерал сразу же поднялся. Смахнув небрежными хлопками ладоней песок, он огляделся по сторонам. Такой армией стоило гордиться — никакой паники, все заняты своим делом. Порядок практически идеальный, с поправкой на условия.

Серая гладь Канала, прижатая сверху тяжелыми облаками, была густо усеяна сотнями мелких суденышек — катерами, буксирами, лодками, баркасами и яхтами. Тысячи англичан отозвались на призыв правительства и пришли сюда на своих челнах, чтобы спасти армию. Не в этом ли проявилась воля небес, спасающих Англию!

— Ну что ж, мой мальчик! — Монтгомери с усмешкой в глазах посмотрел на адъютанта. — Я думаю, пора и нам скоро отплывать, раз моих солдат уже осталось мало на берегу. Надо освободить место для следующей дивизии.

Генерал прошел мимо груд брошенных винтовок — в Канале они ни к чему, лучше людей больше взять, да и выплыть с ними затруднительно. Песок чавкал под ногами, окрашенный красными брызгами. Песок смерти — бомбы и снаряды унесли здесь жизни не одной сотни английских солдат.

«Фельзеннест»

Андрей пребывал в скверном расположении духа — германскую военную промышленность он представлял совершенно другой. Мощной, а не тем убожеством, что была обрисована ему прибывшими в ставку министром по вооружениям доктором Тодтом и генералом Томасом, что возглавлял соответствующий отдел ОКВ.

Собственная память, словно соревнуясь с гитлеровской, услужливо подкинула проскользнувшие в свое время на институтских, вечно полусонных лекциях цифры производства истребителей в Англии в период воздушной битвы: в месяц британцы делали

свыше четырехсот истребителей.

Сейчас же выяснилось, что немцы и две сотни «Мессершмиттов» кое-как клепают. Еще бы — оказывается, вся экономика сосредоточена в одних руках и задействована по четырехлетнему плану. Пятилетка на нацистский лад, те же яйца, только вид сбоку. А творцом сего экономического чуда является... Кто бы мог подумать?!

«Геринг, этот толстый боров. Наци номер два мало командовать люфтваффе, он еще на множестве должностей сидит — вплоть до главного лесничего рейха. Многостаночник, любого стахановца переплюнет. Вот потому Англия в той истории и смогла отбиться, обескровив изрядно германскую авиацию. Худо дело, если сапоги начнет тачать пирожник».

Насчет собственных дарований Андрей не обольщался, так, всего понемногу и обрывками. «Пенициллин, радиолокация, уран-235 — вот три штуки, что нужно было всемерно развивать. Ведь за океаном янки уже приступили к „Манхэттенскому проекту“, ядерную бомбу ладить будут, мать их! А посему надо иметь в будущем достойный ответ на их притязания. А еще ракетостроение, управляемое оружие — те же планирующие бомбы, что итальянский линкор „Рома“ за минуту уделали».

Для СССР опасно?! Еще как! Но тут Андрей видел самый простой и эффективный выход — всю эту технологию и новые образцы техники он планировал просто сбыть Сталину, как и было в реальной истории в этом же году. С востока получать сырье, а туда гнать новейшие технологии. Войны не будет, а потому стоит всемерно ускорить НТР, как Горбачев в его времени приговаривал частенько.

И сбудется заветная мечта или кошмарный ужас для враждебных сил, это как посмотреть, многих политиков — «драйкайзербунд» на новый лад, «союз трех императоров», ведь совокупная промышленная мощь Германии, СССР и Японии не уступает англо-американцам — США и Англии с доминионами. Тем паче в России вся таблица Менделеева в неограниченном количестве, сырья на много лет хватит.

И результат налицо — наши будут занимать позицию Америки во всех войнах — быть в стороне, торговать, а в решающий момент выступить. Потери минимальны, а прибыль максимальна! Тем более, как он знал, Сталин в войну не рвался — зачем ему это?! Капиталисты между собой дерутся, так что еще надо?!

— Мой фюрер, — в мысли ворвался тихий молодой голос, и Андрей вынырнул из омута размышлений. Главный архитектор рейха был возмутительно молод, едва за тридцать. Андрей планировал назначить Шпеера главным двигателем прогресса. В той истории его поставили министром вооружений после гибели Тодта, и вчерашний строитель помпезных нацистских сооружений многократно увеличил выпуск самого новейшего оружия, от «тигров» и реактивных самолетов до ФАУ. — Я совершенно не знаком...

— Оставьте, Шпеер, — совершенно неожиданно для Андрея в его голове проснулся настоящий фюрер и невежливо перебил своего любимца. Родионов непроизвольно сжался и невероятным усилием парализовал попытавшегося взять бразды правления Гитлера.

— Вам плохо, мой фюрер?

— Нет, Шпеер, уже прошло, — глухо отозвался Андрей.

Его прямо колбасило, пот лил градом. Сейчас он впервые реально испугался. А ведь настоящий фюрер сейчас мог заново «оседлать» свое тело, и что тогда? Миллионы жизней, кровь потоком, его разоренная войной страна. Тут Родионова скривило, будто уксуса хватанул.

«Да, мы победили Гитлера, но проиграли будущее. Что получил Сталин к сорок пятому году? Обескровленный народ, чудовищное разорение страны, разрушенную Восточную Европу, которую пришлось восстанавливать русским. Социалистический блок? Ага, щас! Разбежался Иосиф Виссарионович! Раскатал губу! Все эти чехи, венгры и прочие, те же поляки, и так на

русских злобой исходившие, познакомившись с прелестями социализма на вечно живых ленинских принципах, только и думали, как бы быстрее свалить. Все годы заматня шла, приходилось дополнительно ресурсы им за бесценок давать, свой народ не кормить. Один Новочеркасск чего стоит!»

Андрей чуть не сплюнул от омерзения, но вовремя вспомнил, в чьей он шкуре сейчас находится. Нет, забываться нельзя, иначе все наперекосяк пойдет. Его страну янкесы и англы опять использовать будут как презерватив, а потом выбросят за ненадобностью. Запад, что деньги за бога почитает, всегда России враждебен был. И какими же идиотами два последних русских царя были, что интересам страны предпочли английское и французское золотишко?! Итог — первая же война за интересы Запада для России закончилась катастрофой и гражданской войной.

«И Германия с Австрией рухнули! Три империи развалились! Стравили, обескровили и раздергали на куски. Нет!!! Воевать за интересы Англии и США — безумие! А Сталин не дурак! Не может он этого не понимать!»

— Мой фюрер! — Шпеер встревоженно смотрел чуть ли не в глаза. — Может, вам лучше отдохнуть?

— Нет, давайте займемся делом, — Андрей взял себя в руки. — Архитектура и строительство подождут. Ресурсы рейха ограничены, а потому все наши начинания надо заморозить. Но вы без работы не останетесь, вам предстоит строить настоящую военную промышленность. Вы не знакомы с этим делом, но тем лучше. У вас математический склад ума, как раз для решения этой сложнейшей задачи.

Ньюпорт

Вода уже была относительно теплой и совсем не холодила обутые в сапоги ноги. Генерал медленно шел к стоявшей у берега яхте. Она была битком забита френчами цвета хаки — штаб 3-й пехотной дивизии эвакуировался последним, как и требуют долг и честь.

С невысокого борта офицеры протянули руки — цепкие ладони быстро выдернули Монтгомери из воды. Дело было сделано — его дивизия спасена, но что будет с другими?! Он тут же отогнал темные мысли, надеясь на лучшее. Но черные столбы, что были хорошо видимы и слева, и справа, вызывали тревогу — в Ньюпорте и Дюнкерке немцы, и они рвутся с двух сторон по побережью. Пока заслоны еще сдерживают германские танки, но если те усилят напор?!

— Наденьте это, сэр! Мало ли что...

Немолодой моряк в черном кителе и в фуражке с кокардой дуврского яхт-клуба протянул генералу оранжевый спасательный жилет с толстыми, набитыми пробкой «карманами». Монтгомери не стал возражать — утонуть было еще более нелепо, чем погибнуть под бомбами.

Он тяжело вздохнул — море было усыпано обломками. Пикировщики и артиллерия безжалостно истребляли суденышки, достаточно было даже близкого разрыва, чтобы опрокинуть находящихся в них людей в воду. А жилет давал определенную надежду на спасение не только живым, но и раненым. Со спасением последних были проблемы — их нужно эвакуировать в первую очередь, но погрузка представляла большую сложность. Даже крепкие и сильные солдаты с трудом несли по воде носилки, часто падая. И беспомощных людей часто поднимали на борт мертвыми: или от потери крови умирали, или просто захлебывались водой.

Мотор яхты глухо зарычал и, выплевывая сгустки черного дыма, ровно зарокотал. Суденышко стало плавно набирать ход, качаясь на волнах. Теперь, если все пойдет должным

образом, через три часа они достигнут заветной цели, снова ощутив под ногами твердь родимой земли.

За спиной ухнули взрывы, генерал обернулся и окаменел. Все побережье вздыбилось высокими гейзерами разрывов. Гуннские варвары! Истреблять людей из пушек большого ума не надо. Видно, тевтонам снаряды подвезли, вот они и стараются наверстать упущенное за вчерашний день. Именно вчера на суда погрузилась большая часть его дивизии — нелетная погода помешала немецкой авиации бомбить, а их пушки молчали, лишь эпизодически, для вящего страха, выпуская пару снарядов.

Но сейчас обстрел был беспощадным — в воздух взлетали истерзанные тела и обломки автомобилей. Каждый снаряд, выпущенный из тяжелой гаубицы, убивал и калечил десятки людей, которым было просто негде укрыться от обстрела. Это уже не война, а бойня, настоящее варварство!

«Фельзеннест»

— В настоящий момент французы еще имеют до семидесяти дивизий, из них три-четыре танковых и моторизованных. Южнее Сены находятся и две английские дивизии, не попавшие в «котел» у Дюнкерка. Я считаю, что нужно провести перегруппировку войск, выведя из Фландрии наши подвижные корпуса, и нанести удар на широком фронте. Вот здесь и здесь...

Указка Манштейна ходила по карте, а Родионов кроличьим взглядом смотрел за нею, ощущая себя двоечником, которому учитель втолковывает решение задачи. И так оно и было — это по карте хорошо дивизии двигать, а попробуй это проделать в реальности?!

В пехотной дивизии 16 тысяч ртов — не менее двух килограммов пищи в день на каждого. И это капля — дивизии нужно горючее и боеприпасы, которые тратятся в невероятных количествах. А как обеспечить бесперебойное снабжение, если использование бельгийских и французских железных дорог затруднительно? Автотранспортом?

Это по фильмам немцы ездят на бронетранспортерах и автомобилях, а на самом деле в дивизии меньше тысячи машин, из них чуть ли не половина легковушек. И несколько тысяч конных повозок. Про бронетранспортеры можно и не заикаться — по несколько десятков штук и только в танковых дивизиях. Вот тебе и вермахт, оснащенный движущими средствами в две лошадиные силы, которым потребны тонны фуража. Вот тебе и доставка, когда половину груза на повозке нужно отводить на прокорм «двигателей».

«Это ж какие мозги надо иметь генералам, которых презрительно „сапогами“ величают, чтобы такие сложнейшие задачи решать?! Поневоле начинаешь уважение к немцам испытывать — извилинами могут хорошо шевелить. Вся карта значками покрыта, в этих иероглифах запросто мозги спалить можно, расшифровывая!»

Только сейчас до Андрея дошло, что глубина операции определяется техническими возможностями службы тыла и состоянием коммуникаций. То есть примерно в 300–400 километров, не больше.

Затем нужно время, чтобы привести в порядок войска, дать им отдохнуть, влить пополнения и технику, а заодно подтянуть тылы, привести в порядок автомобильные и железные дороги. Потому всяких тыловых и строительных частей на поверку вышло больше, чем численность всех дивизий, вместе взятых.

Он, конечно, знал, что такое армия, но судил по ней из танкового люка и не представлял, насколько чудовищно громоздок этот механизм с удивительной надежностью, каковой могут добиться только тевтоны, помешанные на дисциплине и порядке, что впитывались в них с

молоком матери.

«Представляю, какой сейчас бардак творится в Красной Армии! Развертываются десятки новых дивизий, а ведь на них нужно уйму всякой всячины. Да и служба тыла у нас всегда хреново работала, и автотранспорт такой, что повеситься можно. А если еще дороги наши в расчет взять, то число автомашин смело удваивать нужно — потери просто чудовищные, ни одних ремонтников не хватит. Тем более у нас об автосервисе еще долго не услышат! Да и там так делать будут, что иномарку купить проще. Батя свою „копейку“ больше чинит, чем на ней ездит. А она всяко лучше полуторки или „эмки“».

— Таким образом, начало выполнения «красного» плана возможно не раньше 5 июня. Я закончил, мой фюрер!

Манштейн отложил указку, отошел от карты и подобрался, как бы говоря: «Теперь за вами слово».

— Я так понимаю, что «чуда на Марне» не будет?

Андрей сдержал усмешку, вспомнив анекдот про Штирлица и его «чудо», которое опухло и болело. Еще бы — после разгрома лучших сил союзников во Фландрии германская армия будет иметь почти вдвое больше дивизий при подавляющем превосходстве в воздухе, а потому выполнение плана «Рот» вполне реально.

— Да, мой фюрер! Так...

Дверь в барак открылась, лицо вошедшего Шмундта сияло, хотя Андрей видел, что тот всячески пытается заглушить радостные эмоции.

— Король Бельгии приказал армии прекратить сопротивление и сложить оружие. Желает обговорить условия капитуляции!

— Хорошая новость, Шмундт. Немедленно радируйте фон Боку — сдача на почетных условиях. По завершении кампании на Западе из Бельгии будут выведены наши войска. Контрибуций и репараций налагать не будем — мы не желали войны с бельгийцами, но так получилось.

— Мой фюрер! Нужно немедленно приказать фон Боку перейти в энергичное наступление, пока британцы не перебросили на позиции бельгийцев свои дивизии. Тогда они могут удержаться у Ньюпорта, — голос Манштейна был сух, генерал будто не испытывал радости.

— Да-да. Немедленно составьте необходимые приказы. Нужно отсечь англичан от побережья, тогда и вывозить им будет нечего.

— В их руках еще Кале, мой фюрер.

— Они там высадят десант?! Это невозможно!

— Нет. Единственный их шанс — бросить французские дивизии генерала Бланшара на прорыв и отсечь Гудериана на побережье между Дюнкерком и Кале. Тогда они смогут вывезти свои войска, пусть и с большими потерями.

— А Дюнкерк?

— Там весь корпус Гудериана, опрокинуть его танки им не удалось, генерал Горт уже понял это. А путь к Кале преграждает лишь одна наша дивизия. Правда, на подходе еще две.

Андрей хотел возразить, основываясь на том, что в истории такого не было. И осекся — так ведь тогда Гитлер отдал «стоп-приказ», и англичане засели в Дюнкерке. А сейчас они вынуждены выбирать — или держать дюны, с которых эвакуация крайне затруднительна, ибо к берегу могут подойти только мелкосидящие суденышки, или попытаться прорваться к Кале, где хоть и плохенький, но порт, а любой военный транспорт или эсминец вывезет народу больше, чем сотня яхт.

— Ну что ж! Французы часто говорят — а-ля герр ком а-ля герр! На войне как на войне! Так мы и поступим. Составьте необходимые приказы, генерал!

Командир группы Ю-87 майор Оскар Динорт с улыбкой превосходства посмотрел на манящую цель — два эсминца британского флота рискнули ворваться в порт, чтобы вывезти из Кале своих соотечественников. Вместе с ними вошли и два маленьких транспорта и небольшой сторожевой корабль.

Вчера такую же попытку предпринял французский эсминец «Шакал», но был быстро превращен его пикировщиками в горящую грудю железа прямо у пирса. Теперь такой же урок предстоит получить и этим чопорным и высокомерным джентльменам.

Одно обстоятельство несколько смутило опытного летчика — английские корабли уже вышли в море и быстро набирали ход. Как атаковать такую подвижную цель? Пилоты, за исключением двух, не имели такого опыта. Ну что же, сейчас они его и получают!

— Атакуем! — майор прокричал по радиации приказ. — Эскадрильи сами выбирают цели!

Пилот усмехнулся, сбросил газ и стал терять высоту, выходя на удобную позицию. Не атаковать же такую небольшую цель с высоты четырех тысяч метров!

Вскоре он перевел самолет в пикирование — корабль стремительно приближался, узкий и изящный. Динорт пристально смотрел в прицел, как неожиданно эсминец вильнул в сторону и пропал из видимости.

Выводя самолет из пике, Оскар уже понимал, что совершил промах, но, может быть, его пилотам улыбнулась фортуна. Майор огляделся, пристально смотря вниз. На эсминцы пикировала очередная девятка «штук», а те стремительно увертывались от смертоносных бомб, что поднимали в море красивые, но бесполезные фонтаны взрывов.

А вот тихоходным транспортам не повезло — один горел, потеряв ход, а второй заметно кренился на борт. Неплохо, но по такой цели немцы и умели работать. С эсминцами же не получилось — маневренность спасла их от прямых попаданий.

Одна за другой эскадрильи выходили из атаки, пристраиваясь над водой за самолетом ведущего. В этот момент пикировщики были наиболее беззащитны — скорость минимальная, пилоты заняты сменой режимов работы винта и редуктора.

— Сзади нас английские истребители!

Не успел отзвучать крик кого-то из пилотов, как Динорт тут же накренил самолет, выводя его из-под атаки. Маневр был сходен с тем, что минуту назад проделал эсминец, только сейчас в его роли выступал Ю-87.

Узкая стремительная тень «Спитфайра» промелькнула рядом, бесцельно изрыгая из восьми пулеметов ливень смертоносного металла. Скорость у англичанина была вдвое больше, а потому ему требовалось время, чтобы занять позицию для новой атаки.

Динорт закрутил головой и тут же облегченно вздохнул. В небе вертелась карусель из десятка юрких самолетов. На этот раз прикрытие из «Мессершмиттов» прибыло вовремя, так что повторной атаки англичан можно было не опасаться.

Глава седьмая

«За двумя зайцами»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Еще весной я предлагал проводить одну наступательную операцию с решительными целями. Удар «серпом» через Арденны с выходом к Каналу. Затем пехота группы армий «Б» занимается уничтожением окруженных союзников во Фландрии, а группа армий «А» со всеми танковыми и моторизованными дивизиями переходит в наступление против главных сил французской армии, не давая им времени для создания позиций на Сомме. То есть, на мой взгляд, необходимо немедленное проведение плана «Рот», не дожидаясь окончания боев...

— Пойдите, Манштейн! Мне все ясно — ваше предложение вполне в духе Шлиффена, — Андрей перебил генерала, потому что не понимал еще, куда он клонит, и задал мучивший его вопрос: — Вы предлагаете перебросить все танковые дивизии на французов? Но кто ж тогда будет добивать англичан?

— Корпус Гудериана полностью увяз в боях, а это приведет к большим потерям в танках. Англичане надежно держат «горловину», прорвать которую мы пока не в силах. Нам следует отказаться от фронтальных атак и по мере подхода пехотных дивизий освободить танковые. Я считаю, что инфантерия при энергичной поддержке люфтваффе довершит уничтожение окруженного противника.

— Они не окружены, Манштейн! В руках генерала Горта полоса побережья в десять километров...

— Насквозь простреливаемая нашей артиллерией! Эвакуация практически сорвана, мой фюрер.

— Тем не менее британцы вывозят своих солдат на тысячах локанок, которые прямо снуют по проливу!

Андрей вскипел, как чайник. Чувство полного разочарования охватило его. Он стремился уничтожить английскую армию полностью — это стало его навязчивой идеей фикс. А тут самый «светлый оперативный ум вермахта» предлагает отпустить побежденных! Да это как у голодного пса попытаться вытащить вкусную мозговую кость из пасти!

— Мой фюрер! Сейчас большую роль играют даже лишние часы! Если мы дадим укрепиться французам, то потом прорыв потребует больших усилий и жертв.

— На войне без потерь не бывает!

— Но зачем напрасно лить кровь наших солдат послезавтра, если завтра можно будет обойтись намного меньшими усилиями? Простите, мой фюрер, но это я так фигурально выразился. Стратегия блицкрига основана на стремительных прорывах танковых войск, окружениях сил противника. Это дело танков, а ликвидацию «котлов» проводит пехота.

— Мы теряем время, Манштейн! — Андрей возопил во весь голос.

— Мы его уже выигрываем, мой фюрер! Раз англичане крепко держат горловину, то нам нужно развалить их «грушу» наискосок. Бельгийцы сдаются, а потому у фон Бока достаточно сил, чтоб взрезать фронт, пока британцы его не укрепили. Глубоких прорывов здесь не будет, слишком велика плотность сил противника. Танки свою роль во Фландрии уже отыграли, теперь дело нашей пехоты крепко сжать англичан в кольцо. А для поддержки хватит пары танковых батальонов.

Андрей открыл было рот, но тут же его и захлопнул. Задумался, нарезав пару оборотов вокруг стола. Резон в словах Манштейна присутствовал достаточно весомый. Если потерять на побережье танки, то возня с французами может продлиться дольше, чем было. Это, прямо скажем, не зер гут — ведь тогда сроки десантной операции на Туманный Альбион поневоле сдвинутся с августа на сентябрь, что абсолютно неприемлемо — англичане самый непримиримый противник, и давать им время на передышку крайне рискованно. За летние месяцы они смогут насытить армию оружием и техникой, возместив утраченное во Франции.

«Куда ни кинь, всюду клин. Нет, не так — за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь! На двух стульях одной... кхм... не усидишь, это точно! Но что выбрать — доводить до конца „Гельб“, а потом переходить на „Рот“ или совместить эти операции в одну? Так сказать, получить приятное с полезным. Что делать?»

Задав себе самому извечный русский вопрос, Андрей снова пробежался мимо стола. Так было думать намного легче, внутренняя сущность Гитлера прямо требовала этого. То ли дело товарищ Сталин — молча и неспешно набиваешь трубочку и думаешь. Потом медленно куришь и снова думаешь. Лепота. Мысль о табаке была приятной, вот только у тела оказалось на этот счет совсем иное мнение — к горлу моментально подкатила тошнота, а перед глазами поплыли стены.

— Что с вами, мой фюрер? Вам стало плохо? — Манштейн обеспокоенно сделал шаг к нему, внимательно и цепко глядя в лицо.

— Нет, что вы! — отмахнулся Андрей и решил: «Курить — здоровью вредить, надо завязывать даже думать о перекурах».

А сам продолжил напряженно думать над предложением Манштейна — выбор был тягостным делом, вот она, ноша главнокомандующего, и попробуй откажись, враз ему тогда полное обрезание сделают, будет, как попка, только чужие решения озвучивать да бумаги подмахивать.

Дюнкерк

Хайнц Гудериан пребывал в скверном расположении духа. Еще бы — за последние три дня количество боеспособных танков в корпусе значительно уменьшилось и едва составляло половину от штата. Дивизии таяли прямо на глазах, а боям не было видно конца.

Англичане ожесточенно оборонялись, и продвинуться на запад от города его дивизии не могли. Наступательный порыв выдохся, войска нуждались в немедленном отдыхе и подкреплениях, ведь больше двух недель они безостановочно наступали. Нет, боевой дух был высок как никогда, но силы человеческие не беспредельны, людям свойственна усталость.

И тем более необходима срочная передышка для техники, хотя бы на два-три дня. Тогда можно будет отремонтировать свыше сотни танков и снова ввести их в строй. Это резко усилит корпус, ибо безвозвратные потери были относительно невелики.

Нужно готовиться к боям на Сомме, вряд ли французы сейчас прибегнут к капитуляции, как бельгийцы и голландцы. Нет, несмотря на хаос и нежелание части солдат воевать, «паулю» будут еще ожесточенно сражаться, их греют воспоминания о «чуде на Марне».

Потому нужно сберечь танки — еще утром он приказал остановить бесплодные атаки. Британцы прилично окопались, понаставили противотанковых пушек, дрались за каждый метр земли. Он их хорошо понимал — прорыв по побережью окончательно погубит десять английских дивизий, что спешно пытались уйти из образовавшегося «котла».

И еще одно обстоятельство сильно беспокоило генерала — Кале британцы обороняли

отчаянно, не производя оттуда эвакуацию. Это говорило о том, что на порт они имели определенные надежды. Может, генерал Горт решится на прорыв?

Весьма перспективный замысел, если его удастся воплотить в жизнь — полностью отсечь его корпус на побережье! Вот только разведка сообщала, что фронт пока держат французы, английских дивизий южнее дюнкеркского выступа не замечено.

Впрочем, даже собери там британцы ударный кулак, в успехе контрнаступления «Шнелле-Хайнц» сильно сомневался. Его дивизии отразили бы атаку, тем более люфтваффе полностью держали за собой небо: то же Кале постоянно подвергалось массированным бомбежкам — десятки пикировщиков в сопровождении истребителей старательно выбивали из джентльменов их традиционное упрямство.

— Мой генерал!

Ликующий голос полковника Неринга вытряхнул Гудериана из размышлений. Но он не обиделся — на хорошие новости так не реагируют.

— Бригадир Николсон объявил о сдаче города. Лейб-штандарт уже вошел в Кале. Гарнизон сложил оружие. Взято до двадцати тысяч пленных, из них четыре тысячи англичан.

— Этого следовало ожидать, — Гудериан тряхнул головой, губы выдавили скупую улыбку. — Против аргументов люфтваффе очень трудно что-либо возражать!

«Фельзеннест»

— Сколько времени потребуется армиям Бока, чтобы взрезать «котел»?

Вопрос Андрея последовал после долгого раздумья. Все это время Манштейн тоже молчал, продолжая пристально смотреть на него. Какие мысли ходили в голове генерала, осталось загадкой — лицо было непроницаемым, без капли эмоций или волнения.

— Не больше двух суток, — генерал ответил сразу же. — Я говорил с ним по телефону, и фон Бок уверил меня, что 48 часов — крайний срок, и он постарается управиться за одни сутки.

— Сутки? Ну что ж, это приемлемо. За сутки они много не вывезут. Или смогут?

— Нет, мой фюрер! Артиллерии дано указание не жалеть снарядов. Плацдарм на побережье обстреливается непрерывно. Наша авиация продолжает интенсивные бомбежки. Вчера утром были потоплены два транспорта, что принимали солдат с лодок — уже больше суток англичане не задействуют в эвакуации мало-мальски крупные суда.

— Мне докладывал об этом Геринг. Но погода сами видите какая. Ненастье уже сегодня мешает нашим самолетам подняться в воздух. Боку придется атаковать без поддержки люфтваффе.

— Командующий надеется на успех!

— Ну что ж...

Андрей прошелся по комнате, скосил глаза на карту — обстановка радовала обилием стрелок и кружков, он даже ощутил ликование в душе. Ничего не поделаешь, эмоциями владел бывший хозяин тела, оставив ему только разум. Но и этого было достаточно.

— Вы предложили этот план, мой дорогой Эрих, — Андрей сознательно допустил отцовского тона, хотя генерал был ровесником фюреру, а ему самому годился в отцы.

Но так было нужно — пусть помнит, с чьих рук кормится и кто его к славе двигает. Мужик с норовом, а иначе он просто не был бы тем Манштейном, что в его времени вошел в историю да книжонку еще написал про утраченные победы. Так пусть сам их и добывается, а не злословит — задним умом мы все крепки!

— Вам его и выполнять! И спрос с вас будет! Составьте все необходимые приказы, а я их

немедленно подпишу!

«Вот так-то! А морда-то чуть-чуть, почти незаметно, а скривилась, когда я показал, кто в доме хозяин. А вы, батенька, завистливы и ревнивы к славе. И забываете, что фортуна бывает капризна и ветрена, а оттого и переменчива. Ты у меня „пряников“ налопаешься, но и от кнута не отвертишься, чтобы все время в тонусе быть!»

— Они готовы, мой фюрер! — Манштейн открыл папку, внутри лежали листы машинописи. Пододвинул ближе письменный набор и снова застыл.

«Предусмотрителен, собака!» — с невольным уважением подумал Андрей, усаживаясь на стул и взяв в руки ручку. И, раз уже все решил, быстро подписал бумагу.

Медленно встал, вышел из-за стола, освобождая место Манштейну. Тот мигом уселся и тщательно поставил свою подпись. Обстоятельно, не какой-нибудь спешный росчерк.

«Триумфом наслаждается. Я же Кейтеля с проверкой услад, так теперь за него он в первый раз подписался. Еще бы — первая директива за его подписью, пусть даже он следом за мной. Еще бы не гордиться, ведь почти достиг того, о чем мечтал! А теперь дело только за выполнением — зайцы либо убегут, и мы останемся с носом, либо этот ушлый генерал поймает их за уши и принесет трофей мне. Себе он никак не оставит, кус слишком велик, подавится ненароком!»

Лондон

Черчилль несколько раз пыхнул сигарой, но краем глаза продолжал смотреть на командира первой эвакуированной из Франции дивизии. Генерала прямо из Дувра доставили для доклада, и его мундир, несмотря на то, что над ним хорошо поработали щеткой, отчетливо нес на себе следы недавних боев. И запах пороха, такой ощутимый, что даже табачный дым не мог его заглушить.

В молодости Черчиллю довелось повоевать в Южной Африке против буров, и он навсегда запомнил этот кисловатый, раздражающий ноздри запах сгоревших пороховых зернышек. Именно зернышек — злаки дают людям жизнь, а эти отбирают.

— Переправа прошла с большими трудностями?

— Я бы так не сказал, сэр! — генерал усмехнулся краешками губ. — Она была дьявольски трудной! В боях во Фландрии моя дивизия потеряла почти полторы тысячи солдат убитыми и ранеными. Более двух тысяч погибло на берегу, при погрузке на это дерь... На яхты и лодки, я хотел сказать, под непрерывными обстрелами и бомбежками.

Черчилль мысленно улыбнулся — привычная невозмутимость джентльмена дала трещину, лицо Монтгомери порозовело, горячка последних дней наложила свой отпечаток.

— Почти две тысячи офицеров и солдат погибли или утонули при переходе через Канал! «Мессершмитты» носились прямо над нашими головами, обстреливая каждую лодку!

— Но остальные-то доплыли, генерал?!

— Дивизия потеряла до половины личного состава, у нас одна винтовка на троих, несколько десятков пулеметов. И это все наше оружие, сэр! Технику и орудия мы оставили на том берегу. Вывезти было невозможно!

— Я знаю, — Черчилль снова пыхнул сигарой, полностью сохраняя хладнокровие. Он сам мог порассказать генералу такое, от чего у того встали бы волосы дыбом. Он, счастливчик, вытащил билет на жизнь и не понимает своей удачи. Другим придется испить страшную чашу полностью. Адмирал Рамсей сегодня доложил свои соображения — будет неслыханным достижением, если его «флот» вывезет хотя бы тридцать тысяч человек. Каждого восьмого, а

остальные семеро будут обречены на смерть или плен.

Но кого винить? Сами виноваты, что оставили Дюнкерк без защиты. Наличие порта, в который могли бы заходить транспорты, позволило бы вывезти экспедиционные силы в обратной пропорции, прихватив и часть тяжелого вооружения. Но что попусту махать кулаками, когда три недели назад ни один генерал даже в кошмарном сне не мог представить, что столь легко немецкие танки вскроют себе путь к проливу, и лучшие силы союзников попадутся в капкан. Никто не предполагал такого хода событий, да и он сам тоже. Но говорить это Черчилль не стал, а спросил о другом, что его сейчас больше всего заботило:

— Как воюют наши французские друзья?

— Наши «друзья», сэр, зачастую бросают сражаться или бегут, или сдаются в плен. Многие не хотят воевать, заявляют, что война — безумие. Я не понимаю, куда девались герои Марны и Вердена?!

Черчилль моментально уловил едкую иронию в интонации Монтгомери и снова пыхнул сигарой, скрывая удовлетворение. Теперь он знал, что ему следует обещать французам, чтобы те сопротивлялись как можно дольше. Ибо выигрыш даже одного лишнего дня шел на спасение империи, привыкшей воевать до последнего союзного солдата.

«Фельзеннест»

От сводок и всяких документов уже рябило в глазах. За эти три часа Андрей раз сто выплеснул в адрес Гитлера различные нехорошие слова, но мысленно. Это же каторга на галерах — держать в мозгах такой чудовищный объем информации.

Удручало то, что в ряде случаев он совершенно не понимал, о чем идет речь. Вроде каждое слово понятно по отдельности, но суть предложений совершенно не ясна. Настоящий фюрер был в курсе всех этих дел, но вся штука в том, что он-то самый что ни на есть самозванец. А в этой писанине не то что ноги, голову сломать запросто можно!

Андрей никогда не задумывался раньше о ноше любого лидера государства. Так, маячат по телевизору, по всему миру шастают, везде с ним с почетом и уважением — интервью, почетные караулы, праздничные обеды с банкетам, толпы прислуги.

«Ага, щас! В этом бункере спартанская обстановка, бабы и выпивка не полагаются, пусть я даже рейхсканцлер. Зато работой нагружают за семерых, свихнуться запросто можно. С утра до вечера, и еще ночью. А ведь настоящий Гитлер своим стенографисткам еще речи в рейхсканцелярии произносил, как глухарь на току!»

От такой мысли Андрей сразу скривился, будто хватанул уксуса. Ему совсем не улыбалось ехать в Берлин — встреча с Евой Браун, что знала его досконально в физиологическом плане, откровенно пугала. А он еще не знал, как от нее избавиться, не автомобильную же катастрофу у «папашки» Мюллера заказывать прикажете?!

Однако в глубине мозга теплилась надежда, что удастся и там проскочить без мыла — фюрер он или нет. Адольф же бесноватый, семь пятниц на неделе. Потому резким сменам поведения и настроения вряд ли кто удивляется. Может кривая и вывезти.

И еще одно его сильно удручало — пища. К такой кормежке он не привык. Спору нет, еда качественная и разнообразная, но совершенно без мяса. В голове постоянно сновало извечное русское высказывание — «не все коту масленица, настанет и Великий пост». И вот он на своей шкуре узнал, что значит оказаться вегетарианцем. Оттого и проблемы с пищеварением, и хворость живота с его постоянным бурчанием и газообразованием.

Лекари между слов иногда как бы пеняли — завязывали бы вы, фюрер, с этим делом.

Раньше мяско трескали и ничего, по больницам не бегали. Животная пища богата многим, что ни в одном силосе не найдешь. Да и рюмашка ликера или коньяка, а лучше стаканчик красного вина, не во вред здоровья пойдет, а токмо пользу великую принесет сердечно-сосудистой системе. Все это понятно, он сам такой подход приветствовал, но был необходим повод, а иначе нельзя — перемена во вкусах вызовет подозрение.

Разговор со Шпеером оказался очень познавательным. Архитектор имел недюжинный ум, это Андрей понял сразу. Должность зама Тодта, уполномоченного за принятие и выпуск новых вооружений, его не прельщала категорически, потому пришлось долго уговаривать, рассыпать бисер. И уломал-таки, хотя язык намозолил.

За чашкой кофе, настоящего, а не растворимого или суррогата — в глазах камердинера промелькнуло удивление, когда Андрей затребовал кофейник, и понимание, что в дополнение попросили принести по рюмочке ликера.

Что это был за напиток, Андрей не знал, но вкус имел бесподобный, намного лучше, чем знакомый Родионову по советским временам приличный «Рижский бальзам» или хороший эстонский «Ванна Таллин». А в сочетании с кофе получилось весьма... Да, весьма...

Разговор со Шпеером оказался занимательным — Андрей вываливал из памяти все, что знал с будущих времен, архитектор же не выпучивал на него глаза от удивления, а, прикрыв их веками, что-то рассчитывал в мозгу, задавая иной раз уточняющие вопросы по существу.

Потолковав некоторое время о разворачивании военного производства, два дилетанта пришли к единодушному мнению, кто третий лишний в этом деле. Выбор пал на Геринга, и Андрей уже прикинул несколько вариантов, чтобы осторожно вывести толстяка из игры, оставив под его управлением только люфтваффе. Все равно этот боров в экономике разбирался как свинья в апельсинах — у той, по крайней мере, вкус есть и павлином не наряжается.

Дальше пошло интереснее — для снижения издержек Шпеер предложил проводить модификацию имеющихся образцов с целью улучшения их характеристик и одновременно снять с производства разнотипную технику, имеющую сходные с лучшими и уже освоенными образцами ТТХ.

Причем оба имели весьма смутное впечатление, какие же есть типы такого вооружения, а потому Андрей с удовольствием перекинул это дело на собеседника, что того явно не обрадовало, но, как говорится, попала собака в колесо — пищи да беги...

О перспективных направлениях болтал только Андрей, а Шпеер слушал за двоих, опять же без удивления. Сошлись на реактивных истребителях, тяжелых танках с наклонной противоснарядной броней, ракетах, управляемых по радио бомбах, «панцерфаустах» и о многом другом, причем Родионов нагло заявил, что подобные работы ведутся у супостатов, о чем есть сведения разведки. И не мудрствуя лукаво вывалил все, что знал о «Манхэттенском проекте», о чудовищной мощи ядерного оружия.

Шпеера проняло — молодой архитектор даже позеленел, то ли от страха, то ли от удивления, и тут же откланялся, попросив две недели срока на вхождение в курс дел.

— А ведь загорелся, стервец, этим делом, подзапал. Теперь процесс пойдет, — тихо прошептал Андрей и удовлетворенно улыбнулся. — Сталину эти германские НИОКР достанутся задарма, вместе с технологиями. Сам передам, пусть в России их на винтики разбирают да такие же делают. Для страны это будет великое благо...

Лилль

Гауптман Люк сглотнул комок в горле — командир разведывательного батальона майор

Эрдманн, знающий и опытный офицер, всегда доброжелательный, сейчас лежал мертвым у его ног, безвольно раскинув руки в стороны. Рядом с телом стоял генерал Роммель, отряхивающий от пыли сильными хлопками ладоней свой мундир.

Командир дивизии был явно расстроен гибелью офицера, ведь от четкой работы разведки зависит продвижение дивизии вперед, тем более сейчас, когда они сильно продвинулись, обогнав свою пехоту.

Такое продвижение всегда несет угрозу потерять связь с «соседями», а это уже дважды приводило к печальным инцидентам: попасть под обстрел собственной артиллерии — малоприятно.

«Не вмешался ли тут мой ангел-хранитель, заставив меня немного замешкаться?!» — подумал Люк, искоса бросая взгляд на тело своего командира.

— Фон Люк, — генерал Роммель посмотрел прямо в глаза молодого офицера, — немедленно принимайте под командование 37-й моторизованный разведывательный батальон. Сейчас же получите новые приказы.

Люк опешил — это была не шутка, голос звучал серьезно. Да и упоминание номера и полное название говорили о том же. При назначении так и делается, согласно уставу, хотя и так все ясно.

Однако в батальоне сам Люк являлся самым молодым, только один из офицеров был моложе годами, а это противоречило всем традициям назначений. И Люк решился указать на то генералу, хотя обрадовался от столь серьезного рывка в своей карьере, что серьезно льстило его самолюбию.

— Господин генерал, у нас есть эскадронные командиры, которые старше меня. Вы принимаете решение, невзирая на данный факт?

— Вы комбат — и точка! Если командиры эскадронов проявят неподчинение, то я их сниму!

Голос Эрвина Роммеля звучал резко и властно, так что Люк сразу поверил в реальность происходящего. Вообще-то в дивизии все давно поняли, что для генерала при назначении офицера важнейшее значение имеют способности, а не звание или старшинство.

В этом-то и проявлялась его экстраординарность, столь отличающая Роммеля от других германских генералов. Впрочем, в танковых войсках такой подход приветствовался и еще ранее прививался «Шнелле-Хайнцом».

— Мы глубоко вклинились в «котел», и сейчас есть хорошая возможность его взрезать на всю глубину. А потому ставлю вашему батальону следующие задачи...

Люк внимательно слушал генерала, тщательно фиксируя каждое слово. Но в то же время частица мозга пребывала в радости — карьерный рост обеспечен. Получить батальон в германской армии было трудно, тем более в столь молодых годах. Радость не померкла даже тогда, когда Люк посмотрел на убитого майора — это война, она не только несет смерть, но и позволяет сделать карьеру. Хотя майора было действительно жалко.

«Фельзеннест»

— Мой милый Герман! — Андрей еле сдержал смех — никогда не думал, что вот так запросто будет обращаться к этому борову. — Люфтваффе себя прекрасно зарекомендовали в Польше и Франции. Но меня тревожит Англия. Вы видели, как она сражается под Дюнкерком?!

— У них умелые пилоты, мой фюрер! К тому же они родственный нам народ — как же им сражаться!

Андрея чуть не скривило — и этот туда же, расовые бредни небось тоже с таким апломбом изрыгает. Но вида не подал, ибо решил, что малая толика лести и мягкости не помешает. Надо не просто заболтать толстяка, но и сделать так, чтобы тот сам за дело рьяно взялся.

— Они еще и опытные промышленники, Герман! Производство истребителей стремительно наращивается и будет к августу увеличено!

— Мы все равно имеем в этом преимущество, мой фюрер! — толстяк презрительно скривил губы.

— Нет и нет, Геринг, — Андрей еле сдержал подступившее к горлу бешенство — самонадеянность борова его взбесила моментально. — Они не просто увеличивают производство, они его удваивают. За два месяца они задействуют мощности, достаточные для производства четырехсот истребителей! Это наиточнейшие сведения!

— Не может быть?! — Геринга проняло, лицо вытянулось. — Вас не обманывают, мой фюрер?

— Нет! Информация проверена! И, если мне не изменяет память, у нас делают чуть больше двухсот «Мессершмиттов». Ведь так?

— Да, мой фюрер! Ваша память изумительна...

— Оставьте славословия. У меня к вам есть еще вопрос — что за странные мачты англичане установили вдоль всего южного побережья острова? Вы выяснили их предназначение?

— Это, по всей видимости, радарные станции. По крайней мере, так сказали мои специалисты.

— У вас ленивые и безответственные сотрудники, Геринг. Они зря едят хлеб! — Андрея заколбасило, и он понял, что настоящий фюрер рвется наружу со своей знаменитой истерикой. Ну что ж, для дела это полезно, и Андрей отпустил «поводок». — Это не просто радарные станции, Геринг!!! Это централизованная система наведения истребителей! Любой наш самолет, взлетающий здесь, прекрасно виден на той стороне! Сотня километров для радара не слишком большое расстояние. Вы понимаете, какое преимущество они имеют?! Почему вы не разобрались с этим раньше?! Почему я вынужден узнавать об этом не от командующего люфтваффе, а по другим источникам?! Которые, смею вас заверить, работают весьма тщательно и дают надежные сведения! Почему так происходит? Вы ответите мне, Геринг?!

— Мой фюрер! Я немедленно разберусь и накажу виновных, — лицо фельдмаршала расцвело багровыми пятнами. Весь его вид говорил о том, что он не прочь улизнуть из кабинета.

«А вот и хренушки! Ты от меня так легко не отделаешься. Напугать я тебя напугал изрядно, но теперь надо дело решать. А потому нужно успокоиться, чего-то фюрер разбушевался. Пора и норму знать!»

— Что толку наказывать виновных?! Нужно искать меры противодействия! Что вы можете сейчас предложить, Геринг?!

Фельдмаршал опешил от такого наскока и на секунду задумался. Лоб собрался складками, толстые губы сложились сердечком, таким умильным, что Андрея передернуло от отвращения.

— Мы разбомбим эти антенны! — наконец уверенно выдал командующий люфтваффе, горделиво вскинув подбородок.

— Разбомбим?! — ехидно переспросил Андрей и злобно выпалил в ответ, добавив в голос металла: — Через несколько часов их персонал, используя заготовленные фермы, восстановит мачты радаров. Операционные пункты будут целы — они находятся под землей в бункерах, как и главный центр наведения. Зато при бомбежке люфтваффе понесут чудовищные потери — англичане бросят туда свои лучшие эскадрильи. А мы напрасно потеряем летчиков, ведь даже если они выпрыгнут с парашютами, то попадут в плен. Вы, Геринг, хотите специально обескровить нашу авиацию?

Тот опешил от «наезда», взгрустнул прямо на глазах, с потерянным видом затоптался на месте — «Перебирает копытцами, как боров в стойле, и сопит еще, выразительно похрюкивая».

— Мы попотчuem, Геринг, их же собственным ядом. Посмотрите!

Андрей засунул руку в ящик стола и вытянул узкую и длинную полоску алюминиевой фольги. Потряс серебристой змейкой в воздухе — Геринг посмотрел на нее как кролик, уставившийся в пасть удава.

— Если высыпать многие тысячи таких полосок, особенно ночью и в разных местах, то их радары просто свихнутся от обилия целей. Нашему агенту не удалось стащить ее и даже точно снять размеры, но он их видел. Это английская задумка, которую приготовили против нас. Теперь понимаете, в чем штука?! Понимаете?!

— Да, мой фюрер...

— Отдайте своим бездельникам в институте люфтваффе — пусть установят оптимальные разделы этих отражателей радиолокационных волн!

Говорить о том, что вчера эту полоску просто купили в обычном магазине по приказу Шмундта, он не стал. К чему? И так Геринг нехило загрузился и сейчас начнет шевелить свое сало и заплывшие жиром извилины.

Ипр

Генерал Горт с тоскою посмотрел на небо — там ровными девятками, словно на параде, надрывно гудя моторами под серой пеленой туч, шли немецкие бомбардировщики, раскинув крылья с черными крестами.

— Воздух!!!

Куда подевалась знаменитая и всеми хваленая английская выдержка?! Солдаты разбегались в стороны, прыгая в ямы и воронки. Вот уже несколько дней люфтваффе наводило на них ужас, терроризируя непрерывными атаками. Дороги превратились в сплошные ямы, грунтовки тоже не остались без внимания пикировщиков, о чем молчаливо свидетельствовали закопченные и покореженные остовы многочисленных грузовиков.

В и без того трудное отступление к заветному побережью внесли сумятицу беженцы — множество повозок, машин, колясок создавали пробки, которые приходилось постоянно растаскивать. И все это под бомбами!

Генерал запрыгнул в кювет, нисколько не жалея, что на голове фуражка, а не каска. Он не боялся погибнуть, ведь тогда премьер не навесит на него всехдохлых кошек. Павших солдат даже циничные политики не пинают, хотя норовят списать на них все свои грехи и просчеты.

Земля содрогнулась от чудовищных взрывов — генерал оглох, глотая пыль и вонь от сгоревшего тротила. По спине больно хлестали комья земли. Да, права солдатская мудрость, что самая страшная бомбежка та, которая не окончилась...

— Составьте радиogramму премьер-министру, — голос Горта был ровен, хотя немного дрожал от сдерживаемой боли. Осколок все же полоснул его по бедру, и врач сейчас умело накладывал повязку. Генерал поморщился, но не от раны, а от тех стонов и криков сотен людей, что пострадали от бомбежки. — Положение критическое... — Горт остановился и задумался, не глядя на адъютанта, что торопливо записывал слова, черкая ручкой в блокноте.

Писать Черчиллю бессмысленно — он и так все хорошо знает. Бельгийцы капитулировали, фронт по Изеру рухнул. Две спешно переброшенные дивизии не смогли закрыть брешь и отступают под натиском врага. «Горловина» превратилась в узкий и длинный проход, провести через который войска невозможно. Это настоящая «дорога смерти» — германская артиллерия

стреляет беспрерывно, даже ночью.

Потери растут, они чудовищны. Удалось эвакуировать только одну дивизию, и все на этом закончилось. До заветных суденышек добирается только один солдат из десяти — остальные остаются лежать в «коридоре» — убитыми, израненными, контуженными.

Протолкнуть в «горловину» отходящие от Лилля части невозможно, они обречены. Боеприпасы на исходе, люди падают от усталости. Только две дивизии, что стоят заслонами у Дюнкерка и Ньюпорта, еще могут спастись, хотя потери в них чудовищные. Но главные силы из семи дивизий обречены, они не вырвутся из окружения.

— Это конец... — прошептал генерал потрескавшимися губами.

— Вы что-то сказали, сэр? — адъютант наклонился на ним.

— Записывайте дальше, Джон. Армия выполнит свой долг. Это все, отправляйте немедленно!

— Мой фюрер! К вам прибыл протектор Моравии и Богемии фон Нейрат! — как всегда, неторопливый ход мыслей прервал Шмундт, стоявший возле двери в кабинет. — Вы отдали приказание о немедленном докладе!

— Да, да, конечно. Раз прибыл, то примем.

Андрей отложил в сторону бумаги и несколько раз глубоко вздохнул. Интриги множились, и, главное, их надо было держать под контролем и ни в коем случае не упустить. Вызванный глава оккупационной администрации бывшей Чехии ранее был министром иностранных дел, по отзывам многих — старый волк, съевший зубы на дипломатических ристалищах. Еще та школа, кайзеровская, исходящая от знаменитого «железного канцлера», чьим именем назван новейший линкор.

Нынешний глава МИД Риббентроп среди коллег по ведомству не пользовался уважением — упертый нацист, выдвигенец Гитлера, подписавший пакт с Молотовым. А потому и за рубежом к нему относились с прохладцей, если не сказать хуже. Он и «коротышка» Геббельс — два брехуна на пару, вызывающие тошноту.

Однако Андрей не мог вот так запросто снять одного и назначить другого министра. Мало ли что — в закулисных политических течениях он пока худо разбирался, но одно уяснил уже точно. Генералитет относился к Риббентропу более чем прохладно, но в то же время отзывался о Нейрате с уважением, а этим обстоятельством было не грех и ему самому воспользоваться, начиная «чистку» — «старая, добрая Германия» всяко лучше осатаневшего от крови нацистского рейха.

— Очень рад вас видеть, протектор! Надеюсь, вы пребываете в добром здравии!

Андрей сочился показным радушием, даже выслушав ответное холодное приветствие старика в форменном мундирчике. Хотя возраст понятие относительное — это для Родионова он показался пожилым человеком, но вряд ли для настоящего фюрера. Вот на этом и стоило сыграть — он заметил в глазах фон Нейрата полыхнувшие огнем искорки несказанного удивления, но тут же глаза дипломата приняли привычное холодное выражение, да и лицо стало непроницаемым.

— Какова ситуация в протекторате? — интерес в голосе Андрея был неподдельным, наигранность он старался не показывать, ведь даже малейшая фальшивость пойдет во вред его замыслам...

Он слушал фон Нейрата внимательно, стараясь уловить все оттенки его речи. Нет, ситуация в Чехии его интересовала, но и этому он уделял большое внимание, время от времени задавая провокационные вопросы и раз за разом ловя на себе удивленные взгляды протектора.

Странная была оккупация, очень странная. Чехам настрого запретили держать армию, изъяв все вооружение в пользу вермахта, но офицеров наделили пенсией, и более того — тех из них, кто имел немецкое происхождение, брали на службу рейху.

На крупную промышленность наложил свою лапу Геринг, более-менее значимые заводы достались немецким концернам, но и самим чехам оставили немало. Да и немецкая администрация не вмешивалась открыто и властно — считалось, что чехи, долгое время находившиеся под властью империи Габсбургов, уже порядком онемечены.

Границы чехословацкие порядком обкорнали, и за дело, кстати. В тех же Судетах на три миллиона немцев едва приходилось полмиллиона чехов. В Тешинском княжестве две трети населения составляли поляки. А ведь было еще Закарпатье с русинами и украинцами и Рутения с венграми, причем там так называемые «национальные меньшинства» составляли большинство населения. Типичный примерчик «уродливого дитя» Версальского мира, когда в угоду «своим» безжалостно обрезали землю у других, руководствуясь чисто политическими моментами.

И за вторым примером далеко не надо ходить, он рядышком находится, чуть севернее карпатских отрогов. Польша, что бредила Речью Посполитой «от можа до можа» — от Балтики до Черного. Логика панов была убойной — вернуть границы двухвековой давности. Антанта им порадела, а ведь как не помочь союзнику. От немцев оттяпали Померанию, у литовцев и белорусов силой отобрали Вильнюс — Вильно, Вольнь и Галичину откровенно завоевали, хохлам устроили пацификацию. А про Черную Русь и большую часть Белоруссии говорить не приходится: до Двинска и Полоцка протянулось «исконное польское наследство». И еще Киев желали! Прав Молотов, когда говорил об «уродливом порождении Версаля».

Желание панов понятное, но ведь тогда и США должны перестать существовать — ибо они в XVIII веке были английским владением! А чехи своего королевства еще хрен знает с каких времен лишились! Но государство им в 1918 году скоренько отвели, прочертив по карте линии, и такое?! Там на одного чеха приходилось по два иноплеменника — словака, русина, венгра, немца и прочих. И вот теперь нужно хоть как-то разрешить этот вопрос, пока взаимная ненависть не устоялась.

— Господин фон Нейрат, я вами доволен, — подытожил доклад Андрей и на секунду задумался, прикидывая, как бы половчее изложить свои замыслы, но не ошибиться.

«Намеками? Нет, тут нужно дубиной хорошо шандарахнуть по темечку. Пусть охренеет, что фюрер кардинально изменил свою точку зрения на европейскую политику. И покрепче влупить, тогда я пройму этого лощеного дипломата и фона!»

— Я думаю, что мы все совершили очень тяжкую ошибку, установив над Чехией наш протекторат! В первую очередь это было мое недальновидное решение как рейхсканцлера.

Глаза фон Нейрата на секунду вывалились из орбит, но он тут же подавил изумление. И не воскликнул — сдержался. Андрей злорадно усмехнулся, но мысленно, внешне оставаясь спокойным.

«А ведь тебя проняло, дорогой мой. Шибко проняло. В докладе ты ухитрился ни разу не назвать Чехию, все время говоря о Богемии и Моравии. А тут такая оплеуха! Погоди — то ли еще будет!»

Дюнкерк

Пикировщики устроили «адскую карусель», безжалостно и настойчиво штурмуя английские позиции. Там, в затянутое черным дымом небо, вздымались огромные султаны взрывов, во все стороны летели обломки техники. На земле лязгали гусеницами танки, уходившие вдаль, прогрызая огнем уцелевшие очаги обороны.

— Это все, Неринг! — Гудериан с нескрываемым удовлетворением отнял окуляры бинокля от глаз. — Мы наконец прорвали их позиции и полностью отсекали британцев от Канала. Полностью!

«Шнелле-Хайнц» усмехнулся — все эти долгие ночные и утренние часы ему приходилось прятать нарастающее с каждой минутой волнение. Он решился на отчаянный шаг — бросить в бой относительно свежую вторую танковую дивизию и скинуть англичан в море. Решился

потому, что вчера вечером уловил, как слабеет ответный огонь противника, и понял, что у тех просто кончаются боеприпасы.

Риск был чудовищный, ведь отрази британцы атаку, то его корпусу потребуется много времени для восполнения потерь. А если говорить правду, то танковые дивизии вообще станут неспособными к наступательным операциям. Но жребий того стоил — любая затяжка боев во Фландрии давала французам желанную передышку, которую они не могли не использовать для укрепления своих позиций.

— Мой генерал! Радиограмма из ставки, от фюрера!

Адъютант генерала майор Венк протянул сложенный вдвое листок бумаги. Гудериан развернул его, быстро пробежался глазами по машинописным строчкам. Усмехнулся и протянул бумагу начальнику штаба. Тот буквально впился в текст.

— Что скажете, мой дорогой Неринг?

— Готовится наступление против французов, а потому нам приказывают беречь танки, мой генерал.

— Поздно приказывают! Наши танкеры уже в бою. Ну что ж...

Гудериан задумался на минуту, потом усмехнулся и тряхнул головой. Снова прижал бинокль к глазам — танки уходили вперед, сопротивление англичан, судя по всему, было сломлено. Морская гладь была усыпана сотнями мелких суденышек, но шли они уже не к берегу, а в сторону острова.

— А ведь мы сорвали эвакуацию, Неринг! Посмотрите! — он протянул бинокль полковнику. Тот взял его и добрую минуту всматривался в даль.

— Вы правы, мой генерал! Они уходят! Ваше решение ввести в прорыв вторую танковую дивизию оказалось правильным.

— Наше решение, Неринг, — Гудериан поправил своего начальника штаба. — Мы рискнули, вложив все силы в последний и решительный удар, — и выиграли. Эвакуация сорвана полностью! Теперь осталось только добить окруженные дивизии.

— Это так, мой генерал!

— Немедленно отправьте радиограмму в ставку фюрера!

«Шнелле-Хайнц» улыбнулся — это была его победа, его корпуса. К вечеру его потрепанные дивизии сменит инфантерия, и он употребит все дни положенного отдыха для приведения их в порядок. И тут же со злорадством подумал, почесывая пальцем переносицу:

«Французы вряд ли смогут воспользоваться этой оперативной паузой. Ведь у нас Манштейн сейчас планирует действия. Его подпись под приказом говорит о многом. И это хорошо — фюрер внял голосу разума и поставил на этот пост того, кто лучше всех способен его занимать. А потому передышка нас ждет короткая, поворот на юг не займет много времени!»

«Фельзеннест»

— Нам необходима Чехия как лояльный и полноправный союзник рейха. Тем самым мы вышибем основу у англо-американской пропаганды в том, что мы являемся оккупантами. И расширяем границы рейха там, где кончается этническая граница немецкого народа. Потому я прошу вас, господин фон Нейрат, заняться решением этой проблемы.

— В чем вы видите мое участие, господин рейхсканцлер? — после долгой паузы осторожно спросил протектор, тщательно подбирая слова. И снова Андрей усмехнулся в душе — старик протщупывал его и даже фюрером не назвал, а рейхсканцлером. Хороший симптом.

— Вы должны взять на себя всю работу по возвращению Чехии независимости.

Выработайте механизм, по которому эта страна станет нашим союзником на вечные времена. Конечно, промышленность должна вернуться местным владельцам, но работать на нужды рейха — ведь идет война!

Андрей прошелся по кабинету — он старался как можно тщательнее подбирать слова. Лучше со значением, ибо фон Нейрат умен, очень умен, но надеялся, что и тут кривая вывезет.

— Впрочем, и мы можем пойти на некоторые уступки, но после того, как президент и парламент Чехии дадут нам надежные гарантии никогда не проводить антигерманской деятельности!

— Какие мы можем предложить уступки для получения гарантий? И в чем они должны выражаться, господин рейхсканцлер? — фон Нейрат спрашивал очень осторожно, старательно подбирая слова. Лицо продолжало держать маску ледяной сдержанности, но на мгновение сверкнули глаза.

— Мы дадим гарантию в неприкосновенности границ, но не прежних, а новых, которые будут совпадать с этническим проживанием чехов. Что касается Судет...

Андрей сознательно сделал паузу, будто только сейчас начал обдумывать нечто глобальное. Фон Нейрат молча и терпеливо ожидал, пока фюрер переварит свои мысли.

— Мы пересмотрим решение по некоторым районам, в которых проживает чешское большинство. Они отойдут обратно, при необходимости будет проведена ротация населения.

— А каково ваше мнение по тешинскому и рутенскому вопросам, господин рейхсканцлер?

— В Тешине можно произвести ротацию населения, разделив польское и чешское население, но это двусторонний подход, при нашем непременном и благожелательном посредничестве. Это касается и Рутении, большая часть которой должна остаться у Венгрии.

Фон Нейрат задумался самым серьезным образом, искоса бросив короткий взгляд на фюрера. Андрей мысленно ухмыльнулся, поднял чашечку с остывшим кофе — протектор прекрасно понял подоплеку ответа по Тешину. Ведь если этот вопрос может быть урегулирован двумя сторонами при посредничестве рейха, то речь пойдет не только о воссоздании независимого чешского государства, но и самой Польши. И это после раздела последней между Германией и СССР?!

Однако политики, подразумевая некоторые сомнительные вещи, никогда не называют их собственными именами и тем паче вслух. Фон Нейрат был слишком опытным министром, чтобы попасться в такую простую ловушку. Он не желторотый дипломат, чтоб явственно показывать главе государства свой интерес. Да и рейхсканцлер так просто не мог оговорку сделать, а потому протектор, под маской полного спокойствия, лихорадочно соображал, грея рюмку ликера в ладонях.

— Прозит, — произнес Андрей, подняв свою рюмку, и, подняв глаза на фон Нейрата, пристально посмотрел на него. Чуть отпил приятного на вкус пахучего и крепкого напитка.

Война есть обыденное явление в нашей жизни, — Родионов постарался, чтобы его голос звучал как можно весомее. А для того он даже стал выделять интонацией слова. — Задача политика состоит в том, чтобы между народами не пролегла ненависть. А дипломат обязан найти наилучшее решение, чтобы вчерашний враг забыл об обиде, завтра отнесся с пониманием, а послезавтра стал если не другом, то надежным союзником. Быть победителем почетно, но и тяжело. Если допустить непоправимые ошибки. Но если проявить великодушие в нужный момент, то...

Андрей посмотрел в цепкие и серьезные глаза старого дипломата и понял, что старая лиса уже давно просекла, что к чему, и уже вырабатывает определенные комбинации, а потому решил вытащить несколько карт и открыто бросить их на стол. Да и «пряник» немного показать — кто ж из дипломатов и политиков не честолобив и не хочет получить лавры

миротворца.

— Эта война привела к некоторым сложностям с родственными по крови народами, относящимися к нам с симпатиями, — датчанами, норвежцами и голландцами. И теми, кто жил испокон века с нами бок о бок в Судетах. Трудно найти путь к согласию и единению народов. Но ведь можно и нужно! Так, господин фон Нейрат?

— Я согласен с вами, господин рейхсканцлер.

— Рейхсминистр по иностранным делам скоро станет самым значимым лицом, ибо, когда умолкают пушки, начинают скрипеть перья. Так, по-моему, шутят дипломаты?!

Фон Нейрат посмеялся вместе с ним над старой шуткой, и вполне искренне, вот только сверкающие глаза выдавали его состояние и ожидание чего-то совсем другого. И Андрей решил не томить бывшего министра.

— К сожалению, мне все чаще приходится слышать, что господин Риббентроп не имеет в должной мере способностей, отвечающих данному положению. А вы как думаете?

— Рейхсминистру не хватает опыта, — ответ фон Нейрата прозвучал чуть глухо и в обтекаемой форме, но это и расставило все точки над «і». Согласие было дано завуалированно, а это было главное.

— Я думаю, всем нам стоит решить вопрос с протекторатом как можно быстрее. Мы должны показать, что не ищем выгоды за чужой счет, а лишь восстанавливаем справедливость. И вот тогда дипломаты наших нынешних врагов не найдут слов, поняв справедливость и великодушие наших дел. Тем более когда с ними будет вести переговоры более опытный рейхсминистр, способный в лучшей мере защитить интересы нашей страны.

Сказать яснее было нельзя — решай вопрос с Чехией и готовь ответ по Дании, Норвегии и Голландии. Если будет достигнут позитив, то станешь во главе МИДа. А потому Родионов улыбнулся и символически поднял рюмочку ликера. Фон Нейрат одновременно сделал то же самое. Такое дело нужно было хоть таким образом отметить.

Дувр

Вице-адмирал сэр Бертран Рамсей еле слышно скрипнул зубами, окинув взглядом возвращающийся от берегов Фландрии свой «флот». Сотни суденышек неторопливо ползли к родным берегам, а над ними стремительно проносились узкие силуэты «Спитфайров» — королевская авиация полностью выполнила свой долг.

Потери, как он знал, были чудовищными — одно из четырех малых суденышек, что поплыло к берегам Фландрии спасать попавших в ловушку соотечественников, погибло от огня артиллерии или под бомбами немецких пикировщиков. Вместе с ними на дно ушли до десяти тысяч славных английских моряков и снятых с побережья солдат. Уйдя от смерти на земле, они нашли ее в море.

Потери огромные, но они могли быть намного большими, если бы над Каналом все эти дни стояла летная погода. Тогда люфтваффе причинили бы вдвое больший ущерб. Но в то же время флот Его Величества лишился только двух эсминцев и нескольких транспортов, так что говорить о поражении не приходилось. Гибли ведь в основном гражданские моряки, что добровольно отправились на своих собственных лодках и яхтах к столь близкому, но столь же и далекому континенту.

Стоит ли считать военному эти потери?! Наоборот, была одержана если не победа, то определенный успех. Весьма значительный, взяв в расчет, какими средствами он достигнут!

Неделю назад он почел бы великим счастьем, если бы удалось вывезти хотя бы тридцать

тысяч британцев. До занятия немцами Дюнкерка из порта доставили на остров до пятнадцати тысяч солдат тыловых частей. Из Булони и Ньюпорта еще десять тысяч солдат, державших там позиции. Из Кале лишь несколько сотен, в основном раненых.

С побережья, в неимоверно трудных условиях, была эвакуирована целая дивизия, пусть и в значительно ослабленном составе. Но даже семь тысяч закаленных в боях солдат стоят многого. Это был самый удачный момент операции, дальше все стало намного хуже, и если бы не запредельная отвага британских яхтсменов и рыбаков, то вряд ли бы вывезли еще двенадцать тысяч солдат, что прорывались к побережью через «коридор смерти». Выжить там было невозможно — они беспощадно расстреливались артиллерией с двух сторон, их истребляла с неба авиация. Но они прорвались...

Рамсей посмотрел на движущиеся к Дувру суденышки, на которых находилось еще несколько тысяч британских солдат, выбравшихся из кровавой круговерти. Внутри кровоточила душа — операция «Динамо» закончена, спасти армию не удалось, да и не могло этого быть, слишком поздно спохватились в Лондоне.

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Танковые дивизии сосредоточиваем вот здесь и здесь, — указка в руках Манштейна очертила на карте севернее Соммы два кружка. — В танковые группы генералов Клейста и Гудериана войдут по два танковых корпуса, в каждом из которых по две танковых и одной моторизованной дивизии, и в резерве командующего группой по одной моторизованной бригаде СС. Плюс отдельный танковый корпус генерала Гота аналогичного состава.

— Танковые корпуса? — только и спросил Андрей, прекрасно зная, что данное обозначение еще не было принято в германской армии. Все корпуса считались армейскими, даже те из них, что имели в составе подвижные дивизии, поэтому предложение Манштейна назвать вещи своими именами вызвало удивление. Было изумлением и то, что генерал даже в такой мелочи, как наименование, решил досадить штабу ОКХ и лично Гальдеру, а это не могло не радовать — пусть грызутся между собой, лишь бы не сговорились.

— На переброску и приведение в порядок танковых групп отводится пять дней. Наступление нашим правым флангом начнется 5 июня, а левым — двумя днями позднее. Там требуется больше времени на перегруппировку войск. Целью операции...

— Пойдите, Манштейн, — Андрей кое-как сдерживал волнение. Он считал Гитлера авантюристом, но этот генерал тот еще игрок, за карты лучше не садиться: «А ты азартен, Парамоша!» — Мы начинаем переброску войск, не дожидаясь исхода боев во Фландрии? Я вас правильно понимаю?! А если фон Бок замешкается или англичане откажутся капитулировать?

— Танки Гудериана отсеки британские экспедиционные силы от побережья. Они обречены, и частям фон Бока остается их только добить. Более того, командующий группой армий «Б» должен успеть сосредоточить большую часть своих корпусов на северном участке Соммы для перехода в наступление в установленные сроки.

— Так-так, — только и сказал Андрей. Авантюризм Манштейна его начал пугать. Но это только с одной стороны, а ведь с другой — такой подход вроде как во благо пойдет его планам по обескровливанию рейха.

— Мой фюрер, для уничтожения «котла» достаточно одной армии, усиленной резервными дивизиями. Счет уже пошел на часы. Потому нет смысла держать там всю группу армий, мы только напрасно теряем время и начнем операцию «Рот» позднее... А тут мы выигрываем темпы.

— А какие силы у французов? — Андрей решил окончательно выяснить, не приложился ли головушкой его начальник штаба. Вот будет хохма!

— Против нас не более семидесяти французских дивизий и две английские. До четверти французских дивизий, понесших большие потери, находятся на переформировании, они имеют в полках не три, а по два батальона. Артиллерии вдвое меньше штатного расписания. Их танковые и механизированные дивизии также понесли потери и не имеют ударной мощи. Боевой дух подорван, многие дивизии не пригодны не только к наступлению, но и к обороне. Нам необходимо воспользоваться моментом, и основательно, одним ударом сокрушив их волю к сопротивлению.

«Не авантюрист генерал, а циник. Расчет вернейший — впавший в панику противник должен быть немедленно добит, любая отсрочка только вредна. За это время французы могут прийти в себя и уже не скоропалительно, а весьма обдуманно принимать решения. Тут генерал полностью прав, с ним стоит согласиться».

— Хорошо, Манштейн. Пишите директиву по войскам и немедленно давайте мне на подпись!

Андрей прошелся по кабинету и бросил торжествующий взгляд на карту. Оказывается, чужие победы могут радовать, если знать, как ими правильно воспользоваться!

— У них семьдесят дивизий, у нас будет сто десять! Да еще перебросим из Фландрии, как только добьем англичан там! Мы им устроим новые Канны, Манштейн!

Дюнкерк

Генерал Гудериан чувствовал себя теперь полностью удовлетворенным за обиды двадцатилетней давности, нанесенные его стране. То, к чему он готовил войска долгие годы, было выполнено — разгромлены, окружены и даже уже капитулировали несколько десятков лучших французских, английских, бельгийских и голландских дивизий.

Достигнута совершенно малой ценой невероятная и оглушительная победа, которую Германия не знала со времен Седана. Теперь осталось только добить оставшихся в одиночестве французов, которым англичане, потерявшие все свои подготовленные дивизии, уже не смогут оказать никакой помощи. А русские, что неоднократно спасали их в прошлую войну, сейчас уже союзники рейха.

Ну что ж — Адольф Гитлер свое предназначение исполнил, сторицей взяв реванш. Потому Гудериан даже в мыслях никогда не именовал его презрительно «ефрейтором», как делали некоторые его коллеги генералы. Но теперь хулители рейхсканцлера притихнут — победа заткнет им рот, доказав правильность проводимой политики.

Вчера Гудериану сообщили, что его старший сын ранен — к счастью, не смертельно. А младший цел и невредим, хотя и служит в моторизованном разведывательном батальоне. И это правильно — почти у всех знакомых ему генералов вермахта и люфтваффе сыновья дрались на фронте простыми офицерами, не выходя из-под огня. Лучшие представители германского народа никогда не прятались за чужие спины и, если было нужно, принимали честную солдатскую смерть, такую, как принц Вильгельм Прусский, погибший вчера во Фландрии.

Генерал вздохнул — что тут прикажете делать, ведь на войне потери неизбежны, будь ты хоть крестьянин или аристократ с длинной родословной, и тут же собрался, позвав к себе адъютанта — нужно было отдать приказ по корпусу, отводимому на юг.

— Пишите, Венк, — генерал задумался и начал быстро диктовать, практически не останавливаясь и не поправляя текста: — «Солдаты 19-го корпуса! Семнадцать дней мы

сражались в Бельгии и Франции. Шестьсот километров прошли мы после пересечения границы Германии и добрались до Ла-Манша и Атлантики. На этом пути вы сокрушили бельгийские укрепления, прорвались за Мез, сломили продолжение „линии Мажино“ в незабываемой битве за Седан, захватили господствующие высоты на Стонне и, не останавливаясь, пробились через Сен-Кантен и Перонн в низовья Соммы, Амьен и Абвиль. Вы увенчали свои успехи захватом побережья Ла-Манша и морских крепостей Булони, Кале и Дюнкерка.

Я просил вас сражаться без сна 48 часов — вы делали это 17 дней. Я приказывал вам сражаться, не страшась угроз с фланга и тыла, — вы ни разу не дрогнули.

Вы самоотверженно выполняли все приказы с непревзойденным самообладанием и верой в свое предназначение.

Германия гордится своими танкистами, и я счастлив командовать вами.

Мы не забудем наших павших товарищей, честь им и слава! Их жертва не была напрасной.

Вооружимся же теперь для новых славных деяний!

Слава Германии, слава нашему вождю — Адольфу Гитлеру!»

Гудериан остановился — пока он диктовал, все перипетии славного танкового рывка прошли перед его глазами. Они сделали это!

— Поставьте мою подпись и немедленно отдайте в типографию. Приказ прочитать вечером на построении. И будем готовить наши танки к новому походу! И к новой славе!

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Получена экстренная радиограмма от генерала фон Бока! — в голосе Шмундта звучало безмерное ликование. Таким возбужденным, прямо трясущимся от ликования Андрей еще не видел своего главного военного адъютанта. — Командующий английской армией генерал Горт вступил в переговоры о капитуляции. Британцы полностью прекратили сопротивление и начали сдаваться в плен.

— Это победа, Шмундт. Это наша победа!

Андрей чуть не запрыгал от охватившего его чувства эйфории — так стало легко и радостно на душе. Хотелось петь и плясать. И выпить! А потому он открыл шкафчик, вытащил оттуда выпрошенную им ранее пузатую бутылку ликера — там хорошо булькнуло, на кофе с собеседниками едва ушла четверть драгоценной влаги.

Уверенным, отработанным в общаге умением, с чисто русским размахом, уже капитально испорченным немецкой скаредностью, бухнул пахучую жидкость в рюмки. Рука не подвела — ровно на две трети, а рюмочки махонькие, грамм на тридцать, не больше.

— Прозит, — только и сказал Андрей и хотел выцедить рюмку. Но внутренняя сущность, та, что не от Гитлера, а от славных казаков Родионовых, громко возмутилась и заставила глотку с рукой провести требуемую операцию — ликер был выпит мгновенно, одним «хлопком».

— Прозит, мой фюрер! — полковник с изумлением посмотрел на «расправу» совсем не в немецком стиле и, недолго думая, выпил чуть ли не залпом, поддержав свое начальство.

«Между первой и второй перерывчик небольшой», — Андрей так же лихо набулькал две рюмочки, но уже до половины, и, повинувшись странной внутренней просьбе, убрал бутылку в шкафчик.

Эту заключительную порцию главнокомандующий и его верный адъютант выцедили медленно. Сквозь зубы. Зато внутри потеплело, и Андрей решил устроить всем в ставке маленькую радость.

— Всем вставке выдать шнапс, — слова кое-как вылезли из горла, в голове приятно

шумело. Расслабуха полная! Пусть и другие ее ощущают в полной мере — ведь так хорошо напиться и стряхнуть с себя стресс.

— По две рюмки, — неожиданно для себя Андрей внес поправку, придя к мысли, что штабные и так свое урвут, и потому нечего их баловать.

— Есть, мой фюрер! — Шмундт с удивлением посмотрел на него, потом на шкафчик с бутылкой, и его губы расплылись в понимающей улыбке. А Родионов присел на диван, в голове роились наполеоновские планы.

«Так, это дело надо хорошо отметить. Ох и напьюсь же сегодня, как померанский гренадер. Сейчас накачу стопочку ликера, а потом две рюмки шнапса — мне ведь тоже полагается по данному приказу. И потребую принести сосиску, настоящую, баварскую. Нет, гулять так гулять — две сосиски, а то эта морковка в глотку уже не лезет. Что я, заяц, что ли?! А вечером еще ликера выпью и две чашечки кофе! Ну и окривел ты, ваше величество! Эх, царицы Марфы Васильевны нет, под бочок бы ее!»

Лилль

— Они сдаются, господин гауптман, сдаются!

Голос денщика Эриха Бема отдавал чуть ли не детским восторгом, и фон Люк не мог не улыбнуться.

— Это победа, победа!

— Нет, мой милый Эрих, это еще не победа. Вернее, не полная победа. Мы разбили союзников во Фландрии, но французы не прекратили сражаться, и нас ждут новые бои. На Сомме и Марне...

Люк осекся — последнее название имело слишком печальный подтекст для немцев. Но капитан тут же задорно потрянул головой. Ту битву проиграли отцы, а для детей она станет символом яркой победы и славы. Германия просто не может проиграть этой войны. Не может, и все!

Да и как потерпеть поражение, если прямо перед ним понурые французские солдаты, ставшие в одночасье пленными, бросали на землю винтовки и пулеметы и строились в колонны. Англичане были намного лучше, по крайней мере, они дрались до конца, до последнего патрона, и сдались только тогда, когда танки Гудериана отрезали им последний путь отступления к Ла-Маншу.

Однако эйфории Люк не предавался — он знал, что французы готовят позиции на Сомме, которые громко именуют по фамилии нового главнокомандующего «линией Вейгана». Их придется прорывать, но плохо то, что дивизия понесла крайне серьезные потери в танках. К началу майских боев было 224 танка, а сейчас, спустя почти три недели, в строю боееспособными являются только 84. Но безвозвратные потери чуть больше сорока машин — полностью сгоревших или взорвавшихся. Остальные требуют ремонта, и капитан надеялся, что к началу нового наступления хотя бы половина из этих бронированных машин будет отремонтирована.

А французы?

А что французы?! Недаром они именуют 7-ю танковую дивизию генерала Роммеля «призраком» за ее способность наносить сокрушительные и внезапные удары. Несколько дней отдыха помогут довести число танков до полутора сотен и начать воевать по-новому. А впереди Париж, Елисейские Поля, Нотр-Дам и Эйфелева башня. Он пройдет по набережной Сены, полюбуется красотами города. Победители имеют на это право!

Люк усмехнулся, глядя на землистые, без проблеска жизни, лица пленных. Для них война закончена, для него все впереди. А ведь завтра первый день лета, тут бы радоваться и отдыхать, но некогда, ведь впереди война!

Часть вторая
«Рот»
(июнь — июль 1940 г.)

Глава первая

«Третий лишний»

Синьи-ле-Пети

— «Броня крепка и танки наши быстры», — по-немецки произнес Гудериан и внимательно посмотрел на Андрея. — Я слышал эту песню русских танкистов в Бресте, мой фюрер! Там я с их комбригом Кривошеиным принимал парад наших войск по окончанию польской кампании.

— А вы знаете, что Кривошеин под именем полковника Мелле принимал участие в испанских событиях? — Родионов решил блеснуть эрудицией, вспомнив прочитанные когда-то книги.

— Нет, мой фюрер! — в голосе Гудериана проскользнуло удивление.

— И каковы русские танкисты и их техника, генерал?

Андрей задал этот вопрос неспроста — ему было интересно знать мнение «отца панцерваффе».

— Танки с противопульной броней, типа «Виккерса-шеститонного» или американского «Кристи». При насыщенности войск противотанковой артиллерией большой угрозы не представляют. Но...

— Что «но»?

— У русских их слишком много, мой фюрер. Харьковский завод называется паровозостроительным, однако главной его продукцией являются танки. Много танков, мой фюрер, — до десятка в день, а то и больше. У них не менее десяти тысяч танков.

— Так много?

Удивление Родионова было наигранным — до «переноса» он прочитал статью, в которой впервые были приведены засекреченные ранее цифры и дана разбивка по типам. Количество впечатляло — свыше десяти тысяч Т-26 и шести тысяч БТ всех типов, более трех тысяч плавающих танков, полтысячи многобашенных средних Т-28 и Т-35. Плюс совсем устарелые танки МС-1 и танкетки Т-27, которых набиралось чуть ли не три тысячи. Бронированная орда, не уступающая по численности всадникам Батыя.

И это только старые типы, которые в сорок первом году словно корова языком слизнула в течение месяца, а ведь уже начат выпуск КВ и Т-34, через год их будет чуть ли не две тысячи.

— Я думаю, танков еще больше — только в штабе ОКХ не принимают мое мнение серьезно, — Гудериан демонстративно пожал плечами.

«Сборище тупиц», — пронеслась мысль.

Раздражение стало подниматься в душе. И тут Андрей напрягся — «начинка» произвольно дала о себе знать, и он с трудом справился с эмоциями. «Тупицы» для настоящего Гитлера, для него же нужные люди на нужном месте. Ведь с СССР он не собирается воевать, а потому эта масса русских танков Германии не угрожает.

— Да и не один завод паровозов в Харькове занимается выпуском танков, — Гудериан снова пожал плечами.

— Не один, — согласился Андрей и хихикнул, вспомнив старый анекдот: кондуктор на весь трамвай кричит: «Остановка тракторный завод. Мужик, ты спрашивал танковый — тебе здесь выходить».

— Мой фюрер, ахиллесова пята русских панцерваффе, несмотря на их чудовищную численность, на мой взгляд, в другом...

— И в чем же, Хайнц?

— Во время польского похода не менее половины русских танков вышло из строя. Ими были буквально забиты все дороги — пилоты наших разведывательных самолетов не скрывали своего удивления. Службы тыла и ремонтные подразделения русских явно не справлялись с обслуживанием машин, не доставало запчастей. Да и сами танки, судя по всему, имеют малую техническую надежность.

«Это точно. В статье указывались жуткие цифры небоеспособных танков, израсходовавших моторесурс или нуждающихся в ремонте. Какие кретины приказали выпустить столько танков, не наладив выпуска запчастей и дополнительных двигателей?! Хотя одно имя назвать можно — лучший друг физкультурников и детей, гений всех времен Иосиф Сталин».

— Их танковые войска не более чем скопище боевых бронированных машин, почти без мотопехоты, артиллерии, саперов. В бригаде Кривошеина были одни только танки и танки и ничего, кроме них. Так, мотоциклисты разведки, несколько десятков примитивных грузовиков с пехотой.

— Но ведь танки сами по себе представляют угрозу? — Андрей подначил генерала, хотя был с ним полностью согласен.

— Произвести много танков, мой фюрер, еще не значит иметь танковые войска. Уровень подготовки русских танкистов крайне низок, тактика примитивна. Они признают навал, а не маневр, потому понесли чудовищные потери в «зимней войне» с финнами.

— Большого ума не нужно, чтобы танки с тонкой броней на укрепленную линию бросать, — прорычал Андрей, костеря в душе сталинских маршалов, что попытались в лоб взять доты «линии Маннергейма» и убедились, что военная наука не врет — прорвать наскоком, без подготовки, заблаговременно подготовленные позиции невозможно.

«Но сколько солдат они бездарно положили, сколько крови пролили?!» — возражений у него не находилось, да и прав Гудериан, зрит в корень.

— Французы, мой фюрер, в другую крайность бросились. Свои танки они чуть ли не поротно по пехоте распределили. Да и сами танки отвечают представлениям прошлой войны.

— Даже так?

— Экипаж большинства легких машин состоит из двух человек, потому башнеру приходится выполнять множество функций. А командовать подразделением практически невозможно в бою, когда требуется и стрелять, и заряжать пушку, и искать цель. Тем более на их танках нет радиостанций. Хотя броня, особенно лобовая, нашими противотанковыми пушками не берется.

— Я хочу посмотреть на их танки, генерал! У вас они есть?

— Здесь стоят несколько трофейных машин, брошенных экипажами в исправном виде. Мы можем проехать прямо туда, мой фюрер.

Шарлевиль

Дни долгожданного отдыха прились как нельзя кстати. Гауптман фон Люк начал приводить в порядок свой разведывательный батальон, выведенный в тыл, прямо к ставке группы армий «А», как и вся его 7-я танковая дивизия.

Павших солдат и офицеров похоронили с почестями, как и командира, несчастного майора Эрдманна. Почта отправлена по назначению, а солдаты читали полученные от родных письма. Все хорошенько отряхнули и почистили от въевшейся пыли мундиры, сразу приняв бравый вид, который свойствен панцерваффе. Сам Люк посетил подразделения, поздравив солдат с

одержанной победой.

И поступил в точности как Роммель, назначив командиром своего бывшего эскадрона оберфельдфебеля Вернера Альмуса, которого хорошо знали все солдаты и офицеры и неплохо проявившего себя на этой должности в последние дни.

К его удивлению, генерал полностью одобрил выбор и мотивировку подобрал убедительную — лучше командиром быть зарекомендовавшему себя фельдфебелю, чем неопытному офицеру, прибывшему из запаса.

Обойдя подразделения, Люк настроил солдат о том, чтобы они вели себя достойно, не унижали французов, отнеслись великодушно к поверженным. Чтоб никто не вздумал вести себя как завоеватель под страхом немедленного наказания, как того требовал только что полученный приказ из ставки фюрера.

Жители города моментально оценили столь драконовские меры. За эти два дня Люк ни разу не услышал в адрес своих солдат оскорбительного словца «бош», что означало «поганый немец». Заработали многочисленные кафе и магазинчики, где охотно принимали в уплату германские рейхсмарки.

А вчера пролился самый настоящий золотой дождь — в город прилетел сам верховный главнокомандующий Адольф Гитлер. Люк испытал восторг, когда удостоился рукопожатия фюрера германского народа, и неописуемую радость от вида Железного креста 1-го класса на своей груди.

А еще его поразила та нескрываемая теплота в голосе Гитлера, когда он общался с построенными солдатами и офицерами. Так может говорить только старый фронтовик, испытавший все горести той войны.

Роммель удостоился Рыцарского креста, который фюрер лично навесил ему на шею перед строем дивизии. И слова Гитлера не могли не радовать: «Мы все сильно беспокоились, однако успех доказал вашу правоту — вы добились невероятного!»

Генерал же, хоть и был обрадован, тем не менее тут же заявил во всеуслышание, что этот крест является не только его наградой, им отмечена вся дивизия. Такой поступок поразил солдат, Люк видел, как у многих на глазах выступили слезы от чувства гордости. Они не зря боготворили своего командира и теперь были готовы выполнить любой приказ и пойти за ним куда угодно.

Синьи-ле-Пети

Французские танки удивили Андрея, хотя совсем не в том плане, который ожидал. Он привык считать, что первым танком с наклонной противоснарядной броней был Т-34, и здесь испытал очередное разочарование, видя, как рушится один из мифов многостраничной оперы, ласкающей душу каждого советского человека, — «Россия — родина слонов».

Как бы не так — французские Н-35 имели в «лобешнике» такую же по толщине броню, с хорошим наклоном. Лобовые листы были украшены несколькими вмятинами, и Гудериан тут же объяснил, что это следы от рикошетов германских 37-миллиметровых противотанковых пушек. Вот только пушка на «Гочкисе» совершенно не годилась, «окуроч», право слово. С такой танк не порaziшь — 37 мм «короткостволы» совершенно не годятся.

Третий танк, высившийся на некотором отдалении, тоже произвел определенное впечатление. На Родионова словно дыхнула Первая мировая война с ее «самцами» и «Шнейдерами», которые он разглядывал на рисунках и фотографиях. Высокий корпус полностью охватывали гусеницы, сверху громоздилась маленькая башенка с пушкой в 47 мм,

как головенка на теле динозавра. Из переднего броневых листа корпуса торчал короткий, словно березовый пенек, ствол более солидного калибра в 75 мм.

Вот только одно непонятно — зачем такую установили?! Бронепробиваемость ноль целых хрен десятых, наводить нужно поворотом всего танка на цель. Только по окопам фугасами из такой дуры садить можно, больше ни на что пушка не гожа.

— Это «евнух» какой-то, а не танк, — задумчиво пробормотал Андрей, отвесив челюсть от изумления.

— Тип В-1 bis, тяжелый танк, — тут же пояснил Гудериан. — Броня 60 мм, совершенно непроницаема для наших танковых и противотанковых орудий. Посмотрите на вмятины, мой фюрер!

Родионов обошел танк по кругу — «шкура» пестрела двумя десятками попаданий, ни одно из которых не смогло пробить броню. Однако с левой стороны танка валялась на земле прямоугольная решетка, открывавшая проем чуть ли не в квадратный метр. Вот тут челюсть у Андрея и полностью отвесилась — он понял, что немцы попали именно сюда, судя по всему, воздухозаборник для охлаждения «движка», и остановили монстра.

— Генерал! Зачем делать такой танк, если его ахиллесова пята за километр видна?! Они чем думали?!

— Просчет конструкторов, мой фюрер. Но не только! Французы находятся до сих пор под воздействием концепции танковой войны двадцатилетней давности. Их строительство объяснимо порочной тактикой. Танки, по их мнению, должны наступать лавиной, а потому борта прикрыты от огня другими машинами. Одноместные башни и малый ход диктуются особенностями позиционной войны! — Гудериан усмехнулся и пояснил: — Мощный двигатель не нужен, так как танки не должны отрываться от пехоты. Длинноствольную пушку не ставили потому, что пулеметные точки предполагалось расстреливать с короткой дистанции. Отсюда и одноместная башня без радиостанции — зачем они нужны, если бой идет без маневра. Вот и все, мой фюрер, так они и воюют.

— Да уж, — только и сказал Андрей и возгордился, что есть более тупые генералы, чем в родной рабоче-крестьянской армии.

— Противник сейчас пытается пустить в ход свои танковые дивизии, которые называет кирасирскими, но толку не будет. Части эти разношерстны и плохо управляемы, их танки тихоходны и без радиостанций. Следовательно, маневр на поле боя крайне затруднителен. Таковы последствия ошибочной и порочной концепции.

— Но ведь они наносят нам потери?

— Конечно, это же война. В бою танки против танков мы несем потери, ибо машины противника имеют лучшее бронирование. Да и их просто больше, чем у нас. Но они «размазаны» по всему фронту и не массируются в крупные соединения, большие, чем дивизия. Обычно мы выводим свои панцеры из боя и предоставляем противотанковым пушкам и «штукам» остановить атаку противника. Это тактика, мой фюрер!

— Спасибо, Хайнц, за объяснения... — только и пробормотал Андрей, пребывая в некотором шоке. Он неожиданно понял, почему в сорок первом были разгромлены советские механизированные корпуса. С одной стороны безумный по отваге навал сотен машин, а противник применяет в ответ маневр, подставляя противотанковую артиллерию и авиацию.

Какая уж тут война — беспощадное избиение младенцев. Пикировщики долбят колонны с горючим, боеприпасами и запчастями, полностью дезорганизуя тыловые и ремонтные службы, а по танкам стреляют пушки. Вроде бы просто, но за этой простотой скрывается многолетняя учеба и организованность и управление на высоте, радиостанции на всех танках, выучка и высокий уровень подготовки. Немецкая культура, мать ее! А попробуй Гудериан обучить

азиатов, что языка толком не знают, и не за год, а за несколько месяцев?! Тут германская армия медным тазом и накроется!

Андрей усмехнулся — он не зря прилетел в ставку Рундштедта посмотреть, как идут дела на фронте. Хорошо идут, что и говорить. Счет пленным во Фландрии превысил полмиллиона человек, причем почти половину составляют англичане. Переброска танковых дивизий идет по плану, по немецкому, выверенному в штабах, а не по нашим «филькиным грамотам». По бумагам у нас все хорошо, но вот когда дойдет до дела, то все... Туши свет!

— Хайнц, как происходит переброска ваших дивизий?

— Части первого танкового корпуса, это 1-я и 2-я танковые и 29-я моторизованная дивизии, начали выдвижение сюда от Кале и Дюнкерка. Четвертый танковый корпус из 6-й и 8-й танковой и 20-й моторизованной дивизий на подходе. Как только 7-я танковая дивизия Роммеля освободит дороги, они будут сосредоточены здесь полностью.

— Хайнц, я хочу взглянуть на наши танки! Надеюсь, вам есть что показать нам?

Андрей посмотрел на Шпеера, которого взял с собою в эту поездку. Пусть молодой архитектор, поставленный на выпуск нового вооружения, на месте выяснит, какое оружие генералы и солдаты считают лучшим.

Бапом

Гауптштурмфюрер Майер с презрением смотрел на аккуратные и длинные, несколько сотен метров, ряды сложенных друг в друга французских касок, похожих на шлемы пожарных.

— Символ этой войны, — пробормотал сквозь зубы эсэсовец, — и французской армии. «Герои» Вердена и Соммы!

Французская пехотная дивизия сдалась без всякого понукания со стороны пленивших ее немцев. «Паулю» охотно и старательно сдавали оружие и амуницию и, построившись в ровные колонны, дружно двинулись в тыл за похлебкой.

Майер их понимал — разгром был чудовищный, и солдатский дух был до самого копчика потрясен им, выхолостив душу. Но не оправдывал — как можно отказаться от присяги, кричать, что война безумие, и не защищать собственную землю.

Труссы — вот им настоящее имя. В ту войну их спасали то русские, то англичане, а оставшись один на один с германцами, они тут же были биты, как семьдесят лет назад в той войне, которая закончилась славной победой при Седане. И вот история повторяется.

Майер знал, что на Сомме французы спешно возводят укрепления, но был твердо уверен, что немецкие танки прорвут их первым же ударом. Еще бы не прорвать, когда танковой группой будет командовать знаменитый и популярный у солдат «Шнелле-Хайнц».

Тут Майер невольно загрустил — их «лейб-штандарт» был передан в панцергруппу генерала Клейста, с которым и предстояло начинать вторжение во Францию, чтобы довершить окончательный разгром врага. Обидно, конечно, но командир Зепп Дитрих всех уверил, что Эвальд Клейст очень опытный генерал, который их будет вести от победы к победе.

«До Парижа еще далеко, до него надо еще дойти», — подумал Майер и тут же оборвал мечтания о близкой победе. Нужно было заниматься делом: его потрепанный разведывательный эскадрон получил пополнение — больше сотни белокурых парней, истинных арийцев, цвет германской нации, были готовы бестрепетно пойти в бой.

— Нет, я не дам вам так просто погибнуть в первом же бою! — с угрозой прошипел сквозь зубы гауптштурмфюрер.

Хотя прибывшие эсэсовцы не были «пушечным мясом» и все прошли долгую и тщательную

подготовку, но война диктует свои права. Сейчас пополнение попало в руки выживших в кошмарном аду Дюнкерка ветеранов, большинство из которых стало шарфюрерами, то есть унтер-офицерами на армейский лад. Парни уже нанюхались пороха до отрыжки и приобрели бесценный опыт. Ну что ж, теперь им есть кому его передать.

— Они с вас за эти дни по семь потов сгонят, но воевать научат, — пробормотал Майер и собранной походкой боевого офицера отправился наблюдать за идущими в поле занятиями.

Синьи-ле-Пети

— И эти «танки» составляют две трети нашей бронетехники, генерал, — сарказм в голосе прорвался, и было отчего. Смотреть без слез на такое убожество было невозможно.

Маленькая танкетка с двумя пулеметами в башенке, причем ее высота была с его рост, отнюдь не великанский. Да! Из гренадеров бы выперли разом — не по Адольфу шапка.

Броня тонкая, единственный плюс скорость — бегала резво, как раз для того, чтобы ноги, вернее, траки вовремя унести.

Второй танк тоже не впечатлял. Длинный, но тонкий ствол 20 мм калибра, по сути, противотанковое ружье. Броню спереди усилили, приварив гнутые листы. Но исправить этим слабость вооружения, понятное дело, было невозможно. Зато экипаж стал на одного человека больше — башня двухместная, с рацией. Для разведки самый раз, но Гудериан использовал такое убожество в боевых порядках.

— Три четверти, мой фюрер, — в голосе генерала иронии не было, а лишь одна тягучая тоска.

— В дивизиях новых пушечных танков едва на батальон набирается, остальные три вооружены именно «первым» и «вторым» типами. Которые, положив руку на сердце, давно пора передать в учебные части.

Андрей еле сдержал смех — по сводкам он знал, что танкеток Pz-I и легких танков Pz-II насчитывалось чуть больше одной тысячи машин каждого типа. «Гроза» панцерваффе на проверку оказалась «бумажным тигром» — боевая мощь минимальна, зато у врагов от страха глаза велики.

— Новых танков мало, мой фюрер. Потому приходится воевать на этих. Но для танков противника они не представляют угрозы, в то время как сами являются легкой добычей. Чем скорее их отправят в учебные части, тем лучше будет для экипажей — потери напрасные.

— Может, как-нибудь их к делу приспособим, — Андрей в задумчивости окинул взглядом танки, припоминая, как их использовали, и решил показать себя провидцем, благо литературу соответствующую прочитал, в которой хорошо описывалось, как немцы делали из них самоходки. А читал он после армии о танках много, раз уж навсегда пропахло его сердце дизелем и соляркой, любовь — она и с танками с первого взгляда бывает...

— Нужно снять башню, — он показал на танкетку, — а в легкой рубке установить чешскую противотанковую пушку в 47 мм, благо их у нас много. В роли САУ она окажется намного нужнее в войсках, чем в первоначальном виде. Свести в роты по десять машин и передать по пехотным дивизиям. Как вы думаете, генерал, польза от этого будет?

— Несомненная, — Гудериан несколько оторопело посмотрел на Андрея, в его голосе тоска уступила место сдержанному оптимизму. И взгляд изменился, в нем мелькнуло нечто похожее на профессиональное уважение.

Андрея это только раззадорило, и он решил вывалить на генерала все, что знал, об использовании немцами шасси этих танков в годы войны.

— Хайнц, вы не задумывались, что танковые дивизии должны быть вооружены артиллерией, имеющей ту же проходимость, что и танки? Самоходно-артиллерийские установки в отличие от буксируемых тягачами пушек менее подвержены потерям от воздействия огня противника и могут оказать танкам помощь немедленно, так как двигаются в боевых порядках.

Андрей подошел к Pz-II и небрежно похлопал ладонью по броне. Оглянулся — Шпеер что-то записывал в блокнот, а Гудериан встал в позу оскорбленной невинности, будто Киса Воробьянинов, которому Остап Бендер предложил просить милостыню.

— Мой фюрер! Я неоднократно подавал докладные записки...

— Вы же знаете бюрократов из ОКХ, Хайнц. Они заволоkitят любое дело. Я пришел к пониманию, что по окончании кампании будет введен пост командующего панцерваффе, на который я поставлю самого опытного и понимающего в танковых войсках генерала.

Андрей одарил Гудериана таким взглядом, что будь тот в десять раз глупее, и то сразу бы все понял. Но «отец панцерваффе» тупым сроду не был, а потому сразу встал в охотничью стойку, крылья носа нервно затрепетали.

— Командующий панцерваффе отвечает только передо мною и имеет права командующего отдельной армией. Он ответствен за развитие танковых войск, за принятие на вооружение новых танков, штурмовых орудий, самоходно-артиллерийских установок, бронетранспортеров и бронеавтомобилей и других бронированных машин, находящихся на вооружении танковых и моторизованных дивизий. За эти соединения он тоже отвечает, как и за их обучение и комплектование людьми и техникой...

Андрей перевел дух — «кость» он бросил огромную, лишь бы «Шнелле-Хайнц» ею не подавился. И главное — теперь Гудериан весь его, с потрохами, ибо он будет его защитником от разъяренных, тут к бабке не ходи, генералов из ОКХ. «Разделяй и властвуй» — эту аксиому не зря с древности используют. А потому Родионов решил еще больше надавить на честолубие генерала:

— Альберт Шпеер будет отвечать за развертывание нашей промышленности, а потому все вопросы вам в будущем предстоит решать с ним, Хайнц.

Андрей мысленно ухмыльнулся — Гудериан побагровел и невидяще уставился на него вытаращенными глазами. Генерал сейчас представлял собой аллегоричную скульптуру под названием «Сбылась мечта идиота», и необходимо было срочно вывести его из этого состояния.

— Там стоят другие наши танки, — он показал на знакомые ему по фотографиям и кинохронике машины, более крупные по размерам, чем их предшественники. — Мне хотелось бы на них взглянуть, генерал!

Гудериан непривычно засуетился.

— Конечно! Экипажи давно вас ждут, мой фюрер!

Шарлевиль

Фон Люк искоса посмотрел на собравшихся офицеров, среди которых он был самым молодым и по возрасту, и по званию. Собравшиеся командиры полков и батальонов уже отдохнули за эти дни, на мундирах светились заслуженные в боях награды.

— Господа офицеры! — генерал Роммель обвел присутствующих строгим и внимательным взглядом. — Наша дивизия вместе с 5-й танковой и 2-й моторизованной вошла в состав третьего танкового корпуса генерала Гота, которому предстоит действовать отдельно от танковой группы генерала Клейста. Задачи, поставленные перед корпусом, заключены в следующем...

По собравшимся офицерам прошла почти незаметная волна — всегда интересно знать, куда отправит тебя суровая воля командования. А как иначе — генералы отдают приказы, которые приходится тебе выполнять, невзирая на пот, слезы, усталость и кровь.

— Прорвать французские позиции, продвигаться к нижней Сене и занять Руан. Честь взятия города выпала на нашу дивизию!

Волна снова незаметно накрыла офицеров — честь честью, но потери потерями, ибо французы будут сопротивляться отчаянно. Люк оценил замысел командования — отсечь Францию от портов в Ла-Манше и от связи с Британией. Ну что ж, прекрасный замысел, осталось только претворить его в жизнь, тем более что дивизия полностью готова к переброске, да и путь сравнительно короткий, для техники не потребуется ремонта.

— Нашей целью являются две последние английские дивизии, оставшиеся здесь. Прорыв позволит достигнуть полного успеха. Задача состоит в том, чтобы окружить британцев и не позволить им ретироваться на свой остров. Вот так-то, господа!

Люк немного призадумался — англичан он зауважал, ведь они стойко дрались во Фландрии даже тогда, когда бельгийцы с французами толпами сдавались в плен. Такой противник всегда вызывает уважение, и тем больше славы достается победителю.

— Противник не прикрыт, и мы способны уничтожить его, — швабский диалект в голосе Роммеля зазвучал отчетливо. Генерал был собран и чуточку возбужден, хотя и пытался скрыть это. — Нам надлежит ударить через Сомму к Сене, забыв о возможной угрозе со стороны нашего противника, которого мы сомнем или оставим у себя на правом или левом фланге. Наша цель — Сена, к которой необходимо выйти в районе Руана, на правом фланге нашего корпуса. Этим маневром мы должны попытаться овладеть мостами через Сену прежде, чем неприятель уничтожит их. Продолжайте в том же духе, я совершенно уверен в вас.

Люк слушал Роммеля, затаив дыхание. Ничто так не окрыляет офицера в бою, как полное доверие начальства. Именно инициатива, поощряемая и культивируемая в германской армии, и позволяет ей добиваться таких ошеломительных успехов. В этом капитан был полностью уверен, с восторгом в душе глядя на своего любимого генерала.

Синьи-ле-Пети

— Если вместо «окурка» поставить нормальную длинноствольную пушку, вермахт получит действительно хороший танк. Можно даже назвать его основным боевым. Приличный танк!

Андрей машинально погладил командирскую башенку. Pz-IV его поразил, и сильно. Неладно скроенный, но крепко сшитый — так про такие говорят. Кургузый бронейщик с изящной «тридцатчетверкой» не сравнить. Конечно, с Т-62 он и рядом не стоял, тот танк из другой эпохи. Но в Афгане ему довелось познакомиться с Т-34–85, что был на вооружении «бачей». И теперь он машинально сравнил две эти машины.

У «тридцатчетверки» стоит мощный дизель, шире гусеницы, а значит, лучше проходимость, больше дальность хода и скорость. Наклонная броня корпуса отразит попадания любой танковой и противотанковой пушки, тем более она не по зубам короткоствольной пушке немецкого танка.

Даже перевооружение Pz-IV длинноствольным орудием вряд ли что сделает русской броне — недаром Т-34 считается лучшим танком Второй мировой войны. А вот наша 85 мм пушка продырявит вертикальную броню «немца» с запредельного для действенного ответа расстояния.

Зато гипотетическое перевооружение позволит эффективно бороться с британскими «Матильдами», броня которых сейчас абсолютно непроницаема для немецких снарядов.

— Хайнц! Танк нужно оснастить длинноствольной пушкой — это резко повысит его возможности. Да и лобовую вертикальную броню можно усилить дополнительным листом, доведя до 80 мм, — тогда она спокойно выдержит попадания снарядов английских «двухфунтовых» орудий. Такая модернизация осуществима в кратчайшие сроки — она сильно не утяжелит танк, и можно обойтись без смены башни.

Андрей знал, что говорил, ведь немцы так в истории и поступили. О других недостатках он даже не заикался — узкие гусеницы не для русских дорог, а люки на стенках башни только ослабляют без того слабую защиту — 30 мм крупновской брони не являются надежной преградой для бронебойных болванок. Да и от «фугаса» мало не покажется.

Но и плюс в этом есть — у каждого танкиста есть свой люк, что позволяет выбраться наружу. Достоинство такой конструкции Андрей еще в Афганистане на своей шкуре опробовал.

Немецкий танк хорош — оптика превосходная, лучше, чем у «тридцатчетверки», да и башня намного просторнее, у каждого члена экипажа есть достаточно места для работы. С комфортом воевать можно.

— Мой фюрер, ваши предложения вполне осуществимы и крайне желательны. Я сам размышлял над этим, но у нас нет на вооружении длинноствольных пушек в 75 мм...

Андрей посмотрел на Шпеера — тот тут же зачеркал ручкой в блокноте. И решил еще раз ошарашить генерала, вспомнив одну статью в журнале. Он показал рукой на стоящий рядом Pz-III:

— Смотрите, генерал. Вот танк, совершенно другой по конструкции, но ТТХ весьма схожи, как и вес. Его «пукалка» в 37 мм не годится ни для борьбы с танками, ни для поддержки пехоты. Если мы перевооружим тот танк, сможем ли мы оснастить таким же орудием этот?

— Нет, — сразу отрезал Гудериан с потрясенным видом и уставился на Андрея таким взором, будто тот в одночасье стал пророком. — Подбашенный погон у Pz-III меньше, потому установка в башне длинноствольной пушки невозможна. Нужно ее увеличить в размерах...

— Так стоит ли выпускать этот танк? — с откровенной ехидцей спросил Андрей. — Ведь при той же массе и размерах, и стоимости, что немаловажно, он будет намного слабее перевооруженного Pz-IV! Есть такая поговорка — третий лишний! А что вы скажете нам на это, Шпеер?

— Для производства лучше выпускать только один танк, так будет менее затратно для экономики. К тому же такая унификация позволит производить больше техники на отпущенные средства.

— Наличие одного танка на вооружении существенно облегчит обучение экипажей, ремонт станет намного проще, — тут же добавил свое слово и Гудериан. — Я буду только рад, если мы в самые кратчайшие сроки перевооружим Pz-IV. А также снимем с производства Pz-III, чтобы освободившиеся мощности направить на выпуск одного танка.

— Тогда пусть Pz-IV станет основным боевым танком рейха, а все остальные типы будут сняты с вооружения за ненадобностью. На базе этого танка нужно производить самоходные артиллерийские и зенитные установки, мостовкладчики, ремонтноэвакуационные машины и саперные танки. А также штурмовые орудия...

— Мой фюрер! Выпуск штурмовых орудий уменьшит число танков. Они не нужны, я в этом полностью уверен!

— Хорошо, Гудериан! Я ценю ваше мнение! — покладисто согласился Андрей и тут же сделал отметку. Вчера Манштейн прямо настаивал на производстве штурмовых орудий, и теперь появилась возможность сравнить его с «Шнелле-Хайнцом».

Не зря он слетал — теперь доверие Гудериана завоевано полностью, что очень важно. Осталось только выбрать момент и озлобить его на Гиммлера — супротив танков вертухаи

долго не продержатся. А он уж «соус» для этого дела позднее подберет, с горчицей и перцем, чтоб эсэсовцев до самой задницы пробрало!

И танковое производство на полгода сорвал как минимум. Пока пушку спроектируют и изготовят, пока в серию пустят — так не то что шесть месяцев, бодяга эта и год длиться может. А выпуск танков при том остановится — производство так сразу на одну машину не переведешь, а машины старых типов выпускать уже не будут. Чего и добивались!

Мюнстер

Оберфельдфебель Готфрид Леске зажмурил глаза от слепящего солнца, и тут же в его мозгу стали перелистываться картинки недавнего прошлого. Дорогой вышла победа у Дюнкерка для люфтваффе, очень дорогой. Все эти дни он хотел только одного — чтобы стремительная тень «Спитфайра» миновала его тяжелый и тихоходный бомбовоз.

Несколько Хе-111 его авиагруппы были сбиты именно над Дюнкерком, и черный дымный след горящих в небе самолетов навсегда запечатлелся в его памяти. Однако страха, того леденящего душу ужаса, о котором ему рассказывали некоторые, он не ощущал. Да и не заикливался на этом — ведь впереди их всех ждала победа.

Но вначале будет перебазировка на захваченный во Фландрии аэродром, с которого до Парижа всего полчаса марша в лазурном и ярком солнечном небе. Словно по заказу пропало ненастье, и теперь их впереди ждет война. И не такая, как под Дюнкерком, где эти вездесущие «ураганы» не давали продохнуть, а во Франции, с «Моранами» и «Девуатинами», с которыми они уже пару раз свели в небе «знакомство».

Французские истребители не произвели на экипаж Леске того удручающего впечатления, что английские. Воевали вяло, на авиагруппу в строю почти не наскакивали, опасаясь попасть под десятки ошестинившихся свинцовой смертью пулеметных стволов. А раз сами боятся умирать, то воевать до победного конца не станут. Оттого экипажи бомбардировщиков стали относиться к небесным «паулю» с легким презрением.

— Экипаж! — рядом раздался строгий голос обер-лейтенанта Фриммеля. — Через четверть часа взлет! Летим на аэродром во Франции.

Леске моментально проснулся, рядом завозились на чехлах остальные «летуны» — всех разморило на солнышке. Однако сонливость была скинута моментально. Обер-лейтенант пользовался у всех безусловным авторитетом, особенно у Леске, который знал, что офицер старый член партии и знаком со многими, кто вхож в близкое окружение фюрера — Адольфа Гитлера.

Глава вторая

«Пора начинать»

«Фельзеннест»

— Мой фюрер! Французская армия занимает участок от моря до Лангийона примерно 40–45 пехотными дивизиями, четверть из которых находится во второй линии. Большинство дивизий не укомплектовано до штатов, потери не восполнены. По крайней мере, 12 дивизий, как нами установлено, имеют всего по два полка пехоты вместо трех.

Голос Манштейна завораживал своей уверенностью, и Андрей помимо воли ощущал, что попадает под влияние этого генерала. Оттого и вырвался на один день на фронт, оставив на него ставку, — хотелось стряхнуть ощущение несчастного кролика, заглядывающего в раскрытую пасть удава.

— Рубеж Соммы на западном фланге удерживает 10-я армия, основу которой составила группа генерала Альтмайера. На фронте от Амьена до Аббвиля она имеет шесть пехотных и кавалерийских дивизий, которые безуспешно пытаются атаковать наши части, закрепившиеся на плацдармах на том берегу реки, неся при этом ощутимые потери. За ними расположена резервная группа главного командования из трех крайне ослабленных механизированных дивизий, потерявших почти всю бронетехнику, а также две танковые, имеющие до половины штатного состава бронетехники.

Указка Манштейна прошла по карте — все эти кружочки, обозначавшие дивизии, давно пестрели в глазах. Андрей даже потряс головой, стараясь скинуть наваждение.

— К востоку от Амьена 90 километров фронт обороняют шесть дивизий 7-й армии. Вторым эшелоном на слабых позициях у Реймса стоят еще три пехотные дивизии. В резерве находится 1-я бронетанковая дивизия, фактически заново формируемая, так как была разбита нами 15 мая на Маасе. Далее на восток вдоль реки Эна до Аттиньи фронт держит 6-я армия генерала Тушона. Ее 8 пехотных дивизий здесь держат фронт с середины мая, как раз по левому флангу нашего прорыва. Потому позиции укреплены лучше, чем в других армиях. Они имели для этого больше двух недель.

— Кто командует французскими войсками? — Андрей решил вставить в доклад начальника штаба вермахта свои «пять копеек».

— Третья группа, состоящая из этих трех армий, объединяется командующим генералом Бессонном.

— А какие резервы главного командования французской армии имеются? — перечень из трех десятков дивизий его не впечатлил, ведь Манштейн упоминал о сорока.

— В Шато-Тьерри находится только одна пехотная дивизия. Еще 7–8 на стадии формирования, которая, судя по всему, затянется до середины июня.

— Мы столько ждать не будем, Эрих, ведь так?

— Так точно, мой фюрер! — впервые Манштейн улыбнулся, словно оценил шутку своего непосредственного начальника.

— Два дня потерпим, пока танки Гудериана соберутся, а там и пора начинать, мой Эрих.

— До наступления группы армий «Б» осталось 24 часа, мой фюрер. А войска генерала Рундштедта и танки Гудериана начнут наступление позже на одни сутки, как только закончится переброска.

Андрей прошелся по кабинету — он не помнил точного числа, когда началось проведение

операции «Рот» в реальной, *той*, истории. Но вряд ли раньше — 5 июня германская армия начнет добивать ошеломленного, находящегося в нокдауне противника. В читанных когда-то книгах историки писали, что французы имели шансы если не на благоприятный исход, то, по крайней мере, на затяжку кампании. И веский аргумент предлагали — танков и самолетов у галлов оставалось не меньше, чем у тевтонов.

Хрена лысого! Наличие танков еще не означает, что они могут переломить ситуацию. Кирасирские и механизированные дивизии обескровлены, а потому не способны нанести контрудар из глубины по немецким танковым группам. А с отдельных танковых батальонов, что «героически» защищают те участки фронта, где германская армия атаковать не собирается, пользы не будет. Они вроде как есть, но на «марсовом поле» их, по сути, нет и не будет. А если и успеют с переброской, то эти батальоны немецкие танковые корпуса просто сомнут и не заметят.

Какая может быть затяжка кампании, если против 70 французских дивизий, треть из которых нуждается в пополнениях, немцы выставили сто сорок, вдвое больше?! Причем германская пехота потерь практически не понесла — войну во Фландрии сделали танковые и моторизованные части.

«Победа как никогда близка!» — Андрей в возбуждении пробежался вдоль стола, непонятно чему радуясь и потирая руки.

Лондон

Уинстон Черчилль прихлебнул коньяка — любимый напиток позволял ему хоть немного скрашивать суровые будни и нести нелегкое бремя спасения империи. Если сказать, что ситуация сложилась катастрофической, то значит лицемерно приукрасить действительность.

В таком крайне угрожающем положении Британия никогда не находилась за всю свою историю. Еще бы — из дюнкеркского капкана удалось вывезти только одну дивизию, но без вооружения и техники, еще от двух уцелели ошметки, а семь дивизий попали в плен.

В Англии есть территориальные войска, численность которых в ближайшие недели будет увеличена вдвое от погибшей армии. Но вот в ценности этих формирований Черчилль не заблуждался. Необученные волонтеры, почти без артиллерии, с одной винтовкой на двоих — да немцы, высадись они на острове, сомнут их, несмотря на стойкость, за считанные дни.

— Он мне так показал, что в переговоры вступать не будет, — тихо, с нарастающим гневом прошипел премьер-министр и закурил сигару.

Этот бесноватый фюрер на компромиссы не пойдет, впрочем, как и он сам. Такова ситуация — или Британия победит воспрянувшую Германию, или нацисты угробят империю, которую его предки создавали веками. Третьего не дано.

На французов надежды не осталось, он это начал понимать уже 15 мая, когда ему позвонил их премьер и истерично заорал в трубку: «Мы разбиты! Мы разгромлены!!!»

А потом пришла и телеграмма: «Мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам все самолеты и все войска, которые только можете». Чего захотели?! Если союзник впал в панику, то ему никто уже не поможет, а посылать своих солдат означает их погубить. В чем Черчилль и убедился несколько дней тому назад. Потерять двести тысяч с лишним — такой катастрофы Британия еще не знала.

На следующий день, 16 мая, Черчилль немедленно прилетел во Францию для совещания с военным и политическим руководством союзников. Доклад генерала Гамелена произвел на всех присутствующих удручающее впечатление — все словно застыли в тягостном молчании.

Как только до Черчилля дошло, что *произошло*, он моментально вскинулся, пытаясь хоть как-то исправить ситуацию: «Где стратегический резерв?» И получил обескураживший всех ответ: «Его у нас нет». Именно с того часа он начал подозревать французов в нечистоплотности, в том, что эти союзники хотят заключить сепаратное соглашение с немцами и бросить британцев. Оттого и решился на эвакуацию, жаль, что поздно, да и германцы оказались на диво быстрыми.

Вряд ли французы удержат «линию Вейгана»: наспех вырытые окопы — худое препятствие для бронированной орды новоявленных гуннов. Империя помочь им не может — на континенте осталось только две английские дивизии. Убрать их нельзя — такая мера окончательно кинет французов в объятия Гитлера. Однако и погубить напрасно эти последние боеспособные соединения Черчилль не желал. Потому определенные меры он уже заблаговременно предпринял...

«Фельзеннест»

— Если бы операция «Гельб», мой фюрер, осуществлялась генералом Гальдером и штабом ОКХ в полном соответствии с их планом, то наши войска до сих пор бы находились под фортами Седана, на Маасе!

— Не стоит преувеличивать, Эрих, — Андрей с интересом посмотрел на отрешенную физиономию Манштейна.

Тот, несмотря на то, что занял место начальника оперативного управления вермахта и получил гарантии для будущей карьеры в роли главы имперского объединенного генерального штаба, был фактически оттеснен от реального руководства операциями. Гальдер, начальник штаба ОКХ, мертвой хваткой держался за свои права и, учитывая давнюю его неприязнь к Манштейну, уступать был не намерен.

— Хотя в ваших словах есть значительная доля истины, — слова были брошены с умыслом, как кидают вязанку сухого хвороста на раскаленные угли. И они достигли цели — лицо генерала покрылось багровым румянцем еле сдерживаемого гнева.

— Если бы не своеволие Гудериана, который игнорировал постоянные одергивания со стороны ОКХ, его танки не вошли бы в прорыв. Да тот же Дюнкерк взять, к примеру! Кто требовал отсрочку для перегруппировки наших войск? И Гальдер на это согласился. Он ничего не понимает, — генерал забурлил чайником на раскаленной плите, — в маневренной войне и воюет по старинке, будто нет танков и авиации!

«Эка как тебя перекосило, батенька. Самому порулить охота, но Гальдер до конца „Рота“ рычаги не отдаст. Уговор дороже денег, да и с цоссенскими умниками ссориться пока неохота. Без надобности нам ускорение и перестройка на ходу, насмотрелся уже. Да и злить ОКХ без надобности не стоит, и так, по сути, их от планирования войны отодвину, но пусть пока верят, что все обойдется, а я, на радостях от победы, передумаю».

— По окончании французской кампании мы примем соответствующие меры, — Андрей постарался добавить весомости произнесенному многозначительным покашливанием. — С капитуляцией Франции война не только не окончится, а будет продолжаться с еще большим ожесточением. Или вы думаете, Эрих, что Англия примирится с поражением?

— Нет, мой фюрер. Пока она рассчитывает отсидеться на своем острове, война будет продолжаться. Так было всегда в истории, британцы способны воевать очень долго.

— Еще бы, у них колонии, весь мир — огромный рынок сбыта, за спиной Америка с индустриальной мощью. А потому у нас нет времени, чтобы Англию, как Трою, десять лет

осаждают. Нужно кончать с этой головной болью раз и навсегда, не позднее августа, в крайнем случае, к середине сентября. Если мы упустим этот шанс, Эрих, другого нам не представится.

— Мы будем готовы, мой фюрер. Адмирал Редер уже начал сбор необходимого тоннажа. Все наши судостроительные мощности переведены на производство десантных барж для перевозки танков и техники...

Андрей, прикрыв глаза, слушал обстоятельный доклад Манштейна — он не ожидал, что за десять дней, с момента принятия решения можно провести такую уйму подготовительных мероприятий.

«А ведь впереди еще два с половиной месяца — середина августа весьма подходящий срок для высадки. Манштейн прав — достаточно пяти дней хорошей погоды, и можно будет перебросить на ту сторону Канала с дюжину дивизий, в том числе несколько танковых и моторизованных. Плюс еще три дивизии парашютистов, если Геринг не подведет.

Но нет, вряд ли Геринг промешкает, сейчас он кровно заинтересован в удачном исходе „Морского льва“. Да и Тодт зашевелился, я ему удачно скинул информацию про паромы Зибеля. Надо же, вовремя вспомнил и чуть не запалился. Разве мог я подумать, что тот не под началом Редера, а подполковник люфтваффе. Зато с июля эти баржи косяком пойдут, как лососи на нерест. Посуды хватит, лишь бы моряков достаточно было. Но адмирал чуть ли не клятвенно обещал, что сотню экипажей дополнительно подготовят, мобилизовав гражданских моряков. Англичане такое сделали под Дюнкерком, и ничего, почти справились».

— Мой фюрер, мне важно понять дальнейшие перспективы войны со стороны политики!

— Да, конечно, Манштейн, — Андрей оторвался от размышлений, ощутив всей кожей, как пристально смотрит на него генерал. — Германия не может воевать против всего света, Эрих. Иначе для нее дело кончится плохо. Тем более воевать с Америкой. Это чревато. Но в союзе с другими державами война с англо-американским блоком может закончиться для нас, и успешно.

— Вы имеете в виду, мой фюрер...

— Надо закончить войну с Францией, Манштейн, — Андрей резко оборвал генерала и добавил, смягчив голос: — Вот тогда мы с вами и поговорим о перспективах!

Сомма

Гауптман фон Люк в который раз удивился невероятной везучести своего генерала, перешедшую и на дивизию. Мосты через Сомму достались немцам в целости и сохранности — французы либо не удосужились взорвать, либо попросту не успели, настолько был внезапен и страшен для них рывок вперед вражеских танков.

Танковая дивизия наступала в привычном порядке — впереди, под прикрытием бронемашин, неслись мотоциклисты разведывательного батальона, за ними танковый полк, а следом пехота на грузовиках и артиллерия.

Движение шло по равнине, и Люк видел, как почти рядом по главным дорогам отступали разбитые французские части 10-й армии, безнадежно пытаясь прорваться через запрудившие магистрали толпы беженцев с немудреным житейским скарбом на повозках и колясках.

И вот сейчас произошла первая остановка — батальон Люка был встречен пулеметным огнем и реденькими шрапнелями. Пришлось спешиться и вызвать на помощь танки с мотопехотой, так как обойти французские позиции оказалось невозможным. В азарте капитан со своими разведчиками вломился прямо в «линию Вейгана».

Жиденькие окопчики с траншеями не произвели впечатления на мотоциклистов, но

атаковали немцы осторожно, продвигаясь вперед перебежками и дожидаясь танков. Люк завалился рядом с солдатами в ложбине, постоянно ругаясь — настроение у него несколько испортилось, а теперь придется сидеть в этой яме под обстрелом с добрых полчаса.

— Господин капитан, ваш завтрак!

Люк повернулся и не поверил собственным глазам. Один из его связных, ефрейтор Фриче, в гражданской жизни управляющий гостиницей в Сааре, подполз к нему и протянул поднос с бутербродами. Больше всего поражала украшавшая их зелень петрушки и бумажная салфетка.

— Да вы просто безумец! Конечно, есть хочется, но сейчас у меня другие заботы — поважнее завтрака.

— Я понимаю, но голодные командиры становятся нервными. А я чувствую свою ответственность за состояние вашего здоровья.

С этими словами ефрейтор был таков — оставив полдюжины бутербродов, тут же пополз обратно, не обращая внимания на рвущиеся на поле боя французские снаряды.

— Угощайтесь, парни!

Люк взял один бутерброд, щедро предложив другие мотоциклистам. Те их быстро разобрали, иногда ломая пополам, по-братски, чтобы всем досталось, восторженно качая головами.

Капитан поймал их взоры и тут же сделал в памяти зарубку. После боя он подаст рапорт на награждение отважного ефрейтора Железным крестом 2-го класса. И если он об этом забудет, то такую рассеянность мотоциклисты никогда не забудут и ему уже не простят.

«Фельзеннест»

Андрей отложил в сторону сводки и задумался. В свое время его сильно озадачил один факт — расходы СССР на оборону в предвоенные годы составляли четверть бюджета. И можно было верить, раз само правительство сквозь зубы это признало. Но, скорее всего, всей правды не сказало, ибо, кроме прямых статей, есть еще косвенные затраты, или те, которые не идут открытой строкой, допустим, деятельность спецслужб, занимающихся разведкой супостата.

Так вот — расходы Германии на войну в процентном исчислении составляли меньше этой суммы, причем все траты немцы скрупулезно учитывали. Две кампании провели, боеприпасов гору истратили, пенсии семьям погибших офицеров и солдат определили, и отнюдь не нищенские, а траты намного меньше. Парадокс?!

Но это не все — промышленность работает в режиме мирного времени, в одну смену. Массу всякого добра гонят на экспорт — торговый баланс сводится почти без дефицита. И не халтуру там, а традиционное немецкое качество. И еще одно сильно удивило — танковое производство в общей смете всех военных расходов едва составляло два процента. Чуть больше сотни бронированных машин в месяц. И полста тысяч автомашин ежемесячно выдают всякие там БМВ или «Мерседесы». СССР, как он помнил из диаграммы в атласе, произведет сто тысяч автомобилей, но за весь год.

Вчера, немного поразмыслив над таким несоответствием, Андрей прямо застыл на месте. Неожиданно ему в голову пришла простая мысль: индустриализация в сталинское время имела конкретную цель — наращивание выпуска отнюдь не гражданских товаров, которые, как он помнил, все годы советской власти были в постоянном дефиците. Производство вооружения росло в циклопических объемах, особенно в тридцатые годы, когда ухитрились выпустить больше танков, чем все страны мира, вместе взятые.

И распорядился принести точные данные по промышленному производству царской России

на 1913 год и всю информацию по экономике СССР, что имелась в распоряжении оперативного управления вермахта. Также быстренько составить аналитическую справку по царской России, какой бы она имела потенциал, если бы не была захлестнута в свое время революцией и Гражданской войной.

За сутки штабные крысы еле управились, и он четыре часа не отрывался от чтения, настолько его увлекло. И поразился — хваленый абвер совершенно не умел работать, в то время как отчеты промышленников и инженеров, работавших в СССР, отличались чрезвычайной точностью и дотошностью. Действительно — почти все промышленные гиганты, построенные ценой великого разорения страны с ее безумной коллективизацией и голодомором, гнали только вооружение и технику.

Уровень жизни в России, соответственно, был крайне низок. В Европе, особенно в Германии, и в большей мере за океаном, в США, производство таких товаров, как утюги, холодильники, стиральные машины, и прочей бытовой техники возрастало непрерывно. Даже сейчас, в условиях войны, немцы продолжали выпуск, причем значительный, этой гражданской продукции. Тот же «Фольксваген» взять, «народный автомобиль». Для простых работяг делался и выпускался отнюдь не в маленьких количествах.

Андрей тут же вспомнил рассказы дяди и отца — оба в один голос твердили постоянно, что магазины всякой бытовой техникой стали чуть-чуть наполняться только в конце пятидесятых, но больше в шестидесятые года. Тогда можно было даже купить «Победу» или «Москвич», а последний автомобиль сделали именно по образцу немецкого «фольки».

«Вот такие пироги с постоянной заботой партии о нуждах трудящихся. А в Москве сейчас лютые очереди, дипломаты всех стран их шагами меряют, до полукилометра получается. И это несмотря на работу НКВД. А что в провинции делается, куда глаз иностранца никогда не глянет?! Я такое даже со времен перестройки не могу припомнить. С этим надо кончать как-то, хватит над народом измываться, лучше пусть утюги делают да масло вместо танков и пушек. Как бы Сталину намекнуть, что воевать с СССР я не собираюсь, чтоб зря не опасался?!»

Абвиль

— «Боши» обманули, — высоченный танкист в измазанном маслом кителе гневно сощурил глаза. — А наши генералы сами себя перехитрили! С таким главным командованием победы не добьешься!

Прошла всего одна неделя, как он, полковник Шарль де Голль, получил чин бригадного генерала — но радости от столь вожаденной награды он не испытывал. И было отчего.

Несколько месяцев тому назад его назначили командиром 4-й кирасирской дивизии, которую начали формировать, но преступно медленно, с началом войны. Дивизия, сильная на бумаге, представляла собой сложный конгломерат частей различного уровня подготовки. Как он радовался, когда получил в распоряжение 3-й кирасирский полк из двух эскадронов, имевших на вооружении новенькие средние танки «Сомуа».

Каково же было его разочарование, когда выяснилось, что командиры машин, набранные, как говорят русские, «с бору по сосенке», никогда раньше не стреляли из орудий, а механики-водители имели за плечами всего по несколько часов опыта вождения этих танков.

Но дивизия пошла в бой, громяхая и лязгая броней 215 танков. И он гордился ею — самая слабая из четырех французских бронетанковых соединений, она единственная не была разбита немцами, нанеся при этом зловердным «бошам» ряд чувствительных ударов.

Полковник де Голль не бросал свои танки в лобовые атаки, как это делали другие

командиры с самыми плачевными для себя результатами. Десятки машин пылали, подбитые противотанковыми пушками, среди которых самым страшным кошмаром стала германская зенитка 88 мм калибра, от нее не спасала даже толстая броня тяжелых танков.

Нет, дивизия наносила немцам фланговые удары, затормаживая продвижение вперед всего танкового корпуса их хваленного Гудериана. И такая тактика была не нова, именно о ней он ратовал в своей книге «За профессиональную армию», изданной задолго до войны мизерным тиражом в несколько сотен штук.

Однако косность генералитета и офицерства, почивавших на лаврах прошлой победы, оказалась настолько велика, что прочитать о новых тактических приемах пожелали всего лишь семь десятков человек, и то, как подозревал сам де Голль, большинство читателей вряд ли носили мундир французской армии. Воистину, нет пророка в своем отечестве!

Расплата наступила в мае, кошмарная и неумолимая, и усугубили ее глупые приказы из ставки. 27 мая полковнику пришлось двинуть все свои 140 танков и шесть батальонов пехоты на Абвиль, где немцы, переправившись через Сомму, создали и укрепили плацдарм для будущего наступления.

Вместе с французами в атаку пошла единственная британская бронетанковая дивизия генерала Эванса, которую по преступному недомыслию или халатности отправили во Францию с одними только танками, без пехоты, дивизионной артиллерии и саперов.

Совместной атакой союзники оттеснили немцев на 14 км, втрое сократив площадь плацдарма. Сам де Голль получил за победу чин бригадного генерала и демонстративно пообедал за столом, который был накрыт вместо скатерти нацистским флагом.

Однако за успех была заплачена слишком дорогая цена: в строю остались только 34 танка. Англичане пострадали намного сильнее — атака танками без поддержки пехоты обошлась им намного дороже. Из 180 машин 120 было подбито, причем 55 танков англичане смогли эвакуировать только благодаря отчаянной атаке французов, пришедших на помощь союзнику в тяжелую минуту.

Единственные бронетанковые дивизии были обескровлены, но немцы ударили совсем по другому месту. Такова ошибка главного командования. Теперь парировать наступление невозможно — танков просто нет!

«Фельзеннест»

— Общий объем производства в СССР предположительно достиг уровня 1913 года только через четверть века. Офигеть можно! — прошептал Андрей, начиная вчитываться в справку, подготовленную аналитиками.

Умеют офицеры генштаба работать, зря он на них батон крошил. Все расписано четко, везде, где нужно, схемы и диаграммы, сделаны необходимые пояснения. К столбикам показателей, приведенным по официальным советским данным, поставили рядышком другие «столбцы», размерами поменьше, то есть реальные, а не завышенные показатели. Андрей пролистал весь текст — нашему официозу немецкие офицеры абсолютно не верили.

Взять, например, население. Официально свыше 170 миллионов населения, и эти данные Андрей в свое время видел. Там фигурировало даже 190 миллионов, но с Западной Украиной и Белоруссией, Прибалтикой и Молдавией. На всех этих территориях как раз и проживают эти 20 миллионов человек. Сейчас последние два региона не входят в состав СССР, оттого нужно вычесть миллионов десять.

В царской России население на 1917 год примерно такое же, минус 25 миллионов, что

выпадали на Польшу, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию. Вроде прирост населения за четверть века, но это только на первый взгляд. За двадцать лет до падения империи население царской России со 129 миллионов увеличилось до 172 миллионов. И, учитывая нормальный естественный прирост, с вычетом потерь в Первой мировой войне и с плюсом тех, кто погиб или умер от тифа в Гражданскую, эмигрировал или не пережил голода, должно было составлять не менее 220–230 миллионов человек.

Покрутив в голове цифру, Андрей схватился за голову — это ж сколько народу в социальных экспериментах угробили?! Сколько детей не родилось, сколько русских мозгов за границу уехало? Только сейчас, вчитываясь в сухие перечни цифр (разве до эмоций немецкому офицеру, если просто считает мобилизационный потенциал то ли союзника, то ли врага), он осознал, какой бесчеловечный режим в 1917 году захватил власть в России.

Дальше пошло веселее — советские колонки добычи разных полезных ископаемых — угля, нефти и железной руды — были чуть выше предшествующих, но выплавка стали и чугуна уже значительней. Тут большевики почти за четверть века добились хорошего результата.

Но, едва он перевернул страницу, Андрея снова затрясло — сухие цифры предполагаемого производства царской России, сделанные на основании наблюдавшегося ежегодного экономического прироста и с вычетом падения на период кризиса 1929–1934 годов, значительно превышали даже официальные советские, то есть искусственно завышенные для популяризации социализма, данные, что он помнил по той жизни. И обоснование железобетонное подведено — почти все угольные и нефтяные источники активно разрабатывались с дореволюционного времени, интенсификация добычи с каждым годом только бы возрастала.

Оно и понятно — размеренный путь развития, увеличивается население, растет и добыча, ведь высокий естественный прирост говорит о повышении уровня благосостояния.

Напоследок приведен десерт — диаграммы промышленного производства Германии, США, Англии и СССР, за которым стояли столбцы виртуальной царской России. Весьма наглядно и доходчиво выполнено — по добыче угля и выплавке стали Англия и СССР значительно отстали от первой парочки. Царская Россия имела показатели ненамного, но лучше. Зато по численности населения лидировала бы, а не отставала от Штатов.

Вывод напрашивался сам собой — индустриализация не достижение Ленина и К°, они смогли только развалить экономику великой страны. Еще бы — Троцкие, Свердловы и прочие «ленинцы» разрушали, а не создавали. А потому Сталин в тридцатые годы совершил невозможное, окончательно измордовав население, дабы восстановить то, что было порушено. И в двадцатые годы, без революционного лихолетья и разрухи, могло весьма положительно и энергично развиваться. А ведь провели еще и коллективизацию...

Андрей скривился снова — погостил он в станице в свое время, поговорил со стариками, что видели и «проклятый» царизм, и «прелести» социализма с его раскулачиванием, трудоднями и запретами.

Если сказать, что матами крыли, значит, ничего не сказать. Страшнее всего было то, что эти слова хоть и говорились глухо, придавленные многолетним страхом, но дышали застарелой и лютой ненавистью к тем, кто провел над людьми такой чудовищный эксперимент.

Синьи-ле-Пети

Генерал Хайнц Гудериан отдыхал, если можно было так назвать четверть часа короткого забытья в раскладном креслице. Все приготовления были сделаны, а нужные приказы отданы. Завтра шесть дивизий его корпуса перейдут в наступление вслед за пехотой, что прорвет

французские позиции. Теперь в победе генерал не сомневался ни на йоту, слишком несоразмерны были силы противоборствующих сторон.

Но сейчас «Шнелле-Хайнц» думал не о войне, которая составляла последний год смысла его жизни. Он размышлял о тех переменах, что произошли с фюрером со времен польской кампании. Генерал вспомнил, как Гитлер посетил части его корпуса после разгрома кичливых ляхов в польской Померании, оттяпанной от Германии версальскими политиками.

Нет, фюрер, как и подобает старому фронтовику, прошедшему ту войну в грязных окопах, был приветлив с солдатами. Но сейчас он сразу же разделил с ними привычную армейскую трапезу — густую похлебку со свининой, хотя в прошлый раз отказался от нее, сославшись на вегетарианство и довольствуясь яблоком.

Однако Гитлер не только поменял свое отношение к мясу, он стал другим, более рассудительным, что ли. Прислушивался к чужой точке зрения, не настаивал на своем, если понимал, что ошибся. Возможно, его изменила война — груз ответственности за судьбу рейха и народа сам по себе является тяжелой ношей, ведь сейчас он главнокомандующий, а не ефрейтор, как двадцать с лишним лет тому назад.

Гудериана поразили глаза фюрера, которыми тот взирал на танки. Даже созерцание новейшей «четверки» не рассеяло в них насмешливости. И тут Гитлер порастил всех — и офицеров штаба, и его самого, и экипаж танка. Фюрер взобрался на броню и, будто сам заправский танкист, уселся на сиденье наводчика, башенного стрелка, как его иной раз называли. Ну а дальше началось невообразимое — побеседовав минут пять с командиром танка, рейхсканцлер покрутил маховики наводки и с извиняющейся улыбкой попросил генерала дать ему пострелять.

Отказать такому просителю Хайнц не смог — целью выбрали сарай, из которого солдаты с веселым гиканьем быстро выгнали скотину. До него было метров триста, и генерал не сомневался, что фюрера ждет афронт, что, конечно, будет не совсем хорошо для его репутации, хотя танкистам такой шаг главнокомандующего польстил. Гитлер нахлобучил на голову пилотку, надел наушники, почему-то посетовав на отсутствие шлемофонов, от которых сам отказался когда-то.

Орудие зарядили болванкой, и танковая башня поползла по кругу. Остановилась, и пушка тут же дрогнула по вертикали. «Крестили» цель (а так называют это весьма характерное действие) очень быстро, буквально несколько секунд — «окуроч» оглушительно рывкнул, выплюнув клуб дыма.

Гудериан не поверил своим глазам, когда увидел, что с крыши стала осыпаться черепица. Второй выстрел, на этот раз зарядили «фугасом», оказался намного эффективнее — дверь в сарай буквально вынесло вместе с косяком. Следующий снаряд попал в угол, такого издевательства несчастное строение не выдержало и под громкие ликующие крики собравшихся танкистов скособоилось и завалилось.

Стрелял сам Гитлер, в этом у генерала не было ни малейшего сомнения, насколько растерянной была физиономия командира танка. Заслуженный фельдфебель даже несколько заискивающе пошутил, что если господин рейхсканцлер оставит свой пост и захочет вернуться на фронт, то от такого наводчика ни один из командиров не откажется.

Фюрер только улыбнулся на слова танкиста и похлопал того по плечу. А Гудериан впервые заглянул ему прямо глаза — генералу на миг показалось, что видит в них бездну...

Глава третья

«Тень Шлиффена»

«Фельзеннест»

— «Сражение, от которого зависит судьба страны, будет дано без помыслов об отступлении, на позиции, которую мы занимаем в настоящее время. Все командиры, от командующего армией до командира подразделения, должны быть воодушевлены неодолимым желанием сражаться на месте до последней капли крови», — громкий голос Манштейна был ровен, без малейшей тени эмоций. — Таков приказ главнокомандующего французской армией генерала Вейгана.

— Где-то я уже подобное слышал, — пробормотал Андрей себе под нос.

— Вы что-то сказали, мой фюрер?!

— Как они реализуют сей приказ, Эрих? Сражаются?

— Да, мой фюрер, — резанул Манштейн и стал водить карандашом по расправленной на столе карте. — На ряде участков они успешно отразили наше наступление. Южнее Амьена их 24-я пехотная дивизия до сих пор сдерживает попытки 9-й и 10-й танковых дивизий прорвать фронт. Мы потеряли полторы сотни танков, многие из которых подорвались на минных заграждениях. На канале Элет все наши атаки на Шмен-де-Дам захлебнулись под огнем их артиллерии. А второй танковый корпус не может пробиться через позиции 19-й и 29-й пехотных дивизий и с трудом отбивает с фланга ожесточенные контратаки 1-й кирасирской дивизии.

— Как я понимаю, танковой группе генерала Клейста пока не удастся прорвать французские позиции?

— Уже почти двое суток, мой фюрер. Но с введением в бой нашей пехоты французы начали отступать. Кроме того, левый фланг обошли танки Гота, которые рвутся к Руану. Сдержать наш прорыв французы не могут — их танковые и механизированные части понесли огромные потери в атаках на наш плацдарм у Абвиля.

— А что у Гудериана?

— Его танковые корпуса сегодня начали рвать фронт, чтобы двигаться вперед. Точный доклад ожидается к вечеру.

— В успехе я не сомневался. «Шнелле-Хайнц» не Клейст, чтоб бросать танки в лобовые атаки на укрепленные позиции.

— Да, мой фюрер!

Андрей задумался, а Манштейн не стал говорить дальше, тактично давая время главнокомандующему для размышления. Неудача танковой группы Клейста не огорчала, наоборот, скорее обрадовала: чем больше немцы потеряют танков, тем лучше.

Андрей вдоволь насмотрелся на то убожество, с которым немцы ввязались в мировую войну, кроме слез и легкой брезгливости, оно ничего другого и вызвать у него не могло. Бросать «единички» и «двойки» в лобовые атаки, в которых противотанковые пушки легко протыкают их картонную броню, было безумием, но ругать ли за это?!

Тем более что восполнить потери быстро не удастся. Уже принято решение выпускать только одну «четверку», потому все заводы вскоре свернут производство прежних типов и будут перепрофилированы на ее выпуск. Для этого нужно время, причем долгое, так что танки начнут поступать только со следующего года в требуемом количестве, а до того в день по чайной ложке

— то есть по два танка или три в лучшем случае.

— Мой фюрер, я уже говорил вам, что полностью солидарен с вашим решением выпускать только Pz-IV. Наличие на вооружении одного типа танка, причем лучшей конструкции и с длинноствольной пушкой, снимет сразу все проблемы...

— Это какие, Манштейн? — сварливо отозвался Родионов, еще не понимая, куда клонит начальник штаба.

— Наше управление по вооружениям до сих пор разделяет ошибочную концепцию взаимодействия двух типов танков — Pz-III с противотанковой пушкой ведет борьбу с бронетехникой противника, а Pz-IV с его нормальным фугасным снарядом занимается пехотой и укреплениями. Но это два совершенно разных танка по типу! Лучше было сделать один, но с разными вариантами вооружения, как вы указали генералу Гудериану.

«Он начал мне чуть-чуть льстить, к чему бы это? Или, наоборот, намекает, что Гитлер в свое время ошибся, принимая танки на вооружение? Или „стучит“ на генерала Томаса? Интересно получается — в ОКВ все три начальника управлений органически не переваривают друг друга, а это для меня хорошо. Тогда не сговорятся между собой. Но куда он все же клонит?»

— Перевооружение позволит создать «универсальный», я бы так сказал, танк, способный как поддерживать пехоту, так и вести борьбу с бронетехникой противника.

— Лучше назвать основным боевым танком, Эрих, так намного точнее и понятнее, — Андрей специально давил на этот термин. — Он станет способным не только наносить удары, но и быть неуязвимым для мелкокалиберной противотанковой артиллерии. С усилением лобовой брони до 80 мм его не возьмет ни одна танковая пушка.

— Я согласен с вами, мой фюрер. Легкие танки с тонкой броней несут слишком большие потери, а потому нужно выпускать машины только с противоснарядным бронированием. Но меня беспокоит другое — остановка производства шасси Pz-III отразится на выпуске штурмовых орудий, которые неплохо зарекомендовали себя во Фландрии. Пехота нуждается в качественной поддержке артиллерии на поле боя, какими себя и показали штурмгешютце.

— Я понимаю вас, Манштейн, — Родионов чуть не закашлялся. Все верно — если Гудериан «крестный отец» панцерваффе, то Манштейн родной «папаша» штурмовых орудий, на выпуске которых настаивал с огромным напором и энергией. — Вам незачем беспокоиться за свое детище, Эрих, — теперь Андрей знал, что еще одна генеральская склока начнется через пару-тройку недель, как только генерал Гудериан примет на себя обязанности главного инспектора и командующего панцерваффе.

«Шнелле-Хайнц» считал, и не без основания, что выпуск штурмовых орудий наносит вред производству танков. Тем паче что в производстве штурмгешютце на базе Pz-III был резон — тут и удешевление изготовления, ведь рубку сварить намного легче, чем изготовить башню, и усиление мощности — «артштурм» вооружен 75 мм «окурком», а не 37 мм «пукалкой». Но с отказом от производства «тройки» в пользу перевооруженной «четверки» выпуск штурмгешютце вряд ли полезен, лучше на шасси сделать нормальный танк с вращающейся башней.

— Переговорите с генералом Томасом, с доктором Тодтом, генерал...

— Это не в моей компетенции! Такие вопросы с ними должен решать начальник штаба ОКХ, мой фюрер.

Безысходность в голосе Манштейна была явной, на Андрея пахнуло родным, почти забытым — «здесь мой номер десятый, мое место в буфете».

— Я вас понял, Эрих, — охотно согласился Родионов. — Как только Гудериан вступит в должность, мы немедленно поставим вопрос.

«Как хорошо, что в рейхе все настолько бюрократизировано. Прямо-таки чудесно. Даже фюрер не может продать решение с ходу, пока оно не пройдет все инстанции. Дело сделано — выпуск танков я им сорвал, теперь медным тазом накроются и штурмовые орудия!»

Шато-Порсьен

Наступление не задалось с самого утра. Пехота не смогла полностью выполнить план — удалось создать лишь два плацдарма и навести мосты. Мало до прискорбности, ибо для продвижения вперед всех шести дивизий танковой группы требовалось не менее восьми мостов.

Генерал Гудериан с нетерпением ожидал рассвета всю ночь, дабы в предрассветных сумерках бросить на французов переправившуюся ночью на плацдарм 1-ю танковую дивизию.

Ждать он не желал, хотя командующий армией генерал-полковник Лист настойчиво предлагал, чтобы танки пошли в атаку вторым эшелоном, дождались бы, когда инфантерия проложит им дорогу вперед. Мысль разумная, но «Шнелле-Хайнц» понимал, что пехотные дивизии, стоит им пройти вперед его танков, просто забьют все дороги своим автотранспортом и многочисленным обозом.

Потому он и отклонил предложение командарма, благо тот уже не мог приказать — вчера приказом фюрера танковая группа была выведена из подчинения 12-й армии и напрямую передана командующему группой армий «А».

Лист только заметил, как истинный пруссак, что танкисты не соблюдают форму одежды, расстегнули мундиры и, о ужас, купаются в реке, не боясь стрельбы противника. Не объяснять же, что находиться летом в разогретом лучами солнца танке — не самое приятное времяпровождение!

На этот раз совместная атака танков и пехоты принесла успех — вначале 1-я танковая, а затем и другие дивизии группы ринулись вперед по проломанному в обороне коридору.

Начался долгожданный прорыв, от которого Гудериан ожидал многого. Главное, невзирая на фланговые угрозы, добраться до Лангрского плато, а там ждать приказа о дальнейших действиях, в зависимости от того, как пойдут действия на других участках фронта.

Потом можно будет бросить танки в обход Парижа с юга или идти к швейцарской границе и полностью отрезать французские дивизии. Лягушатники, что сиднем сидели за бетонными укреплениями «линии Мажино», надеются, что поганые «боши» настолько тупы, что будут лить потоками кровь при штурмах, а не пойдут в обход. Ну что ж, велико будет их разочарование...

Руан

Фон Люк через бинокль рассматривал Руан — его мотоциклисты первыми, как всегда, вырвались к заветной цели. Над городом поднимались черные столбы дыма, свидетельствуя, что люфтваффе уже нанесло удар по намеченным целям.

Нефтехранилище и гавань пылали, летчики знали свою работу хорошо. Дело было в том, что мосты через Сену оказались разрушенными, но тут не их вина — пикировщики никогда не наносили по ним удары, ибо все прекрасно понимали, что лучше захватывать переправы целыми и невредимыми для беспрепятственного продвижения вперед.

К сожалению, это стали понимать и французы, теперь они принялись лихорадочно взрывать все мосты, что лежали на пути прорвавшихся танковых колонн.

Люк немедленно доложил об этой напасти Роммелю, но в ответ пришел короткий приказ

— удерживать высоты, ничего не предпринимать, а просто стоять на месте и ожидать дальнейших распоряжений. Это было так не похоже на обычный стиль генерала, что солдаты принялись судачить между собой о дальнейших перспективах. Вскоре все пришли к единому мнению, что переправа будет крайне трудным делом.

Еще бы так не говорить — должен подойти саперный батальон, их называли в германской армии пионерами, переправить на тот берег штурмовые группы, закрепить за собой тет-де-пон, или предмостное укрепление, и муторно наводить переправу. Возня на сутки, не меньше, — было от чего затосковать его лихим мотоциклистам.

Новый полученный от Роммеля приказ ошарашил Люка — с Руаном и переправами пусть возится подходящая сзади пехота, а 7-я танковая дивизия рванет на запад, к побережью, чтобы выйти к Ла-Маншу севернее Гавра.

Капитан сразу понял замысел командования — не допустить эвакуации 1-й британской танковой дивизии, что как раз и отходила к побережью, ожесточенно сражаясь на промежуточных рубежах.

Ну что ж, раз английскую пехоту отсеки в Дюнкерке танки Гудериана, то Роммелю достанется честь окончательно разбить и уничтожить английские танки. Дать эвакуировать их на остров нельзя, тогда они принесут массу хлопот при высадке, а что она состоится в самом недалеком будущем, Люк нисколько не сомневался.

Капитан тут же отдал приказ идти вперед — мотоциклисты ушли сразу, за ними, заурчав моторами, двинулись броневые автомобили, бронетранспортеры и машины. Мешкать он не стал, генерал Роммель не прощал даже малейшего промедления, пусть и в интересах дела.

«Фельзеннест»

— Необходимо заблаговременно, не дожидаясь конца боев во Франции, принять ряд важных решений. Экономика рейха нуждается в рабочих руках, Эрих, а потому нужно продумать вопрос о демобилизации военнослужащих, особенно старших возрастов, и о реорганизации сухопутных войск. Содержание такого количества дивизий слишком накладно для бюджета.

Андрей знал, о чем говорил: в той Москве он познакомился с ходившей по рукам весьма занимательной самиздатовской рукописью «Ледокола», которую написал кадровый советский разведчик Резун, сбежавший в Англию и взявший псевдоним Виктор Суворов.

Интересная книга — довольно убедительно в ней доказывается, что Сталин собирался врезать Гитлеру всеми силами и очень больно, а оттого развернул ну очень большую армию и изготовил циклопические груды оружия. Все, конечно, так — и армия имелась, оружие тоже было, вот только за уши версия притянута.

А что прикажете делать «лучшему другу физкультурников», когда сосед подмял под себя пол-Европы и держит под ружьем полторы сотни дивизий? Родионов четко помнил одно — если Сталин такой коварный злыдень, тогда почему его бесноватый коллега по социализму, только не интернациональному, а национальному, сразу после окончания боев во Франции не сократил армию, а, наоборот, стал резко усиливать?! В частности, удвоил число танковых дивизий! Это что — крайняя степень проявления миролюбия?

Находясь в ставке Рундштедта, Андрей впервые услышал мимоходом поданную мысль командующего группой армий «А» — не помешало бы после решения западного вопроса перейти к восточному.

И хоть вскользь прозвучало, но этого хватило, чтобы уяснить главное — генералы не

считают, что после победы над Францией стоит останавливаться. А потому Андрей принял решение лишить их «инструментов», чтоб соблазн этих потомков тевтонских псов-рыцарей не мучил.

— Я согласен, что подготовительные мероприятия к частичной демобилизации необходимо провести уже сейчас. Они разработаны, мой фюрер. Нужно только определить число дивизий, подлежащих сокращению.

— Каковы ваши предложения, Манштейн?

— Полностью расформировать все стационарные дивизии — с 554-й по 557-ю, и все девять дивизий охраны тыла. Упразднению подлежат также самые слабые из дивизий третьей волны — 209-я, 228-я, 231-я и 311-я.

— И это все, Манштейн? — Андрея одолела оторопь: ни хрена себе сокращение, которого, по сути, и нет — 13 дивизий и так не годны для поля боя и напрасно хлеб жрут, а 4 самые слабые, почти не пригодные к применению. По сути, вермахт от такого мнимого сокращения совершенно не терял своей мощи. Наоборот, избавлялся от лишних ртов.

— Кроме того, из оставшихся 18 дивизий третьей волны предлагаю уволить в долгосрочный отпуск личный состав девяти дивизий. А также все пять дивизий пятой и все четыре дивизии шестой волн. Их перевести на состояние резервных, с немедленным развертыванием в случае войны.

— Я не собираюсь ни с кем воевать, Манштейн, и тем более с Россией, с которой у нас подписан ряд договоров. Для продолжения войны с Англией нужно иметь достаточное, а не избыточное число войск. Сколько у нас останется дивизий на содержании после выполнения предложенного вами сокращения?

— Пехотных дивизий первой волны 34, без учета переданной в люфтваффе 22-й дивизии. Дивизий второй волны 19, оставшихся из третьей — 9. В четвертой волне 14, в седьмой 13 и в восьмой 10 дивизий. Всего останется 99 пехотных дивизий, 3 горнострелковые, 10 танковых и 5 моторизованных, с учетом сведения в дивизию полка «Великая Германия» и моторизованной бригады. Плюс три дивизии СС — «Мертвая голова», «Викинг» и полицейская, а также моторизованный полк СС «Лейб-штандарт Адольф Гитлер».

— Ровно 120 дивизий, — быстренько подсчитал Андрей и ядовито осведомился тихим шипящим голосом: — Сократили 35, осталось в три с половиной раза больше. И мы сможем их содержать? Как можно прокормить такое количество солдат, вы знаете?

— Мой фюрер...

— Знаю, что вы скажете, Эрих. Что дивизии должны нести службу на оккупированных территориях, что нужно иметь достаточные резервы, что до тех пор, пока идет война, армию не нужно сокращать. Ведь так?

— Так, мой фюрер, — вынужденно согласился Манштейн, как бы нехотя цедя слова.

— Поймите, Эрих, что, кроме армии, есть еще и политика. Открою вам один секрет — доброго соседа не надо оккупировать, его нужно делать союзником. Тогда нам не придется держать у него свои войска, наоборот, в требуемый момент он выставит нам на помощь свои.

— Я согласен с вами, мой фюрер, — Манштейн остановился в ожидании развернутого ответа с объяснениями, не сводя глаз с Андрея.

— Мы покажем всему миру, что не нуждаемся в присоединенных территориях, за исключением тех земель, что населены немцами и были отторгнуты у нас в Версале. Это раз. В первую очередь Судеты и польская Померания. Ну, еще частично Позенская провинция и кусок Силезии. Те округа, что отошли Бельгии и Голландии, мы не потребуем обратно. Так же как Эльзас и Лотарингию. Протекторат, Дания и Норвегия к осени станут полностью независимыми, а мы выведем из этих стран свои войска.

— Но почему?! — Манштейн от удивления вытаращил глаза.

— Не все, что можно делать, нужно делать, мой милый Эрих. Ответьте — насильник владеет телом женщины беспрепятственно, но сможет ли он овладеть ее душой?

— Нет, мой фюрер, — генерал чуть улыбнулся, как бы подчеркивая, что понимает некую долю шутки в вопросе.

— Потому она все время его тихо ненавидит и в удобный момент предаст. А зачем нам это нужно? Лучше сделать по-иному — пусть она нас и любит, и свое тело дает. В исламе что-то есть привлекательное, в том же многоженстве. Каково жить в гареме?

Манштейн засмеялся, оценив шутку, но глаза остались серьезными. Они как бы требовали пояснить: «Ну, и как обеспечить рейху такой гарем?»

— Если боятся, значит, не только уважают, но и ненавидят. А победитель должен быть великодушным. Потому мы не потребуем контрибуций...

— Что?! — голос Манштейна стал похож на кукареканье разом охрипшего петуха. Весь его вид прямо вопиял немым вопросом: «А зачем мы, твою мать, воевали и проливали кровь?!»

— Ограбив Францию после Седана, Германия получила злейшего врага, который отомстил спустя полвека. Вы дадите гарантию, что через какое-то время ситуация не обернется по этому же варианту?

— Нет, мой фюрер. К сожалению, такую гарантию дать невозможно!

— Бисмарк прямо умолял генералов остановиться после Садовой, хотя те грезили походом на Вену. Он добился этого — и Австрия стала нашим вечным и благодарным союзником. Но канцлер не переупрямил генерала Мольтке, которому Эльзас потребовался для улучшения диспозиции будущей войны, и французы стали нашим вечным врагом. Я не желаю снова наступить на те же грабли, Эрих! Нельзя же жить все время, когда над тобой всегда нависает тень Шлиффена!

Таллин

Генерал-лейтенант Лайдонер, командующий эстонской армией, бывший полковник российской императорской армии, не чувствовал привычной горечи крепко сваренного кофе.

Сейчас он вспоминал последние дни сентября прошлого года, когда нарком Молотов, вызвав в Москву министра иностранных дел Карла Сельтера, в ультимативной форме потребовал подписать с Советским Союзом пакт на 10 лет. Согласно этому, с позволения сказать, взаимному соглашению в Эстонии будут дислоцированы части Красной Армии «для обеспечения безопасности Советского Союза в условиях начавшейся войны».

Численность советского контингента составляла 25 тысяч человек, что было больше вооруженных сил Эстонии, в которых насчитывалось едва 20 тысяч солдат и офицеров. Маленькая страна, где населения было чуть больше одного миллиона человек, не могла в одиночку противостоять Советскому Союзу, а потому сразу обратилась за помощью к соседям — Финляндии и Латвии. Те отказались воевать, оставив эстонцев на произвол судьбы.

Лайдонер трезво оценивал ситуацию — после мобилизации, под которую попадало практически все мужское население, Эстония могла выставить едва сто тысяч человек, четыре дивизии, по одной на каждую сторону света.

Боевой техники было до прискорбности мало — 450 орудий, 58 танков и бронемашин, 70 самолетов, — да и та устарелая. Артиллерию представляли пушки и гаубицы царской армии, танки и самолеты были проданы англичанами и французами еще задолго до войны — поступили согласно русской поговорке «на тебе, боже, что нам не гоже». Лишь несколько

истребителей «спитфайр» да пара танков с броневиком — вот и вся современная техника.

Генерал тогда прямо и откровенно посоветовал правительству принять советские предложения, хотя прекрасно понимал, что ввод такого числа красноармейцев будет рассматриваться как оккупация.

Но воевать было бессмысленно: «друзья» по «Балтийской Антанте» — латыши и литовцы — мигом притихли, надеясь, что СССР удовлетворится одной Эстонией, а наиболее сильные соседи, Швеция и Финляндия, отказали в поддержке.

Лайдонер их не осуждал, он понимал, что все эти страны с общим населением едва в 17 миллионов человек не могут воевать с соседом, который только под ружье может поставить не меньше, если не больше народу.

Эстония попала под протекторат (здесь никто из министров не заблуждался) первой, зато потом, к откровенному злорадству эстонцев, СССР «подмял» латышей и литовцев — напрасно те надеялись отсидеться.

Только финны наотрез отказались принимать предложенные им позже условия и пускать к себе Красную Армию. Три зимних месяца они ожесточенно сопротивлялись, к великому изумлению всего мира. Но перевес красных был колоссальным, финны отступали с боями. Однако в марте СССР заключил с ними мир, оттяпав Карельский перешеек с Выборгом и огромные куски территории в Карелии.

Впервые в жизни генерал корил себя за страшную ошибку. Если в сентябре 1919-го он настоял бы перед правительством поддержать войска генерала Юденича, шедшие на Петроград, двумя эстонскими дивизиями, то неизвестно, удержались бы большевики у власти: ведь Деникин подходил с юга к Туле, а войска Колчака пытались перейти в последнее наступление на Тоболе. Тогда они — эстонцы, финны, латыши и литовцы, — возомнив себя действительно независимыми, предали белых русских. Хуже того, воспользовавшись удобным моментом, чувствуя за своей спиной орудия британских крейсеров и мониторов, они стали рвать куски от истекающего кровью соседа...

Генерал скривил губы — какие же они были глупцы, надеясь, что так будет продолжаться вечно. Старинные русские крепости Изборск, Печеры и Ивангород были переименованы эстонцами, но от этого не перестали быть русскими городами с многовековой историей. Зачем они были нужны?!

Он, офицер русской армии, не поддержал своих товарищей по присяге и оружию. Не остановил политиков и сам поддался соблазну создать «Великую Эстонию». Теперь они будут своей кровью расплачиваться за тот грех — русские снова вошли в силу и начали их всех душить поодиночке.

Хельсинки

Маршал Карл Маннергейм молча смотрел на расстеленную перед собой карту, на которой переплетались синие и красные цвета. Весьма наглядная демонстрация уроков, которые вынесла германская армия с той войны.

— Им удалось выполнить «план Шлиффена», хотя на новый лад, — пробормотал старый маршал на русском языке и задумался.

Генерал-лейтенант российской императорской армии, гвардейскую выправку которой не смог сломить даже совсем почтенный возраст — он давно перешагнул семидесятилетний рубеж. В ту войну Маннергейм командовал корпусом, и не его вина, что царская армия не достигла победы, — он сам сделал все, что мог.

— Теперь у нас есть хорошая возможность выстоять, победившая Германия вряд ли будет нуждаться в сильном большевистском режиме.

Маршал бросил взгляд на фотографию последнего российского императора Николая II Александровича, которого вместе с семьей зверски убили в Екатеринбурге, и усмехнулся, вспомнив недовольные взгляды финских политиков, которые побывали у него в кабинете и не могли не заметить эту фотографию. Но все промолчали, слишком велик был авторитет старого служаки, которого боготворила финская армия, от генерала до последнего обозника, выстоявшая в страшной «зимней войне».

Карл Густав Маннергейм в кабинете часто говорил сам с собой на русском языке. Еще чаще использовал свой родной шведский, а на финском так и не научился сносно разговаривать, да и не хотел — года не те.

Тем более что такое нежелание больше слов говорило о его отношении к политикам, что чуть не заигрались судьбой Финляндии, его родины, которую с трудом 22 года тому назад отстояли от озверевших красных банд. И вот теперь большевики снова стоят на пороге, вряд ли они оставят Страну тысячи озер в покое, пока не советизируют ее, как прибалтийские лимитрофы. К сожалению, финские политики слишком поздно осознали, какое чудовище оскалило клыки прямо под боком, зачарованные словами о его «миролюбии», о котором оно постоянно твердило из года в год.

Теперь маску «миротворца» Советский Союз отбросил окончательно, и маршал поставил его на одну доску с нацистской Германией, которую презирал еще больше. У двух диктаторов — Гитлера и Сталина — руки по локоть в крови, начали новый раздел Европы, строят свои «райские кущи», от которых у нормальных людей волосы дыбом встают.

Но свои антипатии Маннергейм никогда не показывал, тем более сейчас, когда судьба Финляндии висела на волоске. Помощи получить было неоткуда, за исключением Швеции, однако попытка унии не удалась — против объединения двух оставшихся независимых стран Скандинавии выступили как СССР, так и Германия, захватившая Данию и ведущая сейчас войну в Норвегии. Норвежцы не выстояли даже при помощи англичан и французов. Их часы свободы и независимости сочтены после разгрома союзников во Фландрии. Эвакуация войск уже заканчивается, это вопрос нескольких часов.

Маннергейм тяжело вздохнул — если финские политики не договорятся с немцами, то новой войны с СССР не избежать, как и будущего поражения, слишком несоразмерны силы.

Но совсем худо будет, если Сталин с Гитлером столкнутся полюбовно — восточный сатрап получит Финляндию, а его бесноватый друг наложит свои грязные лапы на Швецию.

«Фельзеннест»

— Эрих, если мы оставим в вермахте только кадровые дивизии, то у нас будет 34 пехотные дивизии. Все остальные дивизии выводятся в резерв, а их личный состав демобилизуется. Танковые войска формируют пять групп по две танковых и мотопехотных дивизии. В наличии десять танковых и десять мотопехотных дивизий. В число последних войдут также части СС, — Андрей посмотрел на начальника оперативного управления вермахта. Тот при упоминании вояк Гиммлера радостно сверкнул глазами. — А что в остатке имеется? Три горно-пехотные дивизии и одна кавалерийская, составляющие по силе бригады. Три парашютно-десантные дивизии, одну из которых еще предстоит только сформировать, находятся в подчинении люфтваффе. Итого шестьдесят дивизий, вполне достаточная сила для нанесения поражения любому противнику. И не намного больше того, что имела Германия перед прошлой войной.

— Столько же, мой фюрер! Пятьдесят пехотных и одиннадцать кавалерийских дивизий, не считая отдельных бригад. Но тогда дивизии были больше по численности, имели по четыре, а кавалерийские — по шесть полков.

— Так переведите их тоже на бригадную основу, Манштейн, кто вам это запрещает? — Андрей делано пожал плечами. — Главное, что мы покажем миру свое миролюбие, сократив число дивизий. А их структура и численность — совсем другой вопрос, чисто технический. Для реорганизации у вас есть достаточно времени, Манштейн, нужно только правильно им воспользоваться. Подготовьте план и примите все меры к его осуществлению, генерал. Сразу по окончании действий во Франции мы продемонстрируем всем наши мирные инициативы и объявим о сокращении армии.

— Мой фюрер, я все сделаю. — Манштейн щелкнул каблуками начищенных до блеска сапог.

— Да, вот еще что. Для высадки десанта в Англию нужны специальные части в авангарде, такие, как есть у островных держав и Америки.

— Вы имеете в виду морскую пехоту?

— Именно ее, Манштейн. Выделите адмиралу Редеру три-четыре лучшие дивизии из второй волны, пусть они будут числиться в составе кригсмарине отдельными бригадами морской пехоты. Да, вот еще — не лучше ли будет, если мы вообще не станем иметь горных и парашютных дивизий?!

Манштейн несколько ошарашенно посмотрел на Андрея — еще бы, ведь фюрер настаивает на их развертывании, а тут предлагает совершить нечто обратное?! Андрей улыбнулся и тихо пояснил:

— Численность в дивизиях незначительна, вполне можно свести в нормально укомплектованные бригады двухполкового состава.

— Здесь будет только переименование, мой фюрер, — глаза Манштейна блеснули лукавством. — Общая численность дивизий уменьшится до 54, что будет весьма весомым доводом для наших политических деклараций.

— Я рад, что вы меня понимаете, Манштейн. Да, вот еще — я видел во Фландрии огромное количество повозок. Зачем нам столько лошадей, разве мы не можем снабдить все дивизии автотранспортом?

— Мы сможем полностью обеспечить оставшиеся, — генерал выделил голосом последнее слово, — соединения автомобилями, утроив их парк. Все наши дивизии станут моторизованными, или мотопехотными, если судить по аналогии с танковыми группами. А комплектование резервных дивизий, как я понимаю, будет происходить по мере поставок от промышленности и гужевым транспортом?

— Да, генерал. И я надеюсь, что нам не понадобится проводить этого. Длительная война не входит в мои планы. Тем более что предстоит вести ее авиацией и флотом при участии панцерваффе. Да-да, Манштейн, — вряд ли наш друг Муссолини устоит от соблазна ввязаться в эту войну, ведь он сейчас уже ощущает себя победителем, считая Средиземное море «итальянским озером». Мы его просто не удержим от этой пагубной ошибки.

— Вы считаете, мой фюрер, что итальянцы начнут боевые действия в Африке?

— У них много глупости и тщеславия, Эрих, и такое безумство они сделают. Эти шакалы сильно удивятся, когда британский лев, который кажется им издыхающим, больно ударит их своей когтистой лапой. Так что Кириенаку с Тобруком они вскорости потеряют, в этом я уверен.

— Что нам следует предпринять, мой фюрер? — глаза Манштейна полыхнули огнем. Генерал не обольщался по поводу боевых качеств союзников с Апеннинского полуострова.

Ведь еще в ту войну среди немецких солдат ходило крылатое высказывание — «итальянцы существуют лишь только для того, чтобы было кого громить вечно битым австрийцам». И это не шутка, так оно постоянно и происходило.

— Отправим в Африку одну из танковых групп, четырех дивизий будет достаточно. Пехота там не принесет пользы — слишком велики расстояния среди песков и барханов. Продумайте все до мелочей, Эрих. Но командующего я могу предложить сразу — это генерал Роммель. Он неплохо зарекомендовал себя в нынешней кампании, пора ему дать возможность для повышения. И он его оправдает, в этом я уверен!

Таллин

— Это все! Это конец!

Генерал-лейтенант Лайдонер посмотрел на лежащую перед ним бумагу. Каждая строчка письма генерала Траксмаа исходила болью и горечью. Русские не отказались от своих планов, хотя Эстония пошла на все возможные и невозможные уступки своему могучему восточному соседу.

«Мы надеялись, что корпус, в соответствии с конфиденциальным протоколом, предназначен только на время войны и что после войны он покинет территорию Эстонии, в связи с чем все районы его дислокации, постройки и аэродромы были временными. Иллюзии рассеялись во время разговора с Молотовым, когда он выразил в прямом смысле удивление по поводу того, что мы в своем предложении вообще делаем различие между наземными войсками и морскими вооруженными силами — в смысле продолжительности их местонахождения».

Генерал задумался, стал читать дальше. Ответ наркома по иностранным делам и главы правительства СССР господина Молотова лежал перед глазами, а в груди все заledenело в тягостном ожидании.

«Параграф № 3 пакта предусматривает, что наземные и воздушные войска остаются в Эстонии на все время действия пакта. Конфиденциальный протокол предусматривает их количество только в размере 25 000. Мы признаем, что это только на время войны. После войны мы договоримся с эстонским правительством о новом количестве».

Генерал сглотнул комок в горле и чуть дрожащими пальцами расстегнул верхние пуговицы мундира.

«Но для нас важно, чтобы места, где мы будем строить, были бы определены на все время действия пакта. Эти постройки обойдутся нам дорого — невозможно, чтобы после войны мы должны были бы их оставить и перейти куда-нибудь в другое место».

Это был конец, если отбросить дипломатическое словоблудие. Красные и не думали выполнять данные ими же самими обещания. На границе сосредотачиваются десятки дивизий РККА — советский «ограниченный» контингент через несколько дней превратится в неограниченный и фактически оккупирует всю Прибалтику с его родной Эстонией. Дратся почти невозможно, патронов со снарядами только на две недели, и купить их не у кого.

Союзники потерпели сокрушительное поражение, англичане потеряли всю армию, теперь немцы добивают французов. Советский Союз воспользовался удачным моментом и теперь заставит их заплатить по старым счетам.

— Нам в сентябре, — проговорил сквозь стиснутые зубы генерал, — стоило отвергнуть этот ублюдочный пакт. Так и так мы потеряли бы независимость, но тогда не было бы чувства унижительной беспомощности!

Глава четвертая

«Добровольно и с песнями»

«Фельзеннест»

— Всего русские развернули на своей западной границе порядка 80 пехотных, 10–12 кавалерийских и моторизованных дивизий, усиленных 15–20 танковыми бригадами, — голос Манштейна был ровен, ни тени эмоции.

Андрей подумал, что генералу должно быть страшно — ведь за минуту до этого он напомнил, что вермахт располагает в Восточной Пруссии и Польше всего 12-ю ландверными дивизиями относительной боеспособности — ввиду укомплектованности резервистами старших возрастов. Авиации не имелось совершенно, лишь ПВО Берлина обеспечивала одна авиагруппа истребителей в четыре десятка.

— Главная масса русской армии стягивается к границам прибалтийских государств. Переброска поднятых по тревоге войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов идет подчеркнуто демонстративно, без соблюдения маскировки. Кроме того, объявлено постановление правительства, где предписывается задержка демобилизации солдат третьего года службы и всех запасных, призванных на сборы.

— Как интересно, — пробормотал про себя Родионов. Что-то не похоже на мирное и добровольное вхождение Прибалтики в СССР. Какое уж тут согласие, если оно выбивается при помощи грубой силы. Осторожно спросил:

— Что произойдет в ближайшие дни, генерал?

— Оккупация, — четко резанул Манштейн и пояснил: — Согласившись в октябре прошлого года на введение русских войск, эстонцы, латыши и литовцы практически предопределили своим странам этот аншлюс. Советская группировка в этих странах состоит из трех армейских корпусов, в каждом из которых по пехотной дивизии и танковой бригаде с различными частями усиления. Всего насчитывается свыше семидесяти тысяч человек, что соответствует общей численности армий этих государств в мирное время. На вооружении русских имеется до тысячи двухсот танков и бронев автомобилей, более тысячи шестисот орудий и минометов, свыше пятисот боевых самолетов. Что дает им пятикратное превосходство по танкам и двойное в авиации при относительном преимуществе в артиллерии за счет систем более крупного калибра.

— Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева! — неуклюже сострил Андрей, внезапно прозревая некоторые вещи, над которыми раньше как-то не задумывался. И еще он обратил внимание, что Манштейн использует немецкие обозначения для советских соединений — «пехотные» и «моторизованные» вместо стрелковых и мотострелковых, или механизированных, а корпуса вообще стали армейскими. Наверное, генерал так поступает для облегчения его восприятия как верховного главнокомандующего.

— Кроме того, на территории Эстонии и Латвии базируются корабли русских, в том числе крейсер «Киров» и шесть эсминцев, там возводятся береговые батареи и обустраиваются стоянки. Численность флота и строительных частей превышает 15 тысяч человек, что намного больше, чем будет в отмобилизованных ВМС и частях береговой обороны этих стран, при абсолютном превосходстве корабельного состава. Потому в случае возникновения угрозы им просто не дадут провести мобилизацию. В то время как сосредоточенные на границе войска перейдут в наступление.

— М-да, — только и сказал Андрей, ведь о такой роли «советского ограниченного контингента» он как-то не задумывался. А оно имело для военных глубокий смысл, если отбросить политическое словоблудие.

— Абвер с помощью военных разведок этих стран выявил следующее развертывание русских вооруженных сил на границе. На востоке против Литвы и Латвии сосредотачивается 3-я армия генерала Кузнецова в составе 4-го, 24-го армейских и 3-го кавалерийского корпусов, всего 6 пехотных и 2 кавалерийские дивизии при 4 танковых бригадах. Штаб армии находится в Поставах. Русская 11-я армия, штаб которой в Лиде, наступает на Литву с юга своими 10-м, 11-м армейскими и 6-м кавалерийским корпусами. Численность дивизий аналогична.

— Что может противопоставить им Литва? — Андрей скривился от своего же вопроса, понимая его бесполезность.

— Три пехотные дивизии и кавалерийскую бригаду, — Манштейн даже не заглядывал в бумаги, настолько великолепно умещались в его голове эти десятки номеров дивизий и корпусов и места их развертывания. — Они развернуты равномерно, а потому оказать сопротивления не смогут. У нас имеется боевой приказ командарма 11-й, чьи войска совместно с 16-м особым корпусом должны окружить и уничтожить противника под Ковно в местах их постоянной дислокации. Одновременно на аэродромы и мосты будут сброшены парашютисты из состава 214-й десантной бригады. Генерал-полковник Павлов, назначенный командующим Белорусским военным округом, приказал ни в коем случае не допустить ухода литовской армии в Восточную Пруссию.

— А с Эстонией и Латвией что будет? — Андрей задал вопрос, выгадывая время. Он еще не знал, как отреагировать на такую ошарашившую его новость. Вот так и дела — пока Германия связана войной на западе, товарищ Сталин решил за ее спиной провести оккупацию Прибалтики под благозвучным лозунгом «добровольного вхождения в состав СССР».

— Между Финским заливом и Чудским озером развернута 11-я пехотная дивизия русских, а южнее озера соединения 8-й армии в составе 1-го, 19-го и Особого корпусов. Всего 6 пехотных дивизий и одна танковая бригада. Кроме того, начинается переброска войск из Калининского и других внутренних округов — 3–4 пехотные дивизии, 2 моторизованные и не менее 3–4 танковых бригад. Таким образом, русское командование сосредотачивает против прибалтийских стран 25–26 пехотных, 2–3 моторизованные и 4 кавалерийские дивизии, 14–15 танковых бригад и 2 десантные бригады при соответствующем количестве артиллерии и при подавляющем превосходстве их военно-воздушных и военно-морских сил.

— А сколько дивизий могут выставить эти страны? — только и в силах был спросить Андрей — он, по наивности, как же, дружба народов и «Союз нерушимый республик свободных», предполагал ранее, что эстонцы, латыши и литовцы без военного принуждения вошли в состав СССР. А тут такое происходит, прямо в соответствии с известной русской мудростью — «или ты станешь мне другом, или я тебя шибану дубиной».

— Втрое меньше — 11 пехотных дивизий и кавалерийскую бригаду, несколько отдельных батальонов. Я думаю, обжегшись на Финляндии, русские решили перестраховаться и выставили такое огромное количество войск. Но сопротивляться их противники просто не смогут, русские не дадут им времени отмотилизоваться. Война неизбежна и начнется в самые ближайшие дни, мой фюрер! Хотя вряд ли! Я думаю, они уступят без выстрелов.

Сен-Валери-сюр-Мер

Безумная гонка к проливу шла уже второй день. Сминая на своем пути слабые британские

заслоны, мотоциклисты и бронемашины фон Люка рвались к Ла-Маншу, совершая глубокий обход противника.

Часто попадались устало бредущие, отступающие колонны французских солдат, больше похожие на толпы. Они не сопротивлялись, их боевой дух угас. Они равнодушно бросали винтовки, демонстративно сдаваясь в плен. И в изумлении распахивали рты, глотая серую пыль, когда, не задерживаясь ни на секунду, мимо них проносились немцы.

Капитан таким образом выполнял традиционный «безумный» приказ генерала Роммеля — «не оглядываться по сторонам, наплевать на фланги, пленных не брать, пусть проваливаются куда хотят — ваша цель прорваться к высоте и ждать подхода танков».

Люк прекрасно понимал, что стоит ему нарваться на серьезное сопротивление, тем более британцев, у которых еще были танки, как от его разведывательного батальона полетят клочья во все стороны, но командиру дивизии он даже не заикнулся о своих опасениях, прекрасно зная генерала. Тот никогда не потерпит, чтобы подчиненный ему командир не сделал все возможное для достижения цели. Сомневающимся офицеров и тем более тех, кто начинал просить о помощи, еще толком не вступив в бой, Роммель немедленно отрешал от должности.

А потому Люк решил дать понять генералу, что он этот приказ выполнит, и даже больше, проявив требуемую инициативу, хотя и предстоят сложности. Свой ответ он свел к шутке:

— Господин генерал, я понял задачу. Судя по карте, высота эта расположена всего где-то в 10 километрах от берега. Не стоит ли мне сразу прорваться к Ла-Маншу, тогда бы мы могли по меньшей мере искупаться?

Роммель тут же засмеялся — ему нравилось, когда офицеры реагировали на приказы таким образом...

— Я вижу, ваши солдаты уже смыли с себя пыль, гауптман, — Роммель смотрел на голубую гладь Ла-Манша. Разведывательный батальон опередил спешащую дивизию на полдня, но генерал всегда, если считал нужным, сам вырывался вперед.

— Так точно, господин генерал, — коротко ответил фон Люк. Он уже знал, что Роммель отправил в ставку свою чрезвычайно короткую телеграмму — «На море».

— Ну, а раз так, то берите свой батальон, для усиления которого придаю батарею 88. Вам предстоит немедленно захватить маленький порт Фекан и обеспечить продвижение дивизии на Гаврском направлении.

— Есть, — только и ответил Люк — в этом был Роммель, не терпевший даже маленьких задержек. Хорошо, что солдаты успели выбить мундиры и смыть с тела пыль и пот. Июнь — самое благословенное время года, а им снова предстоит воевать и проливать кровь.

Жюневиль

— Да как же его взять?! Снаряд!

Первый раз за долгие годы своей службы генерал Гудериан чувствовал себя таким беспомощным. Продвижение шло успешно, хотя французы ожесточенно огрызались время от времени. Здесь еще не был сломлен их дух, но было ясно видно, что воля к победе у командования уже надломлена, что выражалось в весьма странных приказах — «паулю» запрещалось встречать немецкие танки в открытом поле, а лишь в населенных пунктах или лесах под прикрытием естественных препятствий.

Насчет лесных массивов французские генералы явно перемудрили, находясь в полной растерянности, ибо ни один немецкий генерал, даже находясь в помутнении рассудка, никогда не отправит туда свои танки. Это даже не безумие, а какой-то маразм. Загнать свои войска в

леса и там занимать оборону, думая, что враг будет обязательно штурмовать?! Да проще обойти и двигаться дальше вперед, предоставив пехоте окружать небольшие здесь леса. Дальше просто расстрелять их из гаубиц, а потом хорошо прочесать, пленяя уцелевших!

И на взятие населенных пунктов танковые дивизии шли неохотно — кроме напрасных потерь в технике и людях, такие операции не сулили ничего доброго. Опять же, если были свободны обходные дороги, то танки с мотопехотой рвались вперед, оставляя окруженные части французов пехотным дивизиям, что следовали во втором эшелоне. Но иной раз, когда обхода не имелось, приходилось сражаться, как сейчас.

Трофейная французская пушка калибром 47 мм рывкнула, и генерал не поверил своим глазам. На борту бронированного мастодонта сверкнула искра — защита была просто превосходной.

Теперь генерал не смеялся над «тушей» танка В, которую рассматривал недавно вместе с фюрером. Немецкие противотанковые орудия в 37 мм оказались абсолютно бессильными, стреляя даже в упор. Испытывать танковые пушки в 20 или 37 мм генерал категорически не желал, резонно предполагая, что танцы сами станут легкой жертвой «француза».

Он приказал опробовать трофейную пушку более крупного калибра. В лоб прорвавшийся танк взять не удалось, но когда тот отвернул, то генерал решил тряхнуть молодостью и поразить борт, который обычно слабо бронировался. И вот, выпустив несколько снарядов с одним только промахом, он убедился — противоснарядное бронирование вещь крайне необходимая, дабы не было таких тяжелых потерь.

«Француз», глухо рыча двигателем, медленно уполз, прекратив искушать судьбу. Генерал отряхнул мундир, облегченно вздохнул и решил, что в первый же день своего руководства над панцерваффе он возьмет под самый строгий контроль перевооружение «четверок» на длинноствольную пушку. В голове тут же промелькнула мысль, что было бы совсем прекрасно, если бы на танк удалось установить знаменитую уже 88. Будь она здесь — В-1 давно бы превратился в чадающую копотью развалину...

«Фельзеннест»

Андрей вчитывался в машинописный текст и испытывал тошноту. Все годы, как оказывалось, родная компартия занималась блудливым славословием типа «Слава КПСС», за которым старательно прятала целый ворох всяких гнусных дел и делишек, и лгала, лгала, непрерывно, нагло и подло, прямо в глаза всему миру и своему же собственному народу.

Секретный протокол к «Пакту о ненападении», подписанному Молотовым и Риббентропом, существовал на самом деле. Там черным по белому указывалось, что советские интересы простираются на прибалтийские страны, Финляндию, восточную половину Польши и Бессарабию. Германия эти интересы приветствует и мешать им не будет.

Цинизм в высшей степени, тот, что принят в его злосчастном 93-м, где бандиты вершат судьбу людей. Типа — два авторитета в малиновых пиджаках собрались на стрелку, побазарили по понятиям и определили, какие рынки кто контролирует и прихватывает. А мужикам и лохам слова не давали, их участь одна — стоять вечно в раболепной позе...

В ставке фюрера постоянно находились представители от разных министерств и ведомств, через которых Гитлеру шла информация, и им же отдавались указания. Лишняя передаточная инстанция, дармоеды, если говорить откровенно. Чуть ли не сотня человек кучкуется, ничего не делают, за исключением ежедневных докладов, которые укладываются в четверть часа. Был представитель и от министерства иностранных дел, советник Гервел, что прояснил ситуацию по

прибалтийским странам, и указания, которые отдал послам Риббентроп.

Послы должны были всячески избегать обсуждения всех аспектов усиливающегося давления СССР, более того, не выказывать даже ноток осуждения, наоборот, успокаивать прибалтов.

Вот это и взбесило Андрея — это как на бойне, когда один мясник успокаивает теленка, а второй уже занес над головой кувалду. Противно чувствовать себя соучастником, ибо в *той* жизни он никогда не называл тех же эстонцев чухной или куратами, ведь нормальные люди, работающие, и никому из них в голову не придет писать на заборах или испражняться в подъездах.

Каково им себя чувствовать, Родионов понял, когда прочитал запись беседы датского посла Болът-Йоргенсена с главой НКВД Молотовым. На вопрос наркома, как живется в Дании, посол ответил следующее:

«Дания оккупирована Германией, и ее положение можно сравнить с положением Эстонии, Латвии и Литвы. Правительство руководит вполне независимо. Все существенные вопросы обсуждаются Министерством иностранных дел с Министерством иностранных дел Германии. Дания не имеет никаких оснований жаловаться. Все сведения, распространяемые английскими радиостанциями о том, что в Дании плохо, являются ложными».

— Твою мать! — Андрей затрясся от волнения.

Он осознал, что имеется возможность покончить с этой войной, не допустить ее расширения, затягивания в гибельную воронку все новых и новых стран. Но, пока препятствием стоит нацистская партия, руки у него связаны, слишком резких движений делать нельзя. И как только вермахт освободится от этой коричневой чумы, тогда и появятся нехилые возможности раз и навсегда покончить с этим делом.

Родионов поглядел на разложенную на столе карту — привычные очертания Прибалтики и Финляндии бросились в глаза. Новые границы последней страны, начертанные от руки красным карандашом, привлекли его внимание — глаза быстро пробежались по названиям.

— Ни хрена себе?! Так вы, ребята, неплохо себе руки погрели на нашей Гражданской войне! — удивленно протянул Андрей. Еще бы не изумиться — Печерский монастырь стал эстонским Пеетерсти, Корела-Кексгольм, древняя новгородская вотчина, превратилась в финский Кякисальми, а Двинск, русско-еврейский город (читал о нем в свое время) латышами переименован в Даугавпилс. Но будь это единичным примером, но нет ведь! Глаза бегали по немецкой карте, а она отнюдь не советский агитпром.

«Ладно, хрен с Выборгом, то шведы строили, а Петр Великий завоевал. Но ведь его Александр, что отца своего, императора Павла, приказал умертвить, финнам отдал. А те в семнадцатом дар обратно не вернули, превратив в Виипури. А заодно русские Печенгу, Валаамский монастырь и Реболы, кусок Олонецкой губернии прихапали да еще Карелию требовали! Горячие финские парни! И эстонцы с латышами не лучше — вон как границы свои за счет России округлили. Это ж надо — Ивангород эстонским стал! Да там эстонцев отродясь не было!»

Родионов закипел праведным гневом — красных он не любил категорически, но те сейчас бывшее наследство России, растасканное Антантой, собирать начали. Выходит, что и Сталин за собой правоту чувствует, потому и с финнами война такая усеченная вышла. Вернул России то, что у нее в Гражданскую сосед отобрал, и воевать окончил.

— Лихие ребятки, — пробормотал Андрей, — нет бы сказать лукавый попутал, вот и

пошарились в карманах соседа, пока тот больной лежал. Возвращаем все честно. Так они рогом уперлись и ворованное отдавать не желают. Нехорошо...

Тут Андрей вспомнил рассказ Гудериана о том, как в девятнадцатом году латыши призвали на помощь немцев, стремясь с их помощью вышвырнуть красных из страны. Пообещали тевтонам гражданство и надел земли — те, живо примкнув штыки, махом выбили красных. Заодно вошли в Двинск, который был им отдан Лениным в двадцатом: продолжать войну красные не могли, — и выдохлись, и в стране разруха. А в Риге британский флот стоит. И сразу после заключения мира латыши «кинули» немцев — те получили не гражданство с землей, а дырку от бублика. И обосновали — в Версале Антанта постановила, что все договора с немцами являются недействительными. Очень плохо отозвался «Шнелле-Хайнц» о латышском лукавстве.

— Со Сталиным позже вопросы решать будем, — пробормотал Андрей, — вначале надо сделать так, чтобы прибалты с финнами свое получили...

Вот потому он и вызвал к себе представителя Риббентропа и, дожидаясь его, пододвинул к себе сводку поставок из СССР. Перечень впечатлял — согласно германо-советскому торговому соглашению от 11 февраля сего года, должно было быть поставлено миллион тонн зерна, 900 тысяч тонн нефти, 100 тысяч тонн хлопка, 500 тысяч тонн железной и 100 тысяч тонн хромовой руды, 500 тысяч тонн фосфатов и многое другое — никель, олово, вольфрам, молибден и прочие стратегические материалы.

Причем кремлевские властители оставались не внакладе. Обратным потоком из Германии непрерывно шло оборудование для заводов тяжелого машиностроения — прокатные станы, турбины, механизмы и прессы, а также новейшее вооружение, начиная от самолетов и танков и кончая прицелами с радиооборудованием. Хорошим подарком для Сталина являлся недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», ввести в строй который помогали немецкие судостроители и технические специалисты.

Взаимовыгодный альянс, по-другому назвать такое сотрудничество было нельзя. Да оно и понятно — оба государства оказались в экономической изоляции, ведь главным морским перевозчиком оставалась Великобритания, историческая «владычица морская».

— Мой фюрер! К вам советник из МИДа!

— Пусть он войдет, Шмундт!

Андрей оторвался от бумаг и пристально глянул на вошедшего советника. Тот замер в ожидании, сохраняя пресловутое нордическое спокойствие. Родионов указал ему на стул.

— Передайте министру для послов в прибалтийских странах мое указание. Пусть в неофициальных беседах проявляют видимое сочувствие и выражают надежду, что Советы не зайдут слишком далеко в своих намерениях. В Финляндии же позиция должна быть более лояльной, в любом случае Сталину мы ее не отдадим!

Иначе Андрей сказать не мог — стратегические металлы, главным образом никель, шли из Петсамо-Печенги, на рудники которой проявил свой интерес и СССР. Отдать финнов, конечно, можно, но себя жалко — тогда ему генералы и промышленники за потерю стратегического сырья шею махом пережать смогут. А оно надо? Да и финны за свое стяжательство в прошлом году по морде уже получили, вот и хватит с них. Достижения социализма, такие как массовые «посадки», постоянное «укрепление дисциплины» и бесконечные очереди, вряд ли принесут им благо.

— Да, кстати, советник, вы знаете, какие анекдоты про меня рассказывают в заокеанской прессе? Или их нет?

— Есть, мой фюрер! Их еврейская пресса не может обойтись без...

— Оставьте, я не в обиде! Могу даже сам рассказать вам анекдот, если желаете! — Андрей

усмехнулся. — Они описали такую ситуацию, в которой встретились со мною Сталин и Черчилль. Разговор между нами пошел о господствующих в наших странах учениях и о том, как их воспринимает народ. В качестве замены учению выбрали горчицу, а вместо народа обычную кошку. И решили поставить эксперимент. Вы слышали эту историю?

— Нет, мой фюрер! — удивление советника было искренним. — Даже подобного не встречалось. Я весь во внимании!

— Так вот — я просто раскрыл кошке рот и сунул туда ложку горчицы, заявив, что национал-социализм принимают только так.

На лице советника даже мускул не дрогнул, но в глазах промелькнуло полное согласие.

— Черчилль мазнул горчицей пластик ветчины, накрыл его вторым и протолкнул кошке в рот, ибо та, учуяв нехороший запах, отказалась есть горчицу в чистом виде. Кошка заурчала от вкуса мяса, но через минуту сморщилась. А сэр Уинстон пояснил, что в этом есть суть демократии.

— Смешно, мой фюрер, но удивительно точно, — однако голос дипломата продолжал оставаться серьезным. — А как накормил кошку Сталин?

— А он не стал ее кормить, советник. Он ей намазал горчицей под хвостом. Кошка вырвалась из рук, отбежала в сторону и стала вылизывать пострадавшее место, отчаянно мяукая. А Сталин сказал, что именно так принимают социализм, добровольно и с песнями!

Дози

Готфрид Леске никогда в жизни не видел до такой степени уставшего человека. На молодого француза было больно смотреть — красные, как у кролика, глаза опухли настолько, что еле открывались. Пару раз он даже засыпал над столом, врезавшись головой в тарелку. Хорошо, что макароны уже остыли, и пилот еле их жевал, хотя был, несомненно, голоден.

Французские истребители «Моран» попытались атаковать бомбардировщики прямо над станцией, но, вовремя заметив сопровождавшие их «Мессершмитты», тут же бросились наутек. Лишь один француз, словно пьяный или слепой, пошел на его бомбардировщик, но был тут же перехвачен немцами, что стали чуть ли не играть с бедолагой. Но вскоре «Мессершмиттам» наскучила возня, и парой очередей они обратили «Моран» в костер, хорошо, что пилот успел выпрыгнуть.

На земле его взяли в плен и тут же отправили на ближайший аэродром. Вот так пилот оказался за одним столом с теми, кого пытался атаковать. Для Леске такая встреча имела большой интерес — любопытно же знать, с кем воюешь в воздухе. Но он и опасался поначалу разговора — дело в том, что весь экипаж знал, что Готфрид учил в школе французский язык, однако сам пилот прекрасно знал о скудости своих знаний и боялся попасть впросак.

Однако повезло. Французский пилот бегло говорил на немецком языке, так как в свое время обучался музыке в Дрездене. По его виду нельзя было сказать, что он как-то расстроен от того, что попал в плен. Может, дело в том, что парень просто вымотался до предела? И Леске не удержался от вопроса.

— Война для меня закончилась, — только и сказал в ответ француз, совершенно спокойно и отнюдь не печалься по этому поводу.

Экипаж «Хейнкеля» дружно переглянулся, немцам и в голову не приходило, что противник может отказаться сражаться, когда возможности для сопротивления не исчерпаны.

— Вас так много! Вас невыносимо много! — с каким-то ужасом проговорил француз и повторил эти слова несколько раз.

Наступление для «Лейб-штандарта» началось во втором эшелоне, где эсэсовцы терпеливо ждали, когда пехота прорвет французские позиции на Сомме, и лишь после прорыва фронта полностью моторизованный полк ринулся в брешь.

К вечеру полк уже достиг лесного массива Вильескотерет и стал осторожно продвигаться вперед по единственной дороге, сильно опасаясь, что в любой момент лесная тишина взорвется выстрелами и багровые сполохи прогонят ночную тьму.

Однако ничего не произошло — солдаты 11-й французской дивизии, несколько дней отчаянно сражавшиеся, полностью пали духом. И время от времени группы усталых «паулю», которых настигали эсэсовцы, покорно складывали оружие и падали на траву без сил — для них война была уже закончена.

Лес стал более интересным к утру, когда солдаты стали оглядываться и увидели незажившие следы, оставшиеся еще от прошлой войны. А тут еще командир Зепп Дитрих поведал всем, как встретил он здесь атаку английских танков и подбил огромный еледвигающийся бронированный ящик «самца» и заслужил Железный крест.

Молодые парни тут же стали искать то место, обшаривая глазами уже знакомые им следы войны. Возникли разного рода предположения, но вскоре разговоры затихли, не до того всем было. Ведь для них война шла, а впереди мог ждать новый бой, в котором неизбежны потери.

К полудню мотоциклисты Майера вошли в городок, вот тут-то и навалились на ожесточенное сопротивление французских солдат, что находились здесь в резерве.

И увязли сразу — пулеметные очереди остановили продвижение вперед. Пришлось вызвать поддержку артиллерии, и на город посыпались снаряды, снося с улиц баррикады, за которыми пытались отстреливаться немногие храбрецы.

Большинство солдат противника торопливо сбежали, бросая оружие и амуницию, жители попрятались, и пустынные улицы произвели на Майера гнетущее впечатление. Город словно вымер, и даже выдавший виды гауптштурмфюрер не смог переломить тягостного настроения, что давило душу. Тем более что продвижение вперед несколько застопорилось — французы все же успели взорвать мосты.

«Фельзеннест»

После беседы с чиновником из ведомства Риббентропа, Родионов приказал не беспокоить и разлегся на диване. Бои во Франции шли без его участия как главнокомандующего — руководство вермахта прекрасно знало свое дело, что и говорить. Организацию «Морского льва» взвалил на себя Манштейн, он же решал все вопросы с министерством вооружений.

Новости из Норвегии шли просто великолепные — союзники в суматохе эвакуировали свои войска, потеряв авианосец «Глориес», застигнутый линейными кораблями «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Егеря генерала Дитля удержались в Нарвике, и теперь нужно было высыпать дождь наград, ими заслуженных, — Андрей отдавал тут должное.

Хотя, как шутили злые языки, горные стрелки, испытав на себе все прелести путешествия на качающихся палубах эсминцев, наотрез отказались совершать рейс по морю в обратную сторону. И ответ дали соответствующий — лучше погибнуть на берегу, чем умирать от собственной блевотины на палубе.

Сейчас его занимал только один человек — Сталин. Именно от этого человека зависело

будущее. Если Резун-Суворов прав, то война начнется неизбежно. И факты соответствующие имеются — экономика СССР, как знал Андрей, давно перешла на режим военного времени. Народ конкретно пахал, делая груды оружия и техники.

Это не скрывалось даже в советский период — в хрущевском шеститомнике и брежневском двенадцатитомнике, которые довелось ему почитать, цифры военного производства приводились откровенно. Андрей не поленился и подсчитал, а потом сравнил с буржуазными супостатами — полученная цифирь соответствовала, только у тех он все данные сложил вместе.

Смешно читать рассуждения того же Жукова, в которых он причитает над многократным превосходством немцев в танках и самолетах. Прямо за идиотов читателей держит, хотя в этой же книге приводится соответствующая цифирь, но на разных страницах.

Да и к самому «великому Георгию» Родионов относился без придыхания после того, как побеседовал с одним ветераном, что в сорок втором воевал под Сычевкой. Знаменитая жуковская «трехрядка» оказалась не гармошкой, а валом из трупов наших солдат, что были беспощадно брошены на пулеметы. В этом и есть весь смысл жуковских атак — заваливать вражеские окопы трупами. Но теперь причитают на каждом углу его хвалители, памятники «маршалу победы» и новому «святому Жоре» требуют ставить повсеместно.

А ведь в 1941 году именно Жуков был начальником Генерального штаба, и он вместе со Сталиным несет ответственность за тот чудовищный разгром, в котором были потеряны многие тысячи самолетов и танков, что с надрывом, на голодающих детях, произвели за предвоенные годы, отказывая людям в самом необходимом — хлебе, лекарствах, одежде. Но «стрелочников» нашли других, как водится у нас, чтоб не получилось прямо как у Гоголя про унтер-офицерскую вдову, что сама себя высекла.

Цель была ясна, вот только пути к ней Андрей не видел, а потому беспокойно ворочался на диване. Умиротворять Сталина, отдавая все новые и новые страны и народы под ласковую лапищу Кремля, он уже не собирался. Почему? Да потому, что собственными глазами посмотрел и убедился, что французские пейзажи и немецкие бауэры в сороковом году жили намного лучше, чем наши колхозники даже в лучших «миллионных» хозяйствах в самый расцвет построения счастливого социализма (или просто СС, как шутили). Да и с колхозами-миллионерами дело было совсем наоборот, ибо большая часть из них не миллионные прибыли имела, а соответствующие долги.

А с дорогами вообще жуть, за полвека ничего подобного, пусть даже плохенького, что здесь и сейчас повсеместно сделали, ничего же не имеется. Не страна, а огромный и голодный концлагерь, где поэты занимаются крайне важным делом — прославляют великого акына, вождя, большого друга детишек и прочее...

Дози

Разговор с французом постепенно принял профессиональный характер. К большому удивлению немцев, тот отлично знал цифры и технические детали, намного лучше их всех. Готфрида это даже рассмешило — враг лучше его самого знает, насколько превосходно люфтваффе?!

Пилот летал на «Моране», скорость которого почти на сто километров меньше, чем у «Мессершмитта». Для истребителя это слишком много, а потому откровение пилота ошарашило немцев. Как так может быть, когда командование давно знает ТТХ вражеских самолетов, но не предпринимает ответных мер?! Что это — безумие?! Или наглость с полной уверенностью в том, что «боши» ничего не смогут противопоставить в воздухе?!

Вопросы посыпались градом, но пилот «Морана» либо отвечал на них неохотно, либо совсем ничего не говорил. Однако кое-что сказал — француз последние две недели выполнял больше десятка полетов в день, что было чрезвычайно много. Тут усталость должна была давно свалить парня с ног, но он держался. И совершенно спокойно говорил о таких вещах и о том, что его авиагруппа за эти дни понесла чудовищные потери.

И когда немцы спросили, почему французские истребители зачастую уклоняются от боя, пилот ответил просто, как о совершенно понятном и естественном: «Они не хотят умирать». Он сказал таким тоном, будто нет на свете более понятной вещи, чем нежелание солдата пасть за свою страну.

Лишь раз равнодушие покинуло француза. Когда немцы сообщили ему, что германские войска уже вышли на окраины Парижа, он замолчал и побледнел. Готфриду показалось, что новость сильно задела душу пилота, видно, Париж значит для француза больше, чем победа или поражение.

Глава пятая

«Заветы Бисмарка»

«Фельзеннест»

— Геринг, вы ведь показали русским все, что имеет люфтваффе?

— Да, мой фюрер! Таково было ваше желание, — толстяк сиял начищенной медной тарелкой.

— А зря, — только и сказал Андрей. Но не искренне. Он решил проверить, как отнесутся генералы к его плану по передаче СССР новейших технологий, в том числе и военных. А Геринга выбрал в качестве лакмусовой бумаги.

— Может, не стоит вооружать этого восточного сатрапа нашей техникой? А если против нас самих ее пустят в ход?

— Скопировать ни самолеты, ни двигатели они не смогут. Чтобы производить их, и речи быть не может в ближайшие два-три года, мой фюрер.

— Но оборудование...

— Не так просто развернуть производство. Для этого требуется квалифицированный труд, а он у русских присутствует в малой степени. Варварский народ...

«Нет, этому борову в сообразительности отказать нельзя. Хоть выставляли Геринга клиническим идиотом в нашей литературе, вот только не был он им. Правильно рассудил — германскую технику можно до последнего болтика разобрать, вот только чтобы такую же произвести на советских заводах, много чего нужно, от технической документации до специального оборудования и квалифицированных работников».

— Варварский народ, говорите? — задумчиво протянул Андрей, с трудом сдерживая подступившее бешенство — ну, сукин сын, истинный ариец! Как же его мордой ткнуть?! — Скажите, Геринг, а кем были русские императоры? — вкрадчиво произнес Родионов, глядя на широко распахнутые от удивления глаза Геринга.

— То есть, мой фюрер, как это есть?!

— А то, Геринг. Их император Петр Третий, внук Петра Первого, но он был и герцогом Голштинским. Его кровь на три четверти немецкая. А каждый следующий русский император женился исключительно на наших германских принцессах. Была одна датская, однако это лишь подтверждает правило. Впрочем, это родственный нам народ.

— Нордическая раса, мой фюрер! — Геринг тут же вставил от себя «пять копеек», и Андрей поморщился.

— Мы можем говорить не о династии русских бояр Романовых, а о российской ветви Голштейн-Готторпских. Ведь так?

— Так, мой фюрер, — толстяк угодливо подтвердил, судя по его виду, он просто не понимал, куда клонит Гитлер.

— На протяжении целого тысячелетия на Русь шли норманны, взять даже их первого князя Рюрика. Добрая немецкая кровь вливалась в славян непрерывно, а это говорит о многом.

— Только как о рабах нашего народа, — Геринг презрительно сжал толстые губы. — Само слово «склавен» о том говорит.

— «Склавен» есть раб, ведь так?! Не судите опрометчиво, мой друг. Это относилось только к тем, кто не принимал нашего покровительства, — Андрей не ожидал такого поворота и лихорадочно стал искать выход.

— Неужели вы считаете генерала Фалькенхорста, потомка славян, лишь недавно переделавшего свою «ястребиную» фамилию на немецкий лад, рабом? Или род славных Беловых, что многие века служили рейху? Или...

— Мой фюрер, таких славянских фамилий множество...

— Не перебивайте меня, Геринг! И вот вам еще вопрос — кто из русских в прошлую войну сражался против нас наиболее ожесточенно и никогда не сдавался в плен?

— Это их дикие казаки, мой фюрер! — толстяк даже на секунду не задумался, хотя воевал, как Андрей знал, только на Западном фронте.

— Вы считаете прямых потомков готов, славных наших прародителей, дикими варварами? — передергивать так передергивать, а потому Андрей от всей души нанес словесную оплеуху.

— Мой фюрер, я не знал этого... — проблеял командующий люфтваффе в полной растерянности.

— Готы были воинственным народом, у которых плен почитался бесчестьем. Казаки таковы по происхождению, оттого ничем нам не уступали.

— Но ведь они русские?

— Со временем русская кровь щедро вливалась, но готская кровь ее всегда перебарывала. В Берлине есть казаки?

— Конечно, мой фюрер! Этих русских эмигрантов где только нет.

— Распорядитесь, чтобы ваши люди нашли природных казаков. И пусть спросят у них, кем они себя считают — казаками или евреями, русскими, татарами, поляками или прочими народами?!

Фекан

Разведывательный батальон фон Люка подошел к порту поздним вечером в полной тишине — капитан постарался использовать фактор внезапности на все сто процентов. В гавани находились два британских эсминца, прибывших для проведения эвакуации своих солдат.

В порту и городе царило оживление, союзники начали погрузку на корабли, однако никаких мер предосторожности, к великому удивлению немцев, не предприняли. Даже аванпосты на окружавших высотах отсутствовали. Может быть, дело было в том, что заходящее за горизонт ласковое солнышко припекало, заливая дивным светом приветливый курортный городок?

Люк задумался, прикидывая возможности для внезапной атаки. Присутствие эсминцев его не испугало, хотя их мощная артиллерия могла причинить немцам немало неприятностей. Потому капитан решил действовать предельно нахально, но вначале требовалось хорошо напугать противника, предприняв демонстрацию, и он подозвал к себе командиров эскадронов и зенитной батареи, чтобы отдать им необходимые приказы.

— Высоты перед Феканом займут мотоциклисты. Бронемашины разведки будут держаться в тылу и вступят в дело там, где потребуется. Эскадрон тяжелого оружия непосредственно поддерживает мотоциклистов.

Люк повернулся к командиру приданной 88 мм батареи зенитных пушек — их сокрушительное действие он уже не раз видел.

— Разместите орудия на скалах, чтобы они смогли вступить в бой с эсминцами как в порту, так и в море, если британцы вздумают уйти. Все необходимо проделать тихо, не привлекая внимания. Никаких громких команд и ненужных перемещений техники!

Отправив командиров, фон Люк повернулся к лейтенанту Кардорфу, офицеру по особым поручениям. Капитан знал, что тот учился в Берлинской спецшколе и бегло говорил по-французски.

— Утром вы отправитесь в Фекан с белым флагом и в сопровождении связного. Попросите сопроводить вас к командиру и потребуйте у того капитуляции гарнизона. Скажете ему, что город окружен со всех сторон и что оба эсминца должны немедленно покинуть порт, не принимая никого на борт. Вам все понятно?

— Так точно, герр гауптман, — по лицу лейтенанта промелькнула тонкая усмешка. Офицер прекрасно помнил поговорку о втором счастье...

Москва

— Правительство СССР пролитовское, и мы желаем, чтобы литовское правительство стало просоветским!

Министр иностранных дел Литвы Урбшис вздрогнул от таких слов главы советского правительства, прозвучавших издевательски. Но нужно было отвечать на этот жестокий ультиматум, и он, взглянув на поблескивающие стеклышки очков Молотова, затравленно произнес дрожащим голосом:

— Литовское правительство сделает все, чтобы урегулировать возникшие недоразумения...

Сам министр давно не верил в это — за последнюю неделю советский нажим резко усилился. Несмотря на все меры Литвы по умиротворению своего соседа, СССР продолжал действовать нахрапом. И первой стала Литва — Молотов обвинил литовскую полицию в том, что она занималась похищением военнослужащих Красной Армии.

Премьер-министр Меркис и он сам несколько раз предлагали создать совместную комиссию по расследованию этих обвинений, прекрасно зная, что МВД подобными делами просто не могло заниматься. Зачем предоставлять такой повод для вмешательства во внутренние дела вооруженному до зубов соседу, тем более когда «ограниченный контингент советских войск» взял под свой контроль все значимые точки страны?!

Молотов с ходу отмел все их робкие попытки оправдаться и категорически отказался даже назвать фамилии похищенных солдат. И Урбшис поневоле вспомнил одну русскую басню, которую он прочитал в свое время, учась в гимназии: «у сильного всегда бессильный виноват».

Литовцы не хотели давать даже малейшего повода, дабы не быть проглоченными, но все их потуги оказались бесполезными. Советская сторона легко измыслила предлог, от которого совсем близко до «казус белли», а там и война со всеми ее последствиями.

— Заявление Советского Союза неотложно, господин министр, и если наши требования не будут приняты в установленный срок, то мы двинем в Литву советские войска, и немедленно!

У литовца внутри заledenело — слова Молотова с хрустом проламывали хрупкий ледок надежды, что еще таился в душе.

— Нам нужна такая смена кабинета, которая привела бы к образованию советского правительства в вашей стране.

Яснее сказать было нельзя, и Урбшис непроизвольно сглотнул. Время независимой Литвы уже истекло, осталось всего 24 часа. И какой бы он ни дал сейчас ответ, его страна обречена на поглощение.

Можно избежать крови и принять ультиматум — война и бессмысленна, и бесполезна для его страны, зажатой между коммунистической Россией и нацистской Германией, между молотом и наковальней.

— Дело в том, Геринг, что мы все наследники легендарной Гипербореи, как я вам уже доказал...

Андрей говорил очень серьезно, с таким вдохновенным видом он еще никогда не врал. Нет, не то, врать — значит сознательно говорить неправду, а сейчас Родионов все с ходу придумывал и рассыпал бисером, надеясь на то, что среди ученых найдутся не только противники, но и яростные сторонники некогда прочитанной им версии.

— Мой фюрер, это так неожиданно... О таком я не задумывался, — Геринг не выдержал напора и сейчас находился в полной прострации. Мир переменялся, с фюрером во главе.

— Выходит, что мы, германцы и русские, люди из одного корня?! — лицо толстяка пошло багровыми пятнами.

— Да, мой друг, — Андрей прибавил проникновенной теплоты в голосе. — Я сам жестоко заблуждался, когда считал иначе. Но здесь нет нашей вины, а есть наша общая с тобой беда.

«Еще немного, и я полностью перетяну его на свою сторону. От „ты“ и „друга“ он уже „поплыл“ и усвоил, что я его от себя не отделяю, а считаю своим единомышленником и сторонником».

— Они нас с тобой нагло обманывают, эти господа ученые, что содержатся Гиммлером и Геббельсом. Да в том же Аненербе! Или не говорят нам всей правды, потому что сами ее не знают. Но если все дело в первом, то такое непростительно! Со вторым легче, еще можно исправить!

— Да, мой фюрер, я полностью с вами согласен! — голос Геринга разом окреп, плечи его распрямились, громко звякнула сталь в произнесенных словах. Еще бы, покончить с двумя конкурентами, низвести их на второстепенные места — такого шанса наци номер два потерять не мог.

— Ответьте мне на один вопрос, Геринг. Какой народ, кроме немцев, наиболее жестоко пострадал от власти еврейского капитала?

— Русские! — Геринг тут же рубанул ответ. — Они погубили Россию, и такой же участи чудом избежала Германия!

— Вы правы, Геринг! Мы всегда дружили с русскими и только два раза воевали с ними, и то по дурости. Фридриха Великого толкнула Англия, это порождение еврейской демократии, но их Петр Третий сам вернул нам Пруссию. Разве мы можем назвать его врагом?

— Нет, мой фюрер! А в прошлой войне Россия сцепилась с нами, проплаченная французским еврейским золотом!

— И они ее погубили! Недаром великий Клаузевиц перешел на службу в русскую армию, ведь мы дрались плечом к плечу под Фридландом, Дрезденом, Лейпцигом и прочими победными местами нашего оружия. Можем ли мы считать русских врагами после такой славы?!

— Нет, мой фюрер! — громко ответил Геринг и тут же стушевался. Виновато глянул и тихо спросил: — А что коммунисты?

— Вы считаете жидовствующих интернационалистов русскими людьми? Да они глумятся над собственным народом, как его злейшие враги. Нищета, голод и террор — вот их инструменты, — Андрея затрясло от сдерживаемого гнева, абсолютно искреннего. — Я прочитал десятки сообщений наших специалистов, что работали в России в двадцатых и начале тридцатых годов. Русских людей низвели на положение рабов, устроили голодомор — они гибли сотнями тысяч! Кайзер стремился спасти Германию, приведя большевиков к власти?! Но

он не только ее не спас, он погубил нашего естественного союзника. Эта война была не нужна ни нам, ни русским, мы взаимно погубили друг друга. А кто остался в выигрыше, кто, Геринг?!

— Западные плутократии, мой фюрер! Когда немцы с русскими жили в дружбе, они боялись даже пискнуть! Сидели как мыши под веником!

— То-то и оно!

— Но Сталин всех евреев из руководства партии вывел! Да и прежнее руководство несколько лет тому назад почти все казнили. Похоже на то, что в России свой «термидор» начался, хотя и затянутый во времени.

— Оп...

Андрей поперхнулся от слов Геринга, они ударили его прямо в душу. Он содрогнулся так, словно ведром колодезной воды окатили.

«А ведь боров прав! Как же мне такая простая мысль в голову не приходила. Ведь кто в „Огоньке“ и прочих журналах писал? Да отпрыски тех коммунистов, что власти лишены были и в подвалы чекистами брошены. И год один лишь запомнился — тридцать седьмой! Почему? А ведь тогда в мясорубку террора народа попало на порядок меньше, чем в Гражданскую и коллективизацию, зато каких?! Цвет партии, ленинская гвардия — те, что вершили судьбу революции и страны в Гражданскую и даже дальше. И со Сталиным их не сравнить. Кто был грузин в то время? Наркомнац, его номер десятый, а место в буфете. Серьезных решений Сталин в одиночку принимать не мог вплоть до начала тридцатых, даже до убийства Кирова. Правила другие, и большие и малые, на всех уровнях. Они и коллективизацию провели так, что голодомор страну накрыл — ведь недаром Сталин „головокружением от успехов“ их дела назвал.

Что требовали „дети Арбата“ в „перестройку“? Вернуться к ленинским принципам, которые искажил Сталин! Вернулись... и охренели всей страной! Такая кровь и грязь хлынули, что коммунистическая власть разом доверие потеряла, каким еще пользовалась. Это надо же — Ленин и вся его камарилья Россию оккупированной страной считали. А фраза Ильича, чтоб ему ни дна, ни покрывки: „Мне на Россию наплевать, я большевик!“ Хорошо бы слова, так он дела такие наворочал, до сих пор оторопь берет».

— Сейчас мы союзники со Сталиным, и у нас много общего, мой фюрер!

Громкий голос Геринга ворвался в разум Андрея, и он очнулся. Оказывается, все это время толстяк его в чем-то убеждал, а он его даже не слышал, думы тяжкие овладели.

— Конечно, много. Даже больше, чем ты считаешь!

— И как же быть, мой фюрер?

— Тут нужно крепко подумать. Как только победим Англию, о Франции я не говорю, мы подумаем, как нам крепче русский народ привязать. Мы не в силах победить мировую плутократию, та же Америка, несомненно, рано или поздно придет на помощь англичанам, у которых полмира под пятой. Если авиацию мы можем развернуть, построить самолеты, что настигнут плутократов в их же логове, но постройка флота дело целого десятилетия! А потому союз с русскими как никогда важен.

— Я тоже так считаю, мой фюрер!

— Дело того стоит, Геринг. И сейчас мы об этом и поговорим! Нам нужно вернуться к старой и доброй политике «союза трех императоров», где место прежней Австро-Венгрии займет Японская империя. Наш нынешний союзник намного сильнее.

— А итальянцы занимают место России...

— Нет! Россия займет свое надлежащее место великой державы, а любители макарон сильны имперскими амбициями, но бессильны их подкрепить. Не стоит обольщаться по этому моменту, Геринг, и принимать их всерьез.

В последние дни германский посол и военный атташе явственно отошли от прежней политики холодной и безучастной отстраненности, что наводило на мысль, что поглощение стран Прибалтики было заранее predetermined двумя диктаторами.

В марте прошлого года Гитлер под угрозой войны заставил литовцев отдать Мемель, где 80 % населения составляли немцы. Этот город Литве передала Антанта, проводящая политику максимального ослабления Германии. Его переименовали в Клайпеду, но разве он от этого стал литовским?

Урбшис тяжело, но незаметно вздохнул. Может быть, не стоило соглашаться на версальские решения и брать порт?! Оговорить там свои права, но оставить за немцами? Хорошо, что сейчас этого камня преткновения уже нет, а немцы неожиданно, хоть и мимолетно, вскользь, но начали демонстрировать сочувствие, как бы говоря: «Да хватит вам уступать Советам».

А может...

Мысль обожгла Урбшиса — немцы у Парижа, война победоносно окончена, в этом уже никто не сомневался. Англия со своего острова вряд ли способна на продолжение войны.

Может, лучше попытаться выиграть время?! Ведь еще в ту войну Германия показала, что для нее не проблема быстро перебросить войска с запада на восток. Вряд ли Гитлеру нужно такое усиление сталинского режима. Зачем?! А если попытаться оказать сопротивление, дожидаться помощи от Германии?!

— Ваше высокопревосходительство! — Урбшис унял дрожь в голосе и предпринял последнюю попытку «умиротворить» Молотова и выиграть хоть немного времени, хоть пару суток. — Я не вижу статьи, на основании которой можно было бы отдать под суд министра внутренних дел Скучасы и начальника политической полиции Повилайтиса. А это очень важно, как тут быть?!

— Прежде всего их нужно арестовать и отдать под суд, — голос Молотова стал скрипучим, стекла очков презрительно и победно сверкнули. — А статьи найдутся! Да и наши советские юристы вам помогут в этом. Хм... Изучив литовский кодекс, конечно...

Фекан

Ситуация оказалась патовой — британцы наотрез отказались капитулировать и продолжали суетиться в порту. Люк вторично отправил Кардорфа с ультиматумом, грозя открыть огонь ровно в полдень и поугаить мифической атакой бомбардировщиков, но упрямые островитяне наотрез отказались капитулировать.

Теперь выхода не оставалось, иначе фон Люку грозила «потеря лица». Он еще раз прикинул возможности — получалось немощно и хило. Батальон имел только одну противотанковую пушку калибра 37 мм, да на бронеавтомобилях были установлены 20 мм орудия, которые были скорее тяжелыми пулеметами и не больше. Если бы не батарея зениток, то капитан никогда бы не решился на подобное нахальство.

— Нам придется сдержать слово и ровно в полдень открыть огонь, — заявил Люк собравшимся возле него офицерам. — Стрелять бегло, задействуйте все, что можно, даже ракетницы. Нужно создать у противника ощущение того, что мы намного сильнее, чем в действительности. Наводчикам 88 мм орудий постараться попасть в эсминцы, разнести

орудийные башни и мостик!

Не успел Люк окончить, как ему доложили, что прибыл француз с белым флагом в гражданской одежде из местной мэрии. Капитан тут же приказал привести к нему парламентаря и задал мучавший его вопрос:

— Что у вас происходит, месье?! Почему мэр не сдает город? Скажите мне, где британцы? Какие здания наиболее важные?

Вопрос был не праздный — Люку не хотелось превращать этот известный курортный городок в развалины или пепелище. Все, и он сам, прекрасно понимали, что война близится к завершению, сопротивление французов сломлено, и вопрос об их капитуляции — дело нескольких дней. К чему лить кровь и нести совершенно ненужные потери?

— Британцы в порту, грузятся на корабли. Смываются, покидая нас на произвол судьбы. Посмотрите, вон там бенедиктинский монастырь, в центре ратуша, а на набережной у нас казино.

При слове «монастырь» фон Люк насторожился, как охотничья собака, и сложил в уме два и два, забыв тут же про войну.

— А не в этом ли монастыре производят знаменитый на весь мир бенедиктинский ликер?

— Так точно, именно в нем, — произнес пожилой француз, невольно демонстрируя подзабытую с прошедшими годами военную выправку. Люк это заметил и усмехнулся, жестом подозвав офицеров, что слушали диалог, подойти к ним поближе.

— Монастырь, ратушу и казино не трогать. Сосредоточьтесь на гавани и радиостанции. Задача зениток разнести ее первыми выстрелами, затем перенести огонь на эсминцы. Постараться нанести им повреждения, а при удаче не выпустить из порта. За дело, господа!

Люк машинально посмотрел на наручные часы, по вбитой привычке отмечая время. До конца ультиматума оставалось ровно четверть часа, а там все решит оружие. Батарея зениток против двух эсминцев, каждый из которых намного сильнее всех орудий отряда. Чудовищное неравенство сил, где помочь может только капризная дама по имени Фортуна.

«Фельзеннест»

— Геринг, вы сделаете это?

— Да, мой фюрер. Я сейчас же отдам приказ, мои люди незамедлительно приступят к внедрению выработанных нами рекомендаций. Превозносить достижения русского народа, связать прошлое и новое — это вы, мой фюрер, гениально задумали!

— Первенство будет за вами, люфтваффе утрет нос и Геббельсу, и Гиммлеру. Вспомните заветы Бисмарка, что советовал умиротворять Россию. Понимаете, Геринг, Россию! А не одних только коммунистов. Мы сейчас союзники Сталину, но должны еще помогать и русскому народу. Вот и займитесь этим делом, фельдмаршал.

— Есть, мой фюрер!

Андрей в задумчивости пробежался по кабинету — с этой привычкой настоящего Гитлера он не смог ничего поделать. Да и сейчас, основательно «запудрив» Герингу мозги, он так и не видел конечной цели. Смягчить русофобию, и значительно, можно, но сразу же встал извечный русский вопрос — а дальше что делать?! Вот здесь он не видел никаких перспектив.

Да, Сталин прагматик, и его отличие в том, что он понял, что без созидания страну не возродишь. И он сделал это — перебил тех, кто готов был бросить остатки сил на мировую революцию, и за десять лет задымили трубы сотен заводов, страна заменила керосинки на электрические лампочки. Но какой ценой? Тотальным ограблением народа! И сравнить есть с

чем — в той же Германии госсектор занимает значительное место, но эффективность не сравнить, как и уровень жизни. А почему? Дело в том, что как ни крути, но конкуренция — дело великое. Оттого в Германии в магазинах полки набиты, а в России, даже в столице, они пусты.

Военное производство СССР выпускает технику вполне сопоставимую по качеству, но в гораздо большем количестве. Парадокс? Нисколько, ибо здесь конкуренты есть, только выступает в их роли противник.

Да и с идеей мировой революции не так все просто. Почему Сталин передумал вожakov Коминтерна? Да и Испании он оружие продавал, заполучив взамен золотой запас страны. А Хрущев и Брежнев, наоборот, бесплатно гнали технику в невероятных количествах в любую точку мира, где могли с трудом проговорить слово «коммунизм». И что в итоге — опять разоренная страна, карточки на многие товары, ничего не стоящие деньги. Конечный результат он видел собственными глазами, когда народ, стряхнув коммунистический дурман, ударился во все тяжкие. Нужно ли такое повторение истории?

Геринг ошарашил его своим мнением — коммунист ли Сталин? Сейчас Андрей не пришел к однозначному выводу — то, что он узнал за это время, во многом опрокидывало его давешние представления. Нет, Сталин коммунист — это точно. Но в то же время давший приоритет не только интернационализму, но и патриотизму. Особенно в годы войны, когда нужно было спасти Россию. Вот тогда он и вспомнил и про церковь, и про погоны, и Суворова с Кутузовым. Но не сейчас — хотя фильм «Александр Невский» и снят. Но он один такой — видно, вождя сомнения преодолевают, стоит ли патристическую карту разыгрывать. Мало ли что?

В одном Андрей был точно уверен — коммунисты держались у власти благодаря не только социальной демагогии, но и террору. Именно постоянное кровопускание, в результате которого гибли те, кто имел свое суждение, и привело в конечном итоге к созданию дремучей массы, название которой закрепилось в обиходе — «совки». Загнав церковь (Хрущев обещал к 80-му году построить социализм и показать последнего попа), растлив и развратив народ с малых лет (а как иначе получить Павликов Морозовых, готовых донести на собственных родителей?!), погрязнув во лжи и трескучих словах, но отказавшись при Брежневе от террора, коммунисты вырыли себе яму, в которую их и свалили. Какая уж тут всенародная поддержка?!

Нет, помогать им в этом деле нельзя, но и воевать тоже — взаимное истребление не может нести ничего доброго. Более того, за эти три недели он полностью убедился, что социализм оказывается абсолютно разным.

У немцев материнство и детство находятся под такой защитой, что сравнивать нечего. Безработицы нет как таковой, но если у Сталина переполнен ГУЛАГ, то здесь работяги имеют приличную зарплату и даже сейчас могут позволить такое, что наши могли приобрести лишь в шестидесятые, если не семидесятые годы.

Так что определение «казарменного или лагерного социализма» сейчас вызывало у Андрея не только отторжение, но и ненависть. Теперь он понял, почему европейцы до дрожи боялись СССР — кому ж понравится иметь рядом с собой соседа, который не только вооружен до зубов, но и пролить кровушку не погнушается. А уж все, что нажито трудом, так конфискует махом, не задумываясь ни на секунду, по гениальному ленинскому принципу «грабь награбленное». Все должны быть равны, а такое достигнуть можно, если народ одним махом превратится в нищих...

— Статс-секретарь генерал Мильх уже принял меры по увеличению выпуска боевых самолетов, — голос Геринга привел Андрея в чувство, оторвал его от размышлений. Фамилия второго человека в люфтваффе была ему знакома, как и то, что он был чуть ли не единственным евреем среди генералитета авиации. По крайней мере, так писалось в одной из книг. И он решил

проверить этот факт.

— И как же вы его сделали немцем, фельдмаршал? — со смешком спросил Андрей, решив, если что не так, свести все к глупой шутке, дав немедленно задний ход.

— Мы из него сделали ублюдка, чья мать согрешила! — Геринг заржал, совершенно не стесняясь. Гордость прямо его распирала. — Тем более что быть родовитым ублюдком намного лучше, чем иметь родного отца-еврея!

— Ага, — машинально согласился Андрей, зная пещерную ненависть нацистов к евреям, понять которую он просто не мог. Уничтожать детей в газовых камерах и гордиться этим?! Нет и еще раз нет! Нужно что-то сделать, но как?! И неожиданно его осенило.

— Скажите, фельдмаршал, что дороже — капля благородной немецкой крови или ведро черной еврейской? — вкрадчиво спросил Андрей, видя, что лицо толстяка несколько вытянулось. Всем своим видом тот давал понять, что принимает вопрос чисто риторическим, на который не требуется ответа. — Так почему солдат, бабка которого была еврейкой, награжденный в ту войну Железным крестом, проявивший храбрость при защите рейха, считается евреем?!

— Так он же на четверть еврей! — быстро ответил Геринг и недоуменно посмотрел.

— Так вы хотите сказать, что четвертушка гнилой крови способна задавить втрое большее количество благородной германской крови?! Так ведь?! Что три наших славных летчика люфтваффе не стоят одного пилота-еврея английской авиации?!!

— Нет, мой фюрер! Конечно, нет! — возопил Геринг, за одну секунду посерев лицом.

Глаза толстяка вылезли из орбит, лоб собрался морщинами — умозаключение Гитлера его шокировало, ведь о таком повороте он раньше просто не задумывался. И Андрей, уловив это, решил еще больше надавить, он уже понял, как правильно нужно его «грузить».

— Мы несколько поспешно приняли расовые законы, мой друг! Тот, в ком есть германская кровь, не может быть поляком, французом или евреем по определению, если в нем бьется наш дух и сердце. Он немец, и точка! Неужто наша кровь проиграет схватку чужой, что даже не кровь, а так, жидкость?! — теперь уже завопил и сам Андрей, чувствуя, что внутри «очухался» настоящий Гитлер. — Мы немцы, фельдмаршал, если в нас течет хоть капля крови и горит ледяное пламя нордического духа! А потому на ваше люфтваффе ляжет нелегкое бремя показать всем, что такое настоящая германская кровь! И вы примете всех новых немцев, Геринг, что стали «евреями» по глупости и преступному недомыслию Гиммлера!

Фекан

Удача явно была на стороне немцев — не успел Люк произнести команду «огонь», как над портом появилась целая эскадрилья бомбардировщиков люфтваффе, направлявшаяся, по всей видимости, в Англию. Они пролетели над портом, но тут один самолет сбросил три бомбы. Или по ошибке, или захотел попасть в эсминцы — ответа Люк не знал, зато возрадовался, когда увидел взметнувшиеся в небо водяные столбы — наглядное подтверждение его нахальства и блефа.

— Огонь! — прокричал капитан, терять такой удобный момент он не хотел.

И тут же не очень эффективный, но интенсивный и эффектный град обрушился на намеченные заранее цели точно салют. Можно было любоваться этим фейерверком синих, красных и желтых трассеров, дополненных выпущенными сигнальными ракетами.

Эсминцы, как только узрели бомбардировщики в небе, тут же прервали погрузку и стали уходить прочь из гавани, быстро набирая ход. Немецкие зенитки уже перенесли огонь на них, а

это добавило кораблям резвости.

Тем более когда один из снарядов поразил концевой эсминец, за которым тут же потянулся дымный след. Правда, и ответный огонь британцев нанес немцам потери, хотя намного меньше, чем рассчитывал капитан, но больше, чем он желал в глубине души.

В этот момент в лазурном небе появились два британских бомбардировщика «Веллингтон», попытавшиеся атаковать позиции зенитчиков. Лучше бы они этого не делали — расчеты тут же вспомнили свою основную специальность. Длинные хоботы орудий тут же задрались и первым же залпом поразили тихий, еле ползущий в синеве бомбовоз.

Экипажу повезло, в небе вскоре расцвели белые круги парашютов и медленно поплыли к земле. Второй «Веллингтон», посмотрев на печальную участь товарища, от атаки отказался и под громкий смех зенитчиков, с ликованием отмечавших победу, растаял точкой вдали, устремившись к родным берегам не столь далекой отсюда Англии.

— Над городской ратушей французы подняли белый флаг! Это капитуляция, герр гауптман!

— Прекратить огонь! — немедленно приказал Люк, гордясь в душе одержанной победой, но сохраняя на лице маску полного спокойствия, и подозвал к себе лейтенанта Кардорфа, у которого уже был опыт переговоров с местной городской властью. — Мы с вами вдвоем сейчас поедem в город и примем сдачу в плен остатков гарнизона. Надеюсь, британцы вывезли на своих эсминцах меньшую часть и тем оставили нам больше славы!

Глава шестая

«Хватит с них и этого»

«Фельзеннест»

— В Париж не вступать ни в коем случае! Ни дивизией, ни батальоном, ни взводом! Это мой категорический приказ, Манштейн. Он доведен до командования ОКХ?

— Да, мой фюрер! Генерал-oberст Браухич уже отдал все нужные распоряжения. Город будет обойден с запада и востока и останется «открытым», пока французское правительство, эвакуированное в Бордо, не заключит с нами перемирие.

— Это хорошо, Манштейн, — Андрей прошелся по кабинету и с тоской во взоре посмотрел на заветный шкафчик.

Вот попался так попался — раньше *тот* Гитлер выпивал полдюжины рюмок ликера за год, а теперь он поймал на себе недоуменные взгляды камердинера и адъютантов, когда за неделю выхлестнул бутылку.

У, немец-перец-колбаса, на носу сидит оса! Чуть ли не алкоголиком своего любимого фюрера посчитали, когда тот ухитрился за цельную неделю початую бутылочку высосать. Не знают они русской души, ох не знают! Пока не знают!

Да в общаге пол-литра водочки, да под кильку в томатном соусе и плавленый сырок с горбушкой черствого ржаного хлебushка за раз единый шла! И ничего — все как огурчики были, малосольные, хрустящие, с чесночком и смородиновым листком. Вот под них бы еще бутылочка прошла бы лихо, соколиком, и не поплохело бы. Бутылочка, не «мерзавчик» пакостный, а добрые ноль-семь, и не «андроповки» вонючей, а «Столичной», а еще лучше бы «Посольской»...

От вожделения Андрея передернуло — он искренне и обоснованно считал, что полностью не пьют лишь два типа людей — либо хворые, либо подлюки, что «стучат» как дятлы. А эти тевтоны бутылку шнапса впятером одолеют и считают это великим пьянством. Ох, и души червивые, неразумные! В общаге они один раз бутылку спирта тевтонского раздобыли и разбавили его на треть, а не вдвое больше, как того приложенная инструкция требовала. Немецкую мову он тогда не ведал, но грамотный в этой речи приятель перевел — пить, не разбавляя, есть смертельная опасность, что вызвало дружный смех у собравшихся за столом голодных студизусов.

Но когда переводчик заявил, что смертельная доза спирта составляет всего сто двадцать грамм, русские парни заржали, словно лошади. И были тут же добиты до состояния клинического паралича, когда был переведен текст, находящийся в скобке, с уточнением, что данная мера опасна для всех, кроме русских.

Война потребовалась, чтобы эти немцы осознали, что русский пуд метром не перемеряешь, а аршин — килограммами! Тевтонские души, скупые и расчетливые. Он, верховный главнокомандующий, не может угостить обедом тех, кого желает. Ибо «халявные» места за его столом строго нормированы, как и перечень подаваемых блюд. Это живо напомнило ему знакомое до икоты: «Дорогие гости, кто мыл руки с мылом, будет пить чай без сахара».

И как тут быть прикажете? Пристрастившись к ликеру и кофе, он совершенно перестал тосковать по куреву. И понял, что Минздрав, оказывается, не зря предупреждает о напрасной трате денег и здоровья.

Привычка-то вредная, вот только в молодости это понять трудно. А если еще и пить бросить, то что прикажете делать? Как в том анекдоте, когда коммуниста спросили, сможет ли

он бросить пить, курить и женщин, если партия ему прикажет. Тот долго и мучительно думал, потом заявил, что выполнит приказ. А на вопрос, отдаст ли он за партию жизнь, мгновенно ответил, что отдаст. И добавил: «А на хрена мне такая жизнь!»

Фекан

— Месье мэ́р, я приказал, чтоб никто не стрелял по вашей ратуше, по монастырю и по казино, поскольку мне жаль эти прекрасные исторические здания. Война для вас окончена!

Последнее предложение фон Люк специально произнес на французском языке, тем самым как бы подчеркивая доброжелательность, что настоятельно требовал приказ верховного главнокомандующего.

И действительно, если война заканчивается, зачем приумножать число недоброжелателей. Ведь побежденным и так тяжело, это все немцы узнали на своей шкуре.

— Велите жителям выбирать из подвалов, открывайте магазины. У нас в карманах настоящие деньги, не беспокойтесь понапрасну, реквизиции нам запрещены. Никому из вас не будет причинено ни малейшего вреда.

В последние недели Люку редко доводилось встречать столь благодарного и столь удивленного француза, как этот мэ́р провинциального городка. По сути, жители отделались легким испугом, да и немцы потеряли всего полдесятка солдат, захватив до двух сотен «паулю» и «томми» в плен.

Новости, полученные от генерала Роммеля, были радостными. Танки настигли британцев у Сен-Валери, те не сопротивлялись и сложили оружие.

Сдался и их генерал Форчун, командир 51-й Хайлендской пехотной дивизии, и генерал Илер, командующий французским 9-м армейским корпусом, и с ними более сорока тысяч солдат и офицеров.

На фоне такой победы достижение Люка смазывалось, но генерал приободрил капитана и с юмором отнесся к его просьбе прислать в Фекан дивизионный оркестр.

Так что на набережной играла музыка, немцы и французы спокойно гуляли и разговаривали, купались в море — словно и не было войны. А Люк дал торжественный ужин в казино, на котором присутствовали все офицеры батальона и батареи, экипаж английского «Веллингтона», мэ́р города и освобожденный из тюрьмы единственный узник, про которого чуть не забыли, — германский офицер кригсмарине, единственный спасшийся с потопленной подводной лодки.

Вот такие гримасы судьбы — вчерашние и сегодняшние победители и побежденные поменялись местами, однако собрались вместе за обильно накрытым столом...

— Господин аббат, я узнал о вашем монастыре в последний момент перед началом обстрела и тотчас же приказал, чтоб ни один снаряд не упал на ваше здание. Надеюсь, все цело?

Аббат стал горячо благодарить немецкого офицера, которого в этот момент терзал жгучий стыд. Да как же сказать, что решающим фактором стал заветный ликер, который Люку еще не доводилось пробовать!

Настоятель словно прочитал терзавшие немца мысли и сам предложил осмотреть монастырь. Будто нарочно первым делом провел гостя в заветное хранилище, и в подвале Люк лишился дара речи — тысячи бутылок и десятки старых бочек заполняли прохладное помещение. Офицер сглотнул вставший в горле комок — жажда стала мучить нестерпимо.

— Не в этих ли бочках хранится знаменитый бенедиктинский ликер? — с самым наивным видом спросил Люк, немного оправившись от изумления.

— Разумеется, и чтобы показать нашу благодарность, я подарю каждому из ваших людей по бутылке этого чудесного напитка! — аббат говорил высокомерно, гордясь своим богатством.

Но моментально сник, посерел лицом и чуть ли не уселся на каменный пол, когда Люк стал горячо благодарить его от себя и от имени той тысячи ста немецких солдат, что находились в его подчинении.

Но слово не воробей — монастырский погреб был прилично опустошен, зато немецкие солдаты изрядно повеселели.

Таллин

— Мы этой войны не желали и не начинали, но враг вторгся на нашу территорию, вероломно нарушив пакт, который сам подписал, — генерал Лайдонер шепотом повторял строчки приказа, который должен был подписать. — Надлежит действовать инициативно и смело, выполняя всем нам известную задачу — каждому на своем фронте защищать свою землю, государство и народ...

Командующий эстонской армией остановился — он физически чувствовал, как стремительно уходит время. В груди скопилось безысходное напряжение, от которого колотило все тело. Возможно, предъяви Советы такой ультиматум первыми не Литве, а эстонцам, он бы не решился настаивать на сопротивлении, слишком велико неравенство в силах.

Но литовцы отказались впускать на свою территорию новые дивизии РККА и призвали народ к оружию. Что ж — честь принадлежит не только им — полчаса назад правительство в полном составе приняло решение сопротивляться с оружием в руках. Сейчас все зависит от немцев — в мозгу генерала словно набат звучали слова германского военного атташе: «Спасать стоит только того, кто сам готов сражаться».

Это был шанс, что Германия не отдаст прибалтийские страны на съедение. Генерал в этом был уверен, ведь немецкие войска практически разгромили Францию и смогут через неделю-другую начать переброску войск на восток. Да и ответ маршала Маннергейма, несмотря на некоторую расплывчатость, обнадеживал: «Если СССР снова нападет на Финляндию, мы будем сражаться».

Несколько часов тому назад Лайдонер вызвал к себе генерала Оросмаа, начальника «Союза защиты», и приказал ему немедленно поднять по тревоге всех кайтселлитовцев, дружина которых была в каждом из 15 уездов.

Именно эти 60 тысяч бойцов, каждый из которых имел дома обмундирование и оружие, должны были атаковать русские гарнизоны, пока там не сообразили, в чем дело, а красные командиры безмятежно живут на квартирах, где на них надо и напасть. Обезглавленные оккупационные войска окажут сопротивление, но не то, на какое они действительно способны.

А еще была надежда, что 1-я дивизия, дислоцированная между Финским заливом и Чудским озером, отразит первый, самый сильный удар красных, удержит Нарву и не позволит им переправиться через реку. И хоть Эстония не смогла создать там свою «линию Маннергейма», но бетонированные доты на берегу имелись, плюс две старые крепости — Нарвская и Ивангородская, да и сама река широка, и с ходу ее не форсируют.

Части 2-й и 4-й дивизий должны были сдерживать красных южнее Чудского озера, и если давление будет мощным, то отступать к Тарту, где займут позиции по Эмбе. Все же неделю-другую можно продержаться, ведь красные больше двух месяцев бились лбом в финские позиции.

— Остается только на это и надеяться, — прошептал генерал и размашисто расписался под

приказом, ожесточив сердце. Выбор сделан — если предстоит война, то лучше напасть первыми...

«Фельзеннест»

— Хорошо. И вот еще что, Манштейн. Мне постоянно звонит Риббентроп, требуя распоряжений, а я понять никак не могу, что происходит в этой Литве?! Может быть, вы мне все объясните? Что говорит Йодль, прах его побери, или абвер совсем разучился работать?! Разболтались при Канарисе!

— Я говорил с ним четверть часа тому назад. Сегодня ночью литовский президент Сметона настоял на оказании вооруженного сопротивления нападению Советов и отвергнул их ультиматум!

— Неужели все так серьезно зашло?

— Да, мой фюрер! Ночью была объявлена мобилизация военнообязанных и проведен экстренный сбор военизированной организации «Шаулю Саюнга», — Манштейн скосил глаза на бумагу, что лежала перед ним, и чуть ли не по слогам прочитал литовское название: — Объявлен приказ командующего армией генерала Виткаускаса — оказать сопротивление советским войскам всеми силами и средствами. Под утро части 5-й пехотной дивизии и 2-й танковой бригады большевиков из состава оккупационного корпуса, судя по всему, попытались атаковать литовцев и сорвать мобилизацию, идут бои. Главные силы Советов, сосредоточенные на границе, начали ее переход.

— И что будет? — новость ошарашила Андрея — что-то в истории уже пошло наперекосяк. Литовцы сейчас сопротивляться вздумали, когда раньше в соответствующую позу вставляли покорно по первому же требованию из Кремля?! С чего бы это?

— У Советов трехкратный перевес в пехоте, абсолютный в танках. Думаю, дня два-три они продержатся, а потом будут раздавлены. Это если не произойдет ничего непредвиденного...

— А что произойти сможет? — удивление Андрея было искренним — еще бы, такая недоговоренность в словах немного пугала.

— В Эстонии и Латвии началась мобилизация, пока в скрытном виде. Объявлен сбор военизированных формирований, якобы для учений. Произведено развертывание, судя по имеющимся данным, с целью блокирования советских гарнизонов. Части на границе занимают укрепленные сооружения, минируются дороги.

— Ничего себе! — изумление нарастало.

С чего это прибалты с цепи сорвались, ведь во всех книгах прямо как заклинание твердилось, что они радостно приветствовали красноармейцев и с воодушевлением слились в братском экстазе с «великим и могучим».

— Это война, мой фюрер! — отчеканил Манштейн и твердым голосом добавил: — Я считаю, что наши восточные границы недопустимо слабы в создавшейся новой ситуации. Необходимо принять меры по усилению войск на территории генерал-губернаторства и Восточной Пруссии, дабы не стать следующим объектом для советского вторжения!

— Я не желаю войны с Советами, Манштейн! У нас пакт!

— Я не говорю о войне, мой фюрер! Но мало ли что! Необходимо принять меры, чтобы возможные инциденты не привели к осложнениям. Такой же позиции придерживается и штаб ОКХ — генерал Гальдер уже дважды звонил, настаивая на проведении неотложных мероприятий.

— Каких?

— Немедленно начать переброску тех резервных дивизий, которые пока не задействованы в кампании на западе и вряд ли будут привлечены к боевым действиям в будущем времени. Это следующие соединения...

Андрей отупело слушал сыплющиеся из губ генерала номера дивизий, которых набиралось в изрядном числе. Не меньше трех десятков в добавление к той дюжине, что оккупировала Польшу или обжила прусские форты. А потом пошли и некоторые эскадры люфтваффе, в основном истребительные, но тут требовалось получить согласие Геринга.

Манштейн явно перестраховывался, но вот как отнесется к таким мерам Сталин? Наличие сорока дивизий германской армии, за спиной которых может появиться еще столько же в самые ближайшие три-четыре недели, прошедших бои во Франции и победивших, — это если не напугает, то наверняка насторожит Кремль.

Но и не принять такие меры рискованно, но уже для него самого. Если Гальдер договорился с Манштейном, чего в принципе не могло быть, то как поступит эта «сладкая парочка», когда он не примет их предостережений?! А если генералы решат, что он предает интересы рейха? От неприятного холодка, мимолетно пробежавшего по спине, Андрею стало зябко, и он непроизвольно передернул плечами.

Но с другой стороны, не лучше ли довериться профессионалам, ибо обрушившиеся девятым валом дела настолько изматывали, что Родионов трижды проклял фюрерскую должность. Да он тут впихивать, как папа Карло, не намерен! Пусть у этих немцев голова болит! А чуть не так пойдет, то можно им Риббентропа дать схавать и на него все ошибки свалить. Или Сталину скальп нерадивого рейхсминистра отдать? Нацист ведь законченный, повешен по приговору международного трибунала. А если того... опередить немного по времени и раньше эту меру принять?

— Хорошо, Манштейн, делайте как сочтете нужным. Я не ущемляю вашей инициативы, лишь бы она вела к позитивному результату. И согласуйте все мероприятия с Герингом и Браухичем!

Лангр

Генерал Гудериан отдыхал, удобно расположившись на стуле. Из окна столовой для французских офицеров открывался прекрасный вид на живописные окрестности — так хорошо, природа в разгаре самого жаркого летнего месяца. Июнь — благословенная пора!

Однако любовался генерал природой недолго, война брала свое. Тревожил его растянувшийся левый фланг, где наступал 4-й танковый корпус.

Французы полностью осознали катастрофичность создавшегося для них положения, ведь целая танковая группа, семь германских дивизий, вышла в глубокий тыл оборонительной полосы неприступных фортов и дотов столь красочно разрекламированной «линии Мажино».

Генерал усмехнулся — миллиардные вложения в рукотворные сооружения оказались бездумным и напрасным швырянием денег, на которые французы могли спокойно удвоить свой танковый и авиационный парк.

— И что?! Много вам помогли эти укрепления?! — злорадно прошептал «Шнелле-Хайнц», устало торжествуя.

Что толку сидеть в бетонных фортах, которые атаковать немцы и не пытались, — к чему напрасно губить людей, ведь в рейхе слишком хорошо помнили кошмар позиционной бойни прошлой войны.

Французский генштаб допустил чудовищный просчет, понадеявшись на эти укрепления.

Только два десятка дивизий, засевших там, могли бы переломить ход боев во Фландрии.

Но разве в головы парижским стратегам мог прийти один из принципов блицкрига — максимально ослабить второстепенные направления ради нанесения главного удара сокрушительной силы? «Бить так бить, и хорошенько», — так он любил сам говорить своим офицерам, растолковывая им суть танковой войны.

Концентрация средств есть аксиома военного дела, для которого смертельно опасно цепляние за устаревшие догмы, ибо новое оружие и техника меняют тактику, а та, в свою очередь, и коренной уклад вооруженных сил и военной мысли. А пренебрежение этим всегда приводит к расплате, горькую чашу которой испивают сейчас французские стратеги.

Навстречу глубоко прорвавшейся танковой группе они бросили последние резервы — 3-ю кирасирскую, 3-ю Африканскую и 6-ю колониальную пехотные дивизии, — которые были просто смяты его танками. Тысячи усталых французских солдат захвачены в плен — они были полностью измотаны целым месяцем бесконечных поражений.

И только сейчас, когда для его панцер-дивизий остался один рывок до близкой швейцарской границы, французы начали снимать свежие дивизии с «линии Мажино» и выдвигать ему навстречу, стремясь прикрыть расползающийся, как гнилая ткань, фронт.

Поздно спохватились! Все эти дивизии, которые бросят в бой поодиночке, будут сметены — чего стоят еще не обстрелянные солдаты перед его закаленными танкистами, что победоносно прошли польскую и фландрскую кампании.

— Генералы всегда готовятся к прежней войне!

Гудериан прошептал известное изречение и усмехнулся, ведь оно как нельзя кстати подходило к французским генералам. И к немецким тоже — если шесть лет назад он не растряс бы это болото, обратив внимание Гитлера на танки и на те новые принципы войны, которые они диктуют.

— Это то, что мне нужно! — генерал повторил слова фюрера, сказанные им тогда.

Ну что ж, он не ошибся. Пусть этот ефрейтор не имеет фундаментальной военной подготовки, но он умен и схватывает нужные вещи на лету. И фюрер назначит его командующим панцерваффе, в этом Гудериан не сомневался — ведь французская кампания завершилась блестящей, немыслимой победой, настоящим триумфом блицкрига, «молниеносной войны», над разработкой которой он так долго и плодотворно работал.

Таллин

«Эстонцы проводят усиленную военную подготовку. Проведена тайная мобилизация офицеров запаса и рядовых. Таллинская дивизия переброшена в казармы, что недалеко от Балтийского порта. Таллинская и Вильяндинская эстонские дивизии имеют своей задачей отрезать две наши группы, расположенные в Гапсале и Палдиски».

Советский полпред Никитин оторвался от листка бумаги, на котором он писал срочное сообщение в Москву, самому товарищу Молотову. Однако требовалось сгустить информацию, дабы показать, в какой тяжелый момент времени он честно находится на своем посту, несмотря ни на какие угрозы.

Момент наступал действительно исторический — через несколько часов Эстонию начнут занимать части Рабоче-крестьянской Красной Армии, и местная буржуазия будет наконец прижата к ногтю и раздавлена, как вонючий клоп.

«На вокзале по ночам жены и семьи призванных с плачем провожают отъезжающих. Мобилизовано большинство такси», — рука выводила слова, а полпред подумал, стоит ли писать столь явную ложь — такого ни он, ни кто-то другой не наблюдали. Но, немного подумав, он решил, что, раз кашу маслом не испортишь, можно немного добавить и измышлений.

Хотя тут же решил дальше писать информацию, полученную от начальника особого отдела Марченко. Раз Москва требует показать необходимость резкого увеличения советских войск, он не только покажет ее, но и докажет.

«По обе стороны минной гавани эстонцы расположили две морские батареи, которые в случае надобности смогут расстреливать наш военно-морской флот. Кроме того, эстонцы в своем арсенале спрятали третью морскую батарею, которая в случае надобности сможет поражать наш военно-морской флот прямой наводкой».

Никитин оторвался от писанины и посмотрел в раскрытое окно, в которое врывается прохладный морской воздух. На рейде виднелись красивые силуэты двух новейших советских эсминцев — флот, как знал полпред, уже начал морскую блокаду прибалтийских стран. А так почти мирная картина — транспорты стоят у причалов, жаркий полдень, прогуливающиеся по набережной люди — вот только береговых батарей не видно. Но кто ж в Москве будет считать здешние мифические пушки?

«Объявлен сбор Кайцелита. Все перечисленные мероприятия направлены, безусловно, против СССР: из отдельных разговоров можно вывести заключение, что создания единой армии численностью до 1 млн человек требуют от „Балтийской Антанты“ Англия и Франция».

Полпред усмехнулся — население всех трех прибалтийских стран не имело и шести миллионов, и мобилизовать столько народу они не смогли бы, призвав даже ветхих стариков и старшеклассников. Но тут важна была сама круглая, а потому и устрашающая цифра.

Да и Англии с Францией сейчас не до Прибалтики: войска первой сдались, а второй — разбиты, немцы уже у Парижа. Нет, англофильские настроения среди эстонцев и сейчас были, но слабые, еле слышимые.

Зато на Германию стали надеяться многие, только и велись разговоры. Вот только немцы сейчас союзники СССР, а потому надежды на них у местных буржуев абсолютно беспочвенны.

«Фельзеннест»

— Послушайте, Риббентроп, перестаньте волноваться! Дышите глубже!

Андрей осадил министра иностранных дел, что напомнил ему знакомые строчки любимого поэта — «он прибежал, взволнован крайне, и сообщеньем нас потряс».

— Большевики два месяца топтались перед финскими дотами, вот и отвечайте, что переброска наших дивизий есть не что иное, как форма замаскированной помощи! — утешил министра Андрей и представил, как вытянется лицо Сталина от такого замаскированного оскорбления. — Меня другое беспокоит — от военных действий большевиков может пострадать немецкая диаспора, которая проживает в прибалтийских странах. Сколько там немцев?

— Более трехсот тысяч, мой фюрер! — тут же ответил Риббентроп, подобострастно, другого слова не скажешь, посмотрев на Андрея.

— Я не желаю, чтобы кто-то из немцев погиб, а потому можете легонько намекнуть послу, что у нас найдется, чем и кем их защищать! От прибалтов, конечно, кхм... Но легонько! Посоветуйте решить проблему исключительно мирными средствами, ибо массовая гибель родственников немцам народов произведет в Германии самое неблагоприятное воздействие. Тягостное, я бы так и заметил! Тем более сейчас, когда наши войска стоят у стен беззащитного Парижа, а вся французская армия фактически прекратила сопротивление.

— Посол передал поздравительную телеграмму от Молотова по случаю взятия нами столицы Франции!

— Даже так?! — Андрея удивило не это, а цинизм партийных историков, что с пеной у рта отрицали существование германо-советского альянса, пакта и таких телеграмм.

— И пусть Шелленбург не скромничает! — очередной кивок неиссякаемым недрам памяти фюрера. — Да и вы тоже! Мы договаривались, что Советский Союз все проблемы будет решать тихо и скромно, а они воевать хотят, и с кем? С задохликами, которых меньше, если пересчитать всех стариков и грудных младенцев, чем солдат в Красной Армии!

«Если мои планы по отношению к оккупированным Германией странам сработают и фон Нейрат не подведет, то на европейцев такая политика Сталина произведет самое тягостное впечатление. Контраст будет разительным. Да и прибалтов, с одной стороны, жалко — хорошие и спокойные ребята. Трудолюбивые, улицы чистые, не мусорят. И это несмотря на то, что полвека коммунизма было. А что сейчас там? Ведь намного лучше люди живут.

Вот только, с другой стороны, не беленькие они и не пушистые, русофобы махровые — „чемодан, вокзал, Россия“. Солдат и офицеров Юденича, что под давлением красных отошли, голодом морили, да радовались, что за это им разрешили от России куски оторвать. Но на расплату жидки оказались, за чужие спины всегда пытались спрятаться. Вот и нашли на свою задницу...»

— Вы что-то сказали, мой фюрер?

— Это я так, немного задумался, — Андрей поймал себя на том, что размышлял вслух на немецком языке.

— Война долго не продлится, от силы несколько дней, неделю максимум, слишком сильны Советы!

Андрей привел за свои собственные соображения Манштейна, который просчитал вооруженный потенциал противоборствующих сторон лучше компьютера в институте, что занимал целый этаж. Сам же он думал иначе — прибалты не финны и воевать не смогут. Да и не станут — каково сражаться за свою свободу народу, который только двадцать лет имеет свою государственность. Ведь раньше под кем только они не были — Ливонский орден, датчане, Ганза, шведы, русские, — правители эстонцев и латышей менялись словно в калейдоскопе. Да и литовцы та еще братия!

Начавшаяся в Прибалтике война его совершенно не беспокоила — продлится недолго, сопротивления не будет, потому человеческие жертвы минимальны. Как он читал в «Огоньке», да и в Таллине ему говорили, страшны были будущие депортации, а потому...

— Да, вот еще что. Передайте нашим дипломатам, что в рейхе примут всех, кто желает избежать преследований коммунистов. Да-да, Риббентроп, и не спорьте, я знаю, что у нас пакт и договор о дружбе. Пусть здесь будет покровительство Красного Креста, шведов, да кого угодно, придумайте сами.

«Хватит с них и этого, раньше им надо было думать и воевать вместе с финнами. Тогда, может быть, и устояли бы. А так их поодиночке передушили, и за дело — не хрен соседу в ботинки гадить и думать, что тот сей грех не припомнит», — подумал Андрей и посмотрел на шкафчик, в который камердинер поставил новую, непечатую бутылку.

Никитин выглянул в окно, решив, что сообщение он отправит через перекур. Дело было сделано, и он взглянул на часы — вот уже прошел час, как части Красной Армии вступили на территорию Эстонии, а кругом тишина и лепота, эти чухонцы явно не собираются воевать, хотя ультиматум и не выполнили. Но и не отклонили. Однако их это не спасет — пора кончать еще с одной капиталистической страной и присоединять еще одну советскую социалистическую республику. Вернее, сразу три новые советские страны, а вскоре будет и Финляндия, и Бессарабия, которую, как он знал, обязательно вырвут из кровавых лап румынской боярщины.

— Давно пора, — пробормотал Никитин, но настроение у него резко испортилось, и было от чего.

Пребывание красноармейцев в этих зажавшихся прибалтийских странах привело к резкому падению дисциплины. Среди бойцов стали ходить нехорошие разговорчики о том, что здесь живут сытно, нет колхозов, в магазинах можно все купить и задешево.

Еще бы — ведь рубль к двум кронам приравняли, хотя раньше одна к десяти целковым шла. Командиры в барахольство ударились, скупают все подряд. А некоторые эстонок на содержание в складчину берут — платят ей и пользуют девку вдвоем или втроем. И хоть бы раз, а то постоянно.

А те, кто женат, еще хуже — баулами добро супруги вывозят, продают, выручают рубли, снова сюда едут и еще больше покупают. Радуются, дуры, что в магазинах не убывает.

Ну, ничего, скоро с этим будет покончено, встряхнут всех хорошо, дисциплину подтянут, местных буржуев, офицерье да полицейских арестуют, лагеря для них давно подготовлены. Имущество конфискуют, вот и прекратится барахольство, мигом вспомнят, что они есть честные бойцы и командиры Красной Армии. Кто не захочет, так под трибунал махом пойдет! Миндальничать с такими никто не будет!

— Товарищ Никитин!

Дверь отворилась, и в комнату влетел помощник Иванченко. Лицо бледное, взгляд растерянный.

— Там солдаты и полиция! Броневи́к приехал. Вас к себе требует без промедления министр иностранных дел! Неотложно, и, простите, это его категорическое требование!

Никитин опешил — с чего это курат, обычно услужливый и трусоватый, таким наглым стал. Ну, он его одним махом отчитает, последние часы эта шкура на свободе ходит. Через неделю сапоги лизать будет, те, которыми их правительство под зад на свалку истории выпнут.

— Товарищ Никитин...

— Вот еще! Подождут!

И только рука полпреда протянулась к раскрытой коробке папирос, как от моря донесся оглушительный грохот — у борта советского эсминца, лениво отмерявшего путь, вырос огромный столб воды. А когда он опал, то корабль уже накренился на борт с надломленной от взрыва кормой.

Было видно, как на втором эсминце, стоявшем на якоре почти у входа, разом очнулись от дремоты — засуетилась команда, повалил из трубы дым. И снова ухнуло, на этот раз ровно посередине этого корабля. У борта выросли разом два чудовищных водяных столпа, а когда они упали, то корабля уже не было, только две его половины медленно уходили под воду.

И тут же Таллин словно сбросил с себя дремоту — застреляли из винтовок, застрекотали пулеметы, громко ухнуло пушки. Из разбитого окна полетели на стол стекла. Никитин выглянул из-под шторы — тяжелый трехосный броневи́к шведской постройки, новейший среди

бронированного эстонского хлама, что и бронетехникой язык не поворачивается назвать, грозно вращал башней, посылая снаряды в здание советского штаба, в котором уже начались пожары.

На тротуаре лежали трупы в знакомых гимнастерках, а к дому бежали, стреляя из винтовок, солдаты в ненавистных кепи. Никитин схватил со стола бумагу и порвал ее на клочки, а в голове запульсировало:

«Надо же, накаркал!»

Глава седьмая

«Раскурим трубку мира»

«Фельзеннест»

— Финны проводят скрытую мобилизацию, их армия приведена в боевую готовность. Начато минирование прибрежных фарватеров.

— Они боятся, что Сталин начнет наступление и против них?

— Да, мой фюрер! Усиление войск на Карельском перешейке идет, но не такое, как на границе с Эстонией. Скорее всего, у Москвы есть опасение, что финны выступят на поддержку эстонцев.

— А такое возможно, Манштейн?

— Нет, мой фюрер! Они слишком хорошо помнят «зимнюю войну». Да и правительство не желает снова связываться и подвергать города бомбежкам. Судьбу Таллина вряд ли хотят примерить к Хельсинки.

«И Роттердама», — мысленно закончил за генерала Андрей, припомнив голландский город, что был разнесен люфтваффе и сгорел в одном адском костре. Страшная участь для жителей!

— Литовская армия еще продолжает сопротивление, но их противник уже подошел к столице. Оккупационный корпус, на помощь которому были высажены десанты парашютистов, оказал не только ожесточенное сопротивление, но и сам разгромил литовские части. Президент Сметона, правительство, ряд подразделений час назад перешли прусскую границу и интернированы. К вечеру в Мемель отойдут и части двух дивизий.

— Почему мне не сообщили? Где Риббентроп?

— Я думаю, рейхсминистр еще сам не знает. Это произошло два часа тому назад — мне только самому сообщили, мой фюрер!

— Заварила каша, — пробормотал себе под нос Андрей, крепко задумавшись.

— Латвийская армия рассечена, одна дивизия уже начала отход к северу, в Эстонию, другая к Риге. Двинск взят! Резервов нет — две другие дивизии и технические части ведут бои с оккупационным советским корпусом. Еще несколько дней, и организованное сопротивление прекратится. Однако продвижение советских войск идет медленно — латыши используют любую возможность для засад, минируют дороги.

— Блицкриг не вышел, началось медленное прогрызание, — Андрей отошел к столу, бормоча себе под нос. На шепот фюрера генерал уже не обращал внимания, за эти недели он полностью сработался с верховным главнокомандующим.

— В отличие от Латвии и Литвы эстонцам удалось к вчерашнему вечеру полностью разгромить оккупационный корпус. Захвачено свыше сотни исправных танков, несколько десятков боеготовых самолетов, большие запасы горючего, боеприпасов, снаряжения. В ближайшие часы начнется переброска 3-й дивизии под Нарву, а 4-й — под Тарту.

— Надо же, — искренне изумился Андрей. — С чего это у них такая прыть взялась, Манштейн?

— Они опередили противника в развертывании. Командный состав был захвачен еще на квартирах, части блокированы и тут же атакованы. Организовать сопротивление советские генералы не смогли, потому что были взяты под стражу или убиты. Два пехотных и один танковый батальон Красной Армии попытались перейти в контратаку, которая была отбита с большими потерями. Только на одних островах Моонзунда взяты в плен до пяти тысяч

советских военных строителей, аэродром, несколько кораблей и транспортов, с десятков боевых катеров.

— Чудны дела...

— В первый день эстонцы потопили на таллинском рейде два советских эсминца и успели поставить минные заграждения на фарватерах, что привело к подрывам еще нескольких русских кораблей.

— Чем эсминцы потопили?!

— Атака подводной лодки, мой фюрер!

— «Калев» или «Лембит»? — Андрей решил щегольнуть осведомленностью, благо имел тогда, в прежней теперь для него жизни, в дороге разговор с одним старым эстонцем, который раньше служил на последней лодке.

А ведь на русские деньги их эстонцы построили, продав далекому Перу два «новика», которые были захвачены англичанами в Гражданскую войну и переданы «шибко могучему и страшному эстониш флоту». А на вырученные от продажи деньги те же британцы и построили позже две эти лодки.

— «Лембит», — Манштейн с удивленным видом ответил ему, выдержав паузу, которая потребовалась для подглядывания на листок с данными.

— Теперь на памятник его точно не поставят!

Непонятная фраза удивила генерала, который уже несколько раз поражался неожиданным знаниям Гитлера, его поразительной памяти. Работать с ним было хорошо — фюрер теперь не лез со своими приказами, только выслушивал информацию, полностью переложив на генерала руководство. Даже разрешил тому пользоваться своим именем для отдачи распоряжений.

— На северном участке, вдоль реки Нарова, эстонцы прочно удерживают фронт. На южном участке части Красной Армии вклинились до десяти километров, но наступление застопорилось. Я считаю, что эстонские позиции будут обойдены через Латвию, где продвижение советских войск произведено уже на большую глубину.

— Хорошо, Манштейн!

Андрею нравилось, что начальник штаба очень серьезно отнесся к его просьбе докладывать как можно более подробно о ситуации в Прибалтике. Его сообщения были чрезвычайно точны — немецкие генералы крайне дотошны в своем ремесле, есть чему хорошо позавидовать.

Нарва

— И когда эти красные появятся? Я замаялся ждать! — молодой солдат в еще не обмятом толком обмундировании сел на ящик и достал пачку сигарет. Вытряхнул несколько штук и щедро оделил ими товарищей, что уже почти сутки изнывали с ним в холодном, несмотря на летнюю жару, бетонном ящике дота.

— Не торопись воевать, Андреас, война от нас никуда не уйдет, — фельдфебель Артур Клатер выдохнул густой клуб дыма и посмотрел, как он вытягивается наружу через приоткрытый люк. Вообще-то в дотах настрого запрещалось курить, но в декабре прошлого года, в насквозь промерзшей бетонной коробке, они также курили, согревая ладони крохотными огоньками сигарет. Артур тогда прибыл в Страну тысячи озер добровольцем, отражать красное нашествие, и угодил в самое пекло.

Финский дот был намного больше, с двумя амбразурами для флангового огня, и их там было не пятеро, как сейчас, а двенадцать — одиннадцать финнов и эстонец. Они не курили, согласно уставу, но только до боя, а потом задымили все, смотря безучастными глазами. С них

лил струями пот, уши заложило от пулеметного грохота, глаза слезились от порохового дыма, а память услужливо показывала дымящиеся груды трупов.

«Иваны» озверело лезли волна за волной, пулеметы скашивали первые толпы, потом вторые, третьи — и вскоре подмерзшая болотина перед дотом была покрыта сотнями тел в куцых шинелишках. Его тогда это поразило — мороз, а красных послали на убой, не дав зимней одежды.

Так они и сидели, потрясенно качая головами, полчаса молчали, только курили да сплевывали. Нарушил молчание лейтенант Лехтонен, подняв серое лицо:

— Это храбрые ребята, но у них наверху определенно спятили.

Вряд ли красные командиры, что отправляли русских солдат на убой, были безумными — просто они так воевали, не жалея людей. А спятили как раз финны — двое пулеметчиков в их доте обезумели от кровавого кошмара, их пришлось связать и передать ночью санитарам, которые погрузили душевнобольных солдат на волокушу...

— Как думаете, господин фельдфебель, мы выстоим, отразим красных, как финны?

Иван Кондуров, единственный русский в доте, задал вопрос чуть дрожащим голосом. Молодой паренек, страшно ему, как и всем, — бой-то станет для них первым. Вот и спрашивает. А трусами не будут, знают, за что воюют, — посмотрели, как рюсся живут, такого врагу не захочешь.

Впрочем, «русские» здесь в разговорах были не в ходу, чаще произносили «красные» или «советы». Русские — те, кто жил издавна, или вышвырнутые красной волной двадцать лет тому назад — люто ненавидели коммунистическую власть. А потому драться настроились серьезно, ибо жалости от НКВД не ждали — если не расстреляют, то депортируют в такую сибирскую глушь, где даже волки от морозов гибнут. Эстонцев, может быть, и пожалеют многих, но не их — вступившие год назад красноармейцы называли всех русских жителей предателями. А потому есть за что воевать — командующий правильно сказал: «За свою землю и народ!»

Безансон

Гудериан недоуменно посмотрел на собравшихся офицеров штаба танковой группы, что стояли на маленькой террасе, с которой открывался прекрасный вид на старинный замок. Начальник штаба корпуса полковник Неринг загадочно улыбался, держа в руке листок бумаги.

— Герр генерал, разрешите вас поздравить с днем рождения! — с улыбкой произнес полковник, глядя на недоуменное лицо командующего.

— Спасибо, господа!

«Шнелле-Хайнц» вспыхнул краской и усмехнулся в ответ. Действительно, сегодня же 17 июня, день рождения, как же он запамятовал про свой личный праздник. А ведь офицеры о нем помнили.

— А это вам подарок, мой генерал!

Гудериан взял протянутый ему листок бумаги и от нахлынувшей радости даже зажмурился. Радиограмма командира разведывательного батальона 29-й мотопехотной дивизии гласила, что мотоциклисты заняли городок Понтарлье, на швейцарской границе. Теперь вся французская группировка на «линии Мажино» полностью отрезана и окружена, в «котел» попались больше двух десятков дивизий.

— Это победа, мой генерал! — Неринг словно прочитал его мысли. — Рапорт от вашего имени уже отправлен в ставку.

— Хорошо, — коротко ответил Гудериан.

Прошло чуть больше месяца, когда его танки рванулись в наступление. Он первым достиг Ла-Манша и, пройдя от побережья по длинной дуге, опять же первым добрался до границы со Швейцарией. Два огромных «котла», десятки окруженных дивизий — разве о таком успехе он мог мечтать раньше?!

— Я немедленно еду в Понтарлье, лично поздравлю храбрецов, что добились такого потрясающего успеха. И поблагодарю генерала фон Лангерманна за столь умелое командование дивизией.

Гудериан усмехнулся: он не договорил главное — ему самому сильно хотелось взглянуть на швейцарскую границу. Постоять там, куда четверть века тому назад хотели дойти германские войска, но не прошли и половины пути. Зато теперь это удалось ему за сумасшедший по своей краткости срок. И это благодаря тому, что он создал, — танковым войскам.

Да и в Безансоне, по большому счету, его присутствие уже было не нужно. С мелкими проблемами Неринг сам справится, а французы, несколько тысяч солдат, сами сложили оружие еще вчера.

Захвачено было и три десятка совершенно исправных танков, а также большие склады с амуницией, вооружением и боеприпасами, которые французы даже не удосужились взорвать, чтоб они не достались неприятелю.

Правда, один батальон сопротивлялся до вечера, но тоже капитулировал — к великому удивлению генерала, он оказался укомплектован поляками, которые, миновав множество границ, добрались из захваченной немцами Польши до Франции. Панам все неуймется и хочется повоевать?! Ну что ж, он им предоставил такую возможность, но эти гонористые шляхтичи в очередной раз оказались биты.

«Фельзеннест»

— Как меня задолбало это фюрерское место!

Андрей воровато оглянулся, более по привычке, ведь в кабинете никого не было. Извлек бутылку ликера и хорошо отхлебнул прямо из горлышка. Вот только рот вытер платком, а не рукавом, как сделал бы машинально в *той* жизни.

Родионов поймал себя на этой мысли и грустно улыбнулся. Он чувствовал, что вступает с самим Гитлером в какой-то чудовищный симбиоз, а от этого ему становилось не то что не по себе, а просто страшно.

Ведь если представить, что в один момент настоящий Гитлер вернет над собой контроль и, наоборот, вывернет всю его память наизнанку, то может произойти такое! Об этом Родионов старался не думать, но мысли, независимо от него, приходили все снова и снова.

Хотелось выть, бросаться на стены, рычать и плакать. У него начался «откат», Андрей прекрасно это понимал, но ничего не мог над собой поделывать. Он с трудом концентрировался на бумагах и стал всячески филонить. Военные дела полностью переложил на Манштейна и три раза на дню с умным видом слушал его развернутые доклады, чувствуя в своей смятенной душе абсолютную пустоту.

Он начал понимать, что каждое его решение, принятое в этом клятом бункере, несет чью-то смерть. Сказал насчет Прибалтики, и там тут же полилась кровь потоками, а ведь СССР должен был их присоединить довольно мирно, по крайней мере, без этой войны. Неужели он возомнил себя вершителем судеб?! Зачем ему это?!

— Что делать? — Родионов прошептал от безысходности извечный русский вопрос и недолго думая завалился на диван — кожаная обивка противно скрипнула. Он растянул губы в

тягучей улыбке — теперь знал, что такое апатия. И не так, как шутили в общаге, что апатия есть отношение к сношению после оного. Сейчас он себя ощущал так, будто его самого, фигурально выражаясь, морально изнасиловали. — Как мне все надоело! Да пропади все пропадом, этот безумный сон все продолжается, и нет конца кошмару!

В дверь тихонько постучали, и Андрей тут же сел, разрешил войти и уставился на входящего в кабинет адъютанта от люфтваффе. Тот браво вытянулся и доложил:

— Мой фюрер! Фельдмаршал Геринг прислал то, о чем вы попросили. Внести и настроить?

— Да, конечно, капитан.

Фон Белов тут же тихо распорядился, и два унтер-офицера со знаками технической службы ВВС занесли проигрыватель, нечто похожее на динамик и картонную коробку. Быстренько поставили допотопную аппаратуру, в которой сразу узнавался проигрыватель, подключили его и настроили. Затем из картонной коробки достали пластинку, необычно толстую. И вскоре из динамика донеслось громогласное пение без музыкального сопровождения.

Всколыхнулся, взволновался,
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался,
На призыв монарха он.

Жестом Андрей отпустил специалистов и адъютанта, поблагодарив кивком, а сам снова улегся на диван, слушая казачью песню. Геринг выполнил обещанное — его люди ухитрились раздобыть несколько пластинок с выступлениями казаков, осевших на чужбине.

Эти песни понадобились позарез: с их помощью Андрей рассчитывал полностью восстановить русский язык — не вести же ему разговор со Сталиным через переводчика. А так, тет-а-тет, он его сильно удивит, сказав типа «раскурим трубку мира». Да и другие затаенные помыслы имелись...

Нарва

— Егеря еще стреляют, парни! Им бы до ночи продержаться, в камышах пересидеть, а там через реку переплывут... Если целы...

Фельдфебель смотрел через амбразуру дота, что выходила прямо к реке — синяя гладь подступала прямо к бетонной стенке приземистого сооружения. Эстония — страна небогатая, а потому вложить большие средства в сооружение оборонительной линии не могла.

Главная надежда была на Нарову, что широкой лентой преграждала путь. Глубокая, да и вширь на сто с лишним метров река с крутыми берегами по этой стороне являлась серьезным препятствием для наступающих.

Южнее Нарвы, вплоть до Чудского озера, переправиться невозможно — топи и болота, дорог нет, как там наступать? Мост в самой Нарве, под прикрытием старых бастионов и дряхлых от древности стен Ивангородской крепости. Он один и уже подорван.

Потому выйти на эстонский берег можно только в двух местах, где крутые откосы на коротких участках становятся пологими — как раз чтобы протянуть понтонные переправы и пропустить танки с техникой: у мыса, в трех километрах севернее города, там, где стоит памятник над могилой гвардейцев Петра Первого, что единственные из русской армии устояли в 1700 году под натиском шведов, которых вел молодой король Карл. И чуть дальше на север, под

песчаной горой, у ручья, который и речушкой назвать язык ни у кого не повернется.

Миновав этот высокий песчаный холм, с верхушки которого Нарва виднелась как на ладони, танки и машины могли сделать рывок по проселку через поля, обойти город и выйти на магистраль, по которой до Таллина три часа ходу для быстроходных русских танков БТ-7.

Именно здесь, по обе стороны от ручья, и были сооружены эстонцами бетонные коробки размером с маленький дачный домик, врыты в берег, тщательно замаскированы, да так, что перед амбразурами остались расти кусты и торчали камыши. Впрочем, растительность помехой не служила — первая же лента, выпущенная из «максима», срезала бы все, не оставив даже голых прутьев.

Дальше, чуть за горой, были давно отрыты окопы полного профиля, которые занимала рота «Кайтселлита» с двумя маленькими орудиями ПТО, последняя надежда преградить переправившимся красным путь на запад.

В доте не было слышно даже дыхания солдат, настолько там сгустилась тишина. На той стороне реки, на откосах, появились солдаты в рыжих, выгоревших на солнце гимнастерках.

— Советы пришли!

Клатер усмехнулся, рассматривая красноармейцев через прицел станкового пулемета, что хищно нацелился на ту сторону. Эстонский берег молчал — солдаты и кайтселлитовцы, всего полторы тысячи человек, занимавшие длинную пятикилометровую оборону, имели приказ открыть огонь, когда советские войска начнут переправу.

Эстонцы успели подготовиться — к их великому удивлению, приграничную полосу на той стороне реки, предполье, так сказать, красные проходили почти полные сутки, хотя от пограничных столбов до Ивангорода два часа неспешного стариковского хода, да еще на костылях.

То ли заминированные дороги им не по нраву пришлись, то ли погранстража с егерями сопротивление ожесточенное оказали. Ведь ту узкую полосу земли, выторгованную в двадцатом, специально для этой цели готовили — там никто не селился, вместо дорог проселки, вместо жителей стражники да егеря.

А может, просто не приняли в расчет красные генералы, что чудь белоглазая, чухонская сволочь, сопротивление оказать решится? Так же они с финнами воевать начинали, неужели та война их так ничему и не научила, и они решили вторично на грабли наступить?

Мысли проносились в голове быстро — фельдфебель с каждой секундой все более убеждался, что красные готовились не к войне, к прогулке. Понтонов и саперов пока не было видно.

Урча моторами, к реке сползли три танкетки с вращающимися пулеметными башенками. Красноармейцы спустили на воду с десятков лодочек, и это все приготовления. Нет, десятки солдат лихорадочно сустились, готовясь форсировать реку на подручных средствах, бросая в воду сухие лесины...

— Это не бой, а избиение!

Клатер сплюнул — нагретый «максим» отдавал жаром. В доте было не продохнуть от порохового дыма, все тяжело дышали. Через реку так никто и не переправился, да и на той стороне не было никого видно — попав под плотный пулеметный огонь, красноармейцы попрятались в лесу, который, к их счастью, рос прямо у берега. Только десятки трупов остались немим свидетельством пренебрежения противником.

И еще одним памятником начальственной глупости стала маленькая танкетка, что выползла на эстонский берег, да там и застыла, расстрелянная в упор из противотанкового ружья. Две другие, и все лодки, переполненные бойцами РККА, пошли под синие воды медленно текущей Наровы.

Вид солдат, двигавшихся по дороге, обрадовал генерала — он испытал прилив гордости за них. Да и те сразу узнавали «Шнелле-Хайнца» (Гудериан давно, с Польши, знал, как его называют за глаза), махали приветственно руками и что-то кричали.

Жара стояла изнуряющая, а потому кителя были расстегнуты, рукава засучены, а каски висели на поясах. Многие снимали даже кепи, но ему ли делать замечание за такую вольность в одежде победителям поляков, бельгийцев, англичан и французов?!

Солдатское нутро уже поняло, что войне конец, радовался этому и Гудериан, ведь один его сын воевал в разведывательном батальоне, где смерть всегда ходит рядом с храбрецами, а второй уже лечился от полученного ранения, к счастью, не очень серьезного. И он как отец двух молодых офицеров не мог не радоваться окончанию боевых действий, время которых уже исчислялось считаными днями.

Ведь французские генералы не могли не понимать, что дальнейшее сопротивление бессмысленно и приведет только к напрасным потерям. Зачем им гибель тысяч молодых французов, ведь это будущее страны, и так обескровленное в прошлой бойне?!

Генерал Вейган и маршал Петен не могут не понимать бесцельность продолжения войны, ведь неспроста они не стали защищать столицу, объявив Париж «открытым городом», после чего правительство бросило ее и, презрев долг, позорно удрало в Бордо.

Швейцарский офицер и двое солдат, стоявшие на той стороне, четко отдали воинское приветствие германскому генералу, и Гудериан ответно поприветствовал их, резко бросив, словно во времена своей кадетской молодости, ладонь к фуражке.

— Герр генерал, получена радиограмма из ставки, — к нему подбежал запыхавшийся адъютант.

— Что там?

— Фюрер отмечает ошибку в вашем рапорте! — офицер скривил губы в улыбке. — Так и написано. Указывается, что вы, наверное, имели в виду Понтелье-на-Соне!

— Ох уж эти ошибки, — усмехнулся Гудериан. — Вчера авиация Лееба разнесла понтонный мост, который только навели мои саперы. А через два часа извинились, ибо в штабе группы армий «Ц» на той стороне «линии Мажино» не предполагали столь глубокого прорыва наших танков. Теперь и фюрер указывает мне на «ошибку». Немедленно радируйте ответ!

Генерал задумался на секунду, затем улыбнулся, снял фуражку и пригладил платком волосы, снимая въевшуюся в них пыль.

— «Никакой ошибки нет. Я лично нахожусь в Понтарлье на швейцарской границе!» Добавьте подпись и отправляйте!

«Фельзеннест»

— Мы вылетим с вами в Компьен немедленно, раз это место выбрано для переговоров о перемирии. Я посмотрел условия о перемирии, написанные вами, Манштейн. Вы неплохо поработали, генерал, и учли мои пожелания. Нам не стоит ущемлять честь побежденных — они сегодня враги, но завтра могут быть союзниками.

— Вы так считаете, мой фюрер?!

— Да, Манштейн, — Андрей скривился в ухмылке — внутри души Гитлер начал брызгать слюной, не соглашаясь. Вот только поделать ничего не мог, лишь изредка вот так выплескивать

эмоции.

— Всю свою историю Франция всегда враждовала с Англией. Всегда, генерал. Но истощила себя в войнах на континенте, ибо британцы воюют только чужими руками. Все льют кровь за их интересы, а они раскинули свою империю на полмира и подсчитывают барыши, уверенные в своей неуязвимости. Ведь на их проклятый остров еще никто не высаживался!

— Кроме нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, мой фюрер! — Манштейн не был бы самим собой, если бы не поправил сделанную при нем ошибку в любимой для любого немецкого офицера военной истории.

— Это ж было в седой древности, генерал. Вы еще викингов вспомните или римлян. Там еще, если мне память не изменяет, легионы Гая Юлия Цезаря высаживались.

— Так точно, мой фюрер! Прошу простить.

— Союз держав, таких как Германия, Франция и Италия, способен вышвырнуть британцев с континента, где они везде стараются отметиться, как пакостливые коты. Но это только полдела — англичане должны получить урок на всю жизнь: высадка наших войск на Альбионе заставит Черчилля или согласиться на мир, или убратся в какой-нибудь доминион. И вряд ли там его встретят с широко открытыми объятиями — кому нужен политик, проигравший метрополию.

— Я согласен с вами, мой фюрер, — осторожно ответил генерал, но весь его вид выражал сомнение.

— Вы зря колеблетесь, Манштейн. Лишившись острова, главной экономической базы, Британская империя может только надеяться на дивизии из доминионов. А много ли те смогут выставить?

— До тридцати дивизий, мой фюрер, и вряд ли больше, — после секундной паузы ответил генерал, подсчитавший за это время мобилизационные возможности противника.

— У них еще есть флот, но объединенные морские силы нас и Италии, а также Франции, вряд ли уступят их королевскому флоту. Тем более когда наша промышленность начнет строительство кораблей, то мы их превзойдем, ведь в распоряжении британцев не будет верфей острова. Так что года через три-четыре, по расчетам адмирала Редера, мы сравняемся в тоннаже.

— Мой фюрер, их вряд ли оставят без помощи за океаном...

— Это так, Манштейн. США чрезвычайно опасный противник. Да, их армия слаба и не может идти ни в какое сравнение с нашей, но они имеют флот, не уступающий британскому, их авиационная индустрия развита и по мере развертывания превзойдет нашу в два или три раза.

— Для этого потребуется время, мой фюрер!

— Не так и много, Манштейн, года два или три, и на каждый наш самолет они выставят три своих. Захватив Британию, мы тут же получим ее во второй ипостаси, только за более широким препятствием, уже не проливом, а океаном, и с намного развитой промышленностью, первой в мире по многим показателям. Понимаете, что нас ожидает?!

— После нашей высадки в Англии, как я думаю, Америка вступит в войну. Обязательно вступит, она уже сейчас крайне недружественна к нам и нарушает статус нейтральной страны.

— У нас ситуация как в схватке с Лернейской гидрой, у которой на месте срубленной головы появляются две новые. Смотрите, Эрих. Разгромив Польшу и Францию, мы не избавились от врагов. Теперь вся надежда англо-американцев на СССР. Да, Манштейн. У русских многочисленная армия, вооруженная до зубов, — одних только танков до двадцати тысяч. Поверьте, Манштейн, так оно и есть, рано или поздно Йодль представит нам доказательства этого.

— Хотелось бы пораньше, мой фюрер!

— Для чего Сталин держит такую бронированную орду, генерал?! Вот потому-то нам надо

хорошо подумать и найти возможность нейтрализовать его, потому что Россия сейчас является самой главной надеждой как Черчилля, так и Рузвельта. А они пойдут на все, чтобы спровоцировать войну между рейхом и Советами, ибо в этом их выигрыш. Как только Россия и Германия обессилят друг друга, англо-американцы тут же навяжут свои условия мира. А потому нам нужно крепко поразмыслить, Манштейн...

Нарва

— Это конец, ребята! Нас здесь и похоронят!

Клаттер выдавливал из себя слова, невидяще уставившись в пулеметную амбразуру. Теперь настала и их очередь — дот от близкого разрыва тяжелого снаряда снова трянуло, бетонный пол заходил ходуном.

Уже второй день красные долбили берег из всего, что они имели. Артиллерия поначалу стреляла вразнобой, но вскоре снаряды стали сыпаться просто градом. Эстонские пушки отвечали, но редко, а потом и вовсе замолчали. Тоску наводил и непрекращающийся гул многочисленных самолетов, что летели бомбить Таллин.

Сила соломучи ломит — это осознали все солдаты. Дивизия еще удерживала Нарву, отбивая все попытки красных переправиться, над городом стоял черный дым от многочисленных пожаров. Но силы были на исходе, боеприпасы заканчивались, и получить их было неоткуда.

«Иваны» все лезли и лезли, подгоняемые комиссарами, и гибли, орошая своей кровью синюю воду вечно спокойной здесь, а у города, где шли пороги и стоял водопад, постоянно бурлящей даже в морозы, не желающей умирять свой бешеный нрав, его любимой Наровы.

Дот снова трянуло, от стен полетела крошка и пыль, а солдаты, и без того оглохшие, схватились за уши. Они были обречены и давно это поняли. На том берегу осознали, что форсировать реку невозможно, пока держатся доты, и прекратили бесплодные попытки, несущие только напрасные потери. И принялись за дело всерьез, каким-то образом протаскивая тракторами целую батарею тяжелых и громоздких шестидюймовых гаубиц.

Два орудия накрыла эстонская артиллерия, но после того как по позициям отбомбились несколько десятков советских бомбардировщиков, батарея навечно замолчала. Оставшиеся две гаубицы красные вывели на прямую наводку и стали безнаказанно расстреливать доты.

С «соседом» было уже покончено — тяжелые снаряды, раз за разом попадавшие в цель, полностью разрушили толстую переднюю стенку, в конце концов чуть ли не выворотив ее.

Теперь наступила их очередь — за этот час молодые парни стали стариками с морщинистыми лицами, с белыми волосами то ли от ожидания смерти, то ли от бетонной пыли. Вначале было просто страшно, потом нахлынул ужас, от которого клацали зубы, а теперь солдат накрыло безысходное отупение с одной только мыслью — скорее бы этот кошмар окончился. Они не могли даже покурить последнюю в жизни сигарету — пыль давно забила глотку и сдираала все нутро, будто ржавым рапилом.

— Так и подохнем здесь... — прошептал Клаттер.

Нет, он ошибался, когда думал, что красные понадеялись на свой любимый «авось». Подготовились, и серьезно. В танкетке, которую обшарили первой же ночью, нашли свежий, только отпечатанный русско-эстонский разговорник. Были там фразы о братстве трудящихся, о счастливой жизни в стране социализма, но были и такие вопросы, что напрочь крушили сладкие напевы советской пропаганды: «Если вы откажетесь отвечать — вас расстреляют» или «Если не укажете, где спрятались враги народа, — будете застрелены». Какая уж тут советско-эстонская дружба...

— Здесь была сломлена надменная гордость германского народа...

Андрей ухмыльнулся и откинул челку с носа. Он бы давно ее остриг, так же как и сбрил эти пакостные усики — но делать было нечего, имидж, если использовать новомодное слово, стоит дорого. И к тому же никто не поймет — привыкли фюрера таким видеть.

— Надменная гордость, — повторил Андрей, непонятно почему смакуя это слово. Французам в скромности не откажешь, как размахнулись. Он стоял у знаменитого вагона маршала Фоша, в котором 11 ноября 1918 года было подписано перемирие, поставившее точку в Первой мировой войне, которую правильнее назвать бойней.

— Нет, не точку, а многоточие... — прошептал Родионов. — Точку будем ставить сейчас.

Действительно, разоружив Германию, союзники сразу навязали Версальский мир, стремясь максимально ослабить вчерашнего противника. Немцам запрещалось иметь достаточно сильные армию и флот, низведя на уровень второстепенных держав.

В пользу Чехии и Польши были оторваны значительные куски территории, на которых немцы жили столетиями, — пять миллионов человек были принесены в жертву интересов союзников. А чудовищная контрибуция должна была окончательно обессилить страну, фактически превратив ее в колонию победителей.

И это еще не все — французы и англичане предали Россию, фактически сдав ее большевикам. Две самые сильные державы континента были устранены. Но, как говорится, недолго музыка звучала, недолго фраер танцевал. Для французов наступила расплата, для англичан она придет позднее.

Андрей представил, как грызли ногти французские политики в конце мая, вспоминая безотказный «паровой каток» русской армии, много раз выручавший их в ту войну. А нечего вам, месье, слезы лить, сами в своей эгоистичности союзника погубили!

Вначале он хотел загнать французскую делегацию в этот самый вагон и там зачитать им условия перемирия. Предельно жесткие, написанные злорадствующим Кейтелем на пару с Риббентропом. Эти два гуся, люто ненавидящие друг друга, постарались на всю катушку, и Родионов убедился, что ничто так не сближает людей, как один общий враг, вернее, глумление над поверженным противником.

Если отбросить первые предложения, в которых отдавалось должное сопротивлению французской армии, то условия перемирия были предельно жесткими — север и запад страны занимают германскими войсками, французская армия разоружается, солдаты и офицеры остаются в плену, и прочее, прочее, прочее, типа занятия железных дорог.

После таких условий французская делегация на будущих мирных переговорах могла ожидать только худшего — возврат Эльзаса с Лотарингией и германских колоний в Африке — Того и Камеруна (другие были отобраны в пользу Англии и Японии), выплата огромной контрибуции и иные сомнительные «удовольствия», являющиеся зеркальным отражением Версальского мира.

О втором варианте, разработанном им самим и подготовленном Манштейном, Андрей пока помалкивал, хотя генералы и Риббентроп прямо изнывали от любопытства. А то, что предложения фюрера намного мягче, они сообразили — Андрей приказал поставить для

переговоров армейский штабной навес со столами и лавками, наотрез отказавшись вести переговоры в вагоне маршала Фоша...

Слова Кейтеля падали пудовыми камнями, французы молчали, только лица были бледнее мела. В глазах стояли слезы. Чаша унижения была испита до дна. Несколько раз французская делегация покидала навес, чтобы в отдельно поставленной для них палатке, куда был проведен телефон, говорить по прямому проводу с Бордо.

Хотя большой надобности в этом не было — для них давно стало ясным, что Риббентроп и Кейтель не отступятся от навязываемых ими условий. Но требовалось, чтобы это унижение испытало и правительство, полностью разделив ответственность за случившуюся катастрофу.

Наконец все завершилось — со слезами на глазах, которые никто не прятал, члены французской делегации подписали соглашение о перемирии.

Затем за стол уселись торжествующие Кейтель, Редер, Браухич и Риббентроп, медленно поставившие свои подписи. Все — соглашение подписано. Но нужно ли оно такое?

Андрей шагнул вперед, прекратив играть роль стороннего наблюдателя. Взял листы подписанного соглашения и пристально посмотрел в пепельно-серые лица французов.

— Господа! Я желаю поговорить с вами наедине! Прошу последовать за мной в вагон!

Повинуясь его властному жесту, германские генералы остались стоять под навесом, а французы потянулись за ним гуськом, еле переставляя ноги.

Клермон-Ферран

Эти несколько дней гауптштурмфюрер Майер пребывал в состоянии эйфории. Сопротивление французов было сломлено, мало кто из них желал сражаться — на лицах солдат и офицеров словно застыла апатичная маска усталости и безысходности.

Особенно это стало проявляться, когда 14 июля во многих церквях зазвонили колокола. Так германское командование приказало отметить прорыв своих войск к Парижу. Столицу не обороняли — правительство сбежало в Бордо, объявив город «открытым».

Майер даже не представлял раньше, до какой глубины позора может дойти противник. Иметь семьдесят дивизий, но не воевать, а бежать или, вот как здесь, сдаваться в плен.

Вчера была захвачена авиабаза, на которой находилось более двухсот самолетов в совершенно исправном состоянии, с десятков танков, автомобили, тонны оружия и боеприпасов.

Гарнизон сопротивления не то что не оказал, даже стрелять не стал — генерал, до трехсот офицеров и свыше четырех тысяч солдат покорно подняли руки и сдались, не сделав по эсэсовцам ни одного выстрела.

Такое не укладывалось в голову — оружие и солдаты есть, можно драться, не все еще потеряно, а они, как стадо баранов, покорны неприятелю.

Только один офицер запомнился Майеру. Нет, он не призывал сражаться, он сидел на земле, смотрел на брошенные орудия и со слезами на глазах говорил:

— Какой позор! Солдаты Вердена такого бы не допустили!

Но были и другие, кто желал драться, хотя их было немного. Так, в город был отправлен сдавшийся в плен французский капитан с белым флагом парламентаря — презрев все общепринятые нормы, его застрелили.

Это взбесило немцев, и они ринулись в наступление — вот только и неприятель сам жаждал доброй схватки. Пулеметный огонь положил мотоциклистов Майера перед завалом, которым французы перегородили дорогу.

Выставив на всякий случай маленькую противотанковую пушку, немцы попытались

разобрать завал. Но не тут-то было.

Рыча мотором, медленно выполз неуклюжий французский танк. Пушка тут же рывкнула и, к великому изумлению гауптштурмфюрера, словно искра отскочила от покато́й брони танка. Рикошет! Еще выстрел, затем другой — результат тот же, броня не пробивается. И Майера пробил холодный пот — что делать с этим чудовищем, он попросту не знал.

Французские танкисты заметили ПТО и сразу же обстреляли из своей пушки. Майер видел, как отшвырнуло пушчонку, как изломанными куклами попадал на землю ее геройский расчет. Внутри все заледенело — ведь сейчас танк начнет наматывать его парней на свои траки, беспощадно расстреливая из пулемета тех, кто решит найти спасение в бегстве.

Однако, к его великому изумлению, танк рыкнул мотором и медленно уполз за завал. Офицер вздохнул с нескрываемым облегчением — он заметил, что маленькая башня была заклинена, погибшие артиллеристы все же сделали свое дело. И Майер тихо прошептал:

— Надеюсь, вы последние жертвы этой войны...

Булонь

Война для Леске закончилась, чем он был сильно недоволен, как и другие члены его экипажа. Рядом, на берегу моря, деревушка, вокруг великолепные леса и пологие взморья. Красота, сельская пастораль, прямо курорт. А на самом деле тоска зеленая! Чтобы выбраться в город, нужно получить специальное разрешение, но и там провести занято́ время невозможно, ничем не лучше сельской глубинки.

Немцы стояли здесь уже пять дней, но у всех сложилось стойкое впечатление, что застыли они здесь уже навек. Экипаж просто изнывал от безделья, и даже сейчас, прогуливаясь под кронами деревьев, парни только и вели об этом разговоры.

— Будь я проклят, если понимаю, зачем мы сидим здесь и ни черта не делаем?! Почему мы не можем сгонять в южную Францию и не сбросить там десяток «яичек»? И почему бы нам не подкинуть «яичек» англичанам, как мы это умеем?!

Леске пнул по песчаной кочке, которая разлетелась в стороны, обдав его начищенные до блеска сапоги пылью. Это еще больше разозлило пилота.

— Штаб сообщает, что наши машины летают туда каждый день, — бортрадист задумчиво посмотрел на голубое небо, словно надеялся увидеть там стройные и грозные в своей неумолимости ряды плывущих на Британию девяток «Хейнкелей» или «Юнкерсов».

— А наша машина пересекала Канал всего два раза. Разве это дело?! — загорячился пилот, отыскивая взглядом очередную кочку — все равно сапоги чистить нужно, а так хоть злость из себя немного выплеснуть.

— Такое впечатление, что мы чего-то дожидаемся, — подал голос бортинженер Пуцке. — Видимо, фюрер хочет сначала заключить мир с Францией, а уже потом вплотную заняться Англией. Потому что, если мы всерьез ею займемся, все дело займет не больше месяца.

Экипаж дружными кивками согласился с этим мнением. Будь рядом с ними и оберлейтенант, он бы тоже присоединился, но офицеры на особом положении и проводят большую часть свободного времени в своем кругу.

— Французы просят перемирия. С ними покончено, — Ледерер снова посмотрел на лазурное, безоблачное небо. — Я надеюсь, что фюрер не оставит им дело просто так. Он никогда не забудет им Версаль.

— Это так, такое им не забудет весь наш народ. И не простит, — согласился Леске и неожиданно подумал, что война может и на самом деле закончиться. А что делать после нее?

И тут он подумал об Эльзе, миленькой девушке, на которой собирался жениться. Он совсем забыл написать ей письмо, но сейчас у него есть время, и нужно возместить молчание. Решено — как только придет в лагерь, тут же сядет за стол и напишет очень длинное письмо, такое, что Эльза сразу решит, что лучшего для себя мужа она просто нигде не найдет!

Компъен

— Господа, разрешите мне задать вам один вопрос, — Андрей обвел взглядом французов — адмирала, штатского и двух генералов, один из которых носил немецкую фамилию. Он же и возглавлял делегацию, видимо, поставленный на это место волею тех, кто надеялся, что победители станут от этого чуточку снисходительней. — Вступая в эту войну, Франция желала нам снова навязать унижительные условия нового Версальского мира, окончательно расчленив Германию, и уже полностью обобрать немецкий народ. Вы желали такой войны?

Переводчик Пауль Шмидт, в синем мундире Министерства иностранных дел, единственный из немцев, кто сейчас присутствовал в этом простом вагоне, синхронно переводил, мастерски копируя даже малейшие интонации.

Он уже 15 лет работал переводчиком всех германских канцлеров, был представителем той старой дипломатической школы, и Андрей не видел смысла, чтобы его заменить.

— Нет! — чуть ли не хором воскликнули французы.

— Странно, но и мы не желали и не желаем Эльзаса с Лотарингией! В прошлом мы совершили ужасную ошибку, аннексировав эти территорию, и я не собираюсь повторять ее! Повторяю — мне не нужны Эльзас и Лотарингия, и я не собираюсь облагать Францию контрибуцией — слишком свежа память страданий моего народа, который был вами доведен до нищеты, до голодных смертей. И я не хочу, чтоб такие же страдания пережил и ваш народ!

Французов заявление Андрея шокировало, но недоверие все же проступило на их лицах — они сомневались в его словах. Требовалось как можно быстрее его сломить, и он открыл папку, лежавшую перед ним. Взял листы и протянул французам.

— Это мои условия перемирия, — Андрей выделил местоимение, — с которыми вы можете ознакомиться прямо сейчас. Присаживайтесь за стол, господа, и читайте! Да садитесь же!

Повинуясь командному окрику, французы уселись за стол и принялись читать, дружно наклонив и сблизив головы, почти прижав их друг к другу. И через несколько минут подняли свои ошарашенные лица, не смея верить написанному, но отчаянно дыша надеждой, что это не шутка или розыгрыш.

— Зачем мы воюем, господа? — несколько патетически воскликнул Андрей, но искренне, он не играл — война давно вызывала у него отвращение. Простые люди убивают друг друга за шашни политиков, за прибыли местных и заморских буржуев, за насквозь гнилую идеологию! И неважно, о чем идет речь — о распространении «демократических ценностей», расширении «жизненного пространства» или о «выполнении интернационального долга», мать их всех за ногу!!!

— В начале прошлого века император Наполеон пришел в Берлин, но не минуло и семи лет, как мы были уже в Париже. Затем роли поменялись — целых полвека ваш народ жаждал вернуть Эльзас и Лотарингию, отплатить за унижение под Седаном. Что ж, ваши предшественники могут быть довольными — такого унижения и такой нищеты, в которую вы ее смогли ввергнуть, Германия никогда не испытывала! И этот вагон вечное напоминание ей об этом?! Может, хватит, господа?!

Французы опомнились и тут же поднялись со стульев — глава противостоящей

державы стоял перед ними с покрасневшимся лицом.

— Сидите, господа! Я не злюсь на вашу страну! Но спрашиваю вас — может, хватит нам воевать?! Да сядьте же вы!

Окрик подействовал на генералов — привыкшие к дисциплине, они тут же опустили на стулья, адмирал и штатский промешкали на секунду.

— Англичане предали вас, прислав лишь ничтожное число дивизий на помощь, и вместо совместных боев попытались удрать через Дюнкерк! Вот так, как крысы, предавать союзников им не впервой. Ведь так, господа?!

— Так, господин канцлер! — звенящим голосом отозвался генерал, лица остальных ожесточились, они явно не одобряли политику островитян.

— Вы ошибаетесь, господа! Черчилль вскоре заявит, что это вы предали Британию, заключив с нами перемирие и отказавшись воевать за английские интересы! Не пройдет и двух недель, как они постараются захватить ваш флот, а если вы им не сдадите корабли, они их уничтожат! Я говорю правду — в ней вы убедитесь через две недели!

Было бы глупо не использовать свои знания из той, прежней, истории, и Андрей решил рискнуть, рассудив, что иначе поступить Черчилль просто не сможет — пережить дюнкеркскую катастрофу чопорные лорды не захотят и приложат все усилия, чтобы хоть на несчастном союзнике восстановить свое реноме.

— Их линкоры атакуют ваш флот в Африке, это названо операцией «Катапульта». Они расстреляют и уничтожат ваши корабли. И так будет!

Андрей увидел, что его убежденность и прямота произвели на французов впечатление. Адмирал даже оттянул воротник и с трудом сглотнул — его лицо стало меловым. Да и генералы угрюмо переглянулись. Момент был удачный, и Андрей выложил на стол запечатанный конверт, взяв его из папки. Подтолкнул его к генералу, что был руководителем.

— Это мое личное письмо маршалу Петену. Я предлагаю навсегда покончить с враждой между нашими народами и сам сделал первый шаг к тому. Теперь доброжелательность должна проявить и Франция. Скажу честно — всем занятым Германией странам я еще до конца года возвращу полную независимость. Ни от Бельгии, ни от Голландии не будет потребовано возвращения территорий, которые были отрезаны от рейха в Версале. И это правда! Я требую только положить конец тем унижениям, которые были навязаны нам Версалем! Вы сами знаете, насколько они несправедливы!

Лица французов приняли неопишное выражение — они боялись даже вздохнуть и сидели перед ним, как школьники перед учителем, боясь пропустить даже одно слово увлекательного рассказа.

— Передайте маршалу от меня — только в наших руках будущее Европы. Именно нашим странам Англия всегда была враждебна. Пора положить конец британской политике, которая постоянно стравливала нас! Поверьте мне, я не хочу вражды, я хочу только дружбы между нашими народами! А это...

Крепкими пальцами Андрей разорвал в клочья листы с условиями перемирия, подписанные делегатами. И вскинул голову — невероятно, но лица французов стали расплываться. В страхе потерять зрение он машинально достал из кармана платок и вытер глаза. И понял, что просто заплакал от переполнявших его чувств. И не только он — в глазах не только французов, но и переводчика стояли капельки влаги. А это многого стоило!

Генерал Лайдонер кривил в усмешке губы — две недели назад он считал, что они не продержатся и десяти дней. И ошибся — эстонцы выдержали первый и самый страшный натиск красных и не отступили. Если бы и латыши удержали свой фронт! Что ж винить соседей напрасно, все же они добрые друзья, хоть и пришлось им повоевать друг против друга на развалинах Российской империи, когда везде полыхала Гражданская война.

Но как те сами могли устоять, если Советам хватило пяти дней, чтобы размолотить литовскую армию и зайти с юга на беззащитную Латвию, и так державшую самый протяженный фронт? Сейчас у соседей совсем худо — Рига и Лиепая оставлены, к великому торжеству красной пропаганды. Она захлебывается лютой злобой на «оголтелых буржуазных наемников, что осмелились поднять восстание против законного народного правительства».

Старая тактика, еще Ленин ее многократно опробовал — взять с дюжину мерзавцев с подходящими фамилиями и объявить их «настоящим правительством рабочих и крестьян», к которым пришла на помощь Красная Армия. И Сталин эту тактику взял на вооружение — в «зимнюю войну» быстро организовал из отщепенцев «правительство» так называемой «Финляндской народно-демократической республики», которое обосновалось в первом же городке, захваченном его войсками.

Да еще потребовал, чтоб Эстония признала «Териокских министров», которых с трудом набрали, ибо не было столько коммунистов из финнов. А во главу поставили жившего постоянно в Москве Отто Куусинена. Хорошо, что тогда президент Пятс согласился только признать ту территорию, которую эта шайка контролировала, точнее, была захвачена Красной Армией.

Сейчас настал черед Эстонии — как в прошлый раз Советы уже организовали Эстонскую Трудовую Коммуну, даже название не изменили, только вожаки другие — Яна Анвельта, Виктора Кингисеппа и других старых молодчиков со времен Гражданской у них уже нет. И латышам правительство организовали, и литовцам — молодая коммунистическая поросль подросла.

— Выпалывали их плохо, — только и сказал генерал, пожав плечами. Огляделся по сторонам — от берега отходили десятки лодок, дымили трубами несколько пароходов. Полным ходом шла эвакуация на острова Моонзундского архипелага обескровленных, но не разбитых частей эстонской армии. Два сгоревших танка стояли у пристани — немое свидетельство отваги кайтселлитовцев, что сожгли их бутылками с «коктейлем Молотова».

Смешно, но именно захваченное у красных оружие позволило эстонцам держать фронт и удвоить число танков и самолетов. Без этого оборона Моонзунда сейчас была бы невозможна, а так есть шанс удержаться. Франция запросила перемирия, и все в Эстонии ожидали, что Германия скажет свое веское слово. Хотя генерал мало на то надеялся, но скрывал это от солдат и офицеров, дабы те дух не потеряли.

Патроны и снаряды еще есть, на островных аэродромах два десятка истребителей, там же весь маленький флот и две героические подлодки. Да и латыши пока успешно обороняются на Земландском полуострове, удерживая за собой Виндаву.

— Нужно продержаться, — отдал сам себе приказ генерал и спокойным шагом вступил на сходню, что вела на палубу единственного миноносца эстонского флота «Сулев», на котором уходило на острова правительство страны, чтобы там продолжить борьбу за свою Родину.

Лайдонер хорошо понимал, что у них есть еще пара недель, пока красные привезут достаточное количество переправочных средств, ибо на всем побережье Эстонии они не найдут для себя даже дырявого баркаса. И нужно уже сейчас думать, как добраться до Швеции, постаравшись эвакуировать всех кайтселлитовцев — им пощады не будет...

Дни мелькали перед глазами гауптмана фон Люка так быстро, что он толком и не заметил, как от берегов Ла-Манша очутился в Орлеане, в который уже переехало бежавшее поначалу в Бордо правительство.

Точнее, бывшее — новый французский кабинет возглавил престарелый маршал Петен. Да и сам Бордо становился тоже бывшей «столицей» — согласно договоренности между двумя странами, новое правительство возвращалось в Париж, в который так и не вошли германские войска, остановленные приказом фюрера у самых предместий.

Люк счел этот приказ фюрера очень разумным и предусмотрительным, ведь если не собираешься воевать дальше и хочешь сделать из врага если не друга, то союзника, никогда нельзя ущемлять его честь или позорить. И это его мнение разделяли многие офицеры, за исключением самых упертых, что мечтали пройти триумфальным парадом по Елисейским Полям.

Парад, конечно, дело хорошее — Люк сам торжествовал, понимая, что позор Версаля смывает, но не стоило обрушивать на головы несчастных французов все те унижения, которые они нанесли немцам двадцать с лишним лет тому назад. То была расплата за победоносный Седан полувековой давности, и капитан отчетливо понимал, что Гитлер сделал все, чтобы сгладить французам чувство горечи, и тем не допустил даже мыслей о возможном реванше в будущем. А то прямо какой-то заколдованный круг получается — немцы накладываются французам, затем те возьмут верх, потом снова победа рейха. А кто от этой междоусобицы в выгоде?

И вот он в Орлеане — выдернут приказом из ставки и направлен для обеспечения спокойного отъезда французских министров, благо дивизия Роммеля прорвалась на юг очень далеко, и под рукой генерала не имелось хорошо знающего французский язык батальонного командира, кроме Люка.

Посылать офицера меньшей должности было бы вопиющим нарушением воинской этики. Недаром генерал Вейган, узнав, что молодой капитан командует разведывательным батальоном, назвал его «комманданом», то есть командиром батальона или майором, как принято в германской армии, повысив его на словах, таким образом, в чине.

А вскоре Люк, к своему великому удивлению, оказался комендантом города, ибо никаких других немецких войск, кроме его двух бронеавтомобилей и маленькой команды связистов, там просто не было и быть не могло. И такая лавина срочных дел обрушилась на него, что он к вечеру очумел, а связисты охрипли, непрерывно связывая его с командованием.

Перед его апартаментами собралась огромная толпа беженцев, и французские ажаны-полицейские с трудом навели там порядок. И тут же выяснилось, что именно Люк должен выписывать пропуск для проезда обратно и подписать наряды на горючее, которое в количестве 10 тысяч тонн имелось в городе и охранялось французскими солдатами.

Как и свойственно немцам, капитан педантично взялся за работу и сильно удивился, когда выяснил, что солнце давно взойшло и уже наступает вечер. Площадь внезапно опустела, и Люк облегченно вздохнул, чувствуя, как усталость буквально разлилась свинцом по телу. Не лучше выглядел и переводчик Кардорф — лейтенанта буквально мутило от проделанной работы, ведь именно он вел собеседование с желающими выехать, определяя, кого нужно отправлять по домам в первую очередь.

— Как вы полагаете, Кардорф, не пойти ли нам куда-нибудь в город и пропустить по бокальчику?

Переводчик нашел предложение новоявленного коменданта привлекательным, и офицеры,

здорово рассудив, что у ратуши вроде работало вчера какое-то кафе, направились туда, еле волоча ноги.

Улицы были пустынными, город словно вымер. Офицеры не понимали, что произошло, и доплелись до ратуши. Но там, кроме их двух броневых автомобилей, тоже никого не было, а кафе закрыто. Удар был так силен, что Люк застонал — он был сильно голоден.

И только сейчас Люк понял, что произошло. Ведь с утра к нему пришел мэр и спросил, будет ли в городе введен комендантский час и с какого времени. Люк, рассудив на пока еще свежие мозги, что летом темнеет поздно, приказал ввести «кувр-фе» с десяти часов вечера и подписал нужные пропуска для таксистов и врачей, что было обязательным делом — мало ли кому потребуется срочная медицинская помощь.

И теперь он пожинал плоды своей собственной распорядительности — на часах четверть одиннадцатого, а французы, боясь хоть чем-то разозлить немцев, дисциплинированно, будто прирожденные пруссаки, уже сидят по домам, закрыв все вечерние заведения. С ума можно сойти, если раньше не умереть от голода!

Бергхоф

— Меня за малым не придушили, — Андрей машинально потер шею, — но дело сотворено. Теперь все пойдет по-другому.

Вечерело. Большое окно, чуть ли не стеклянная стена, выходило на живописную гору Унтерсберг, прямо как натуральная картина. Все же настоящий Гитлер был художником, оттого он и избрал для своей резиденции это чудное альпийское местечко. Лепота, одним словом, горный курорт, на каких он в *той* жизни не был.

Хотя на горы насмотрелся и на персики с гранатами, век бы их не видеть. Ибо там не отдыхал, а глотал пыль и отчаянно надеялся, что вернется домой, вырвется из этого кошмара, где в каждом кишлаке смотрят трассерами злобные, ненавидящие «шурави» глаза.

Сегодня утром он приехал в это прекрасное местечко на заслуженный отдых. Необходимости томиться в бункере ставки уже не было, как и не нужна стала сама ставка на время, пока «Морской лев» не состоится.

Но работа фюрерская не отпускала — на целую неделю вперед были расписаны десятки встреч, которые состоятся именно здесь. И главная — прибудет сюда сам Бенито Муссолини, знакомый ему по пьяным воплям в общаге парочки студентов, друзей неразлейвода. Как нажрут, так ходят по коридору и кричат в луженые глотки: «Муссолини жив!»

Андрея такой распорядок работы полностью устраивал. За эту неделю он полностью войдет в курс дел и выработает дальнейшую манеру поведения, а там можно и в Берлин ехать, в рейхсканцелярию, вершить внешнюю и внутреннюю политику. Пока ни одна собака так ничего и не пронюхала, и он надеялся, что будет и дальше играть свою роль.

Но сегодня он отдыхал в гордом одиночестве, искренне радуясь, что чуть не попал впросак — не думал, что любовница Гитлера живет здесь постоянно, он сам по дури считал, что Ева Браун находится в Берлине. Ан нет, она именно здесь, в главной резиденции фюрера, предназначенной для отдыха, вроде «домоправительницы фрекен Бок». На вид довольно привлекательная молодая особа, ему, настоящему, ровесница. И никакая не гримза, как он ее представлял — да хоть в том же «Освобождении».

— Мой фюрер, уже стемнело. Вам зажечь свечи?

Мягкий женский голос раздался за спиной — легка на помине, сама пришла. Хохма, конечно — любовница именует его на «вы» и «мой фюрер», хорошо же он ее вымуштровал. Или

все потому, что не спал с ней?!

Мысль ошарашила, и Андрей застыл в полном смятении. Что делать?! Душа прямо возопила, но он пресек панику, решив использовать традиционное русское средство.

— Там футлярчик стоит, презент от фельдмаршала люфтваффе. Принеси его сюда с двумя бокальчиками. А свечей не нужно, так посидим.

Женщина быстро обернулась, и на столике рядом с чашкой остывшего кофе встала бутылка самой доподлинной и легендарной «Смирновской» водки, и не «новодела», а той, дореволюционной, с засургученной пробкой.

Где тот раздобыл две бутылки, для него осталось загадкой, но Геринг поклялся, что в Европе таких больше нет. Одну они раздавили наполовину прямо в бункере, под казачьи песни. Неплохо пошла, а толстяк оказался вполне приличным собеседником и даже на сволочь не походил. И собеседник изумительный, и подельник — именно Геринг предложил «наехать» на неугодных ему Гиммлера, Геббельса и прочих, список прилагается.

— Мой фюрер, а что это за вино?

— Сейчас и узнаем, — Андрей немного помучился, но сорвал сургуч и открыл бутылку. В винные бокалы потекла прозрачная жидкость, щедро потекла, на четверть заполнив емкости. По пятьдесят грамм, как говорится.

— Это что? Шнапс? — женщина спросила таким тоном, что послышалось: «Я не буду пить эту гадость». Щас! Еще как будешь!

— Водка. Русская, редчайшая. Мы победили, Ева, но это потребовало жертв. Знала бы ты, как я устал?! Прозит!

Водка обожгла гортань — до чего ж великолепная штука, чистая аки слеза, даже с «Посольской» не сравнить. Нектар! Вот только закусить было нечем, и Андрей хрумкнул печеньем, взяв его с тарелки. Потом недовольно скорчил лицо — Ева чуть пригубила, скорее обмакнула губы.

— Ты меня любишь?! Тогда пей до дна!

Женщина чисто рефлекторно повиновалась, хлесткой команде, как собака Павлова. И, давась, выпила бокал, выпучив глаза и стараясь вздохнуть.

— Не дыши! — последовал приказ знающего человека. — Занюхай печеньицем, легче будет вздохнуть.

Занюхала, вроде полегчало, но сразу закашлялась. Андрей похлопал ладонью по спине. Еву словно обожгло его прикосновение, кашель прекратился, женское тело податливо обмякло, а потом мелко задрожало, будто сгорая от рвущегося наружу нетерпения.

«А ведь выгорит у меня с ней», — удовлетворенно хмыкнул Андрей, но сказал совсем иное:

— Я хочу узнать душу русского народа, а для того нужна водка, привычная им пища и баня. Я желаю знать это, и ты мне поможешь.

— Я сделаю все, мой фюрер!

— Тогда вздрогнули еще раз, — Андрей шустро налил вторую дозу. — За успех нашего дальнейшего предприятия! Прозит!

Орлеан

Офицеры обреченно переглянулись и заметили, что в стороне стоит извозчик — ввиду нехватки горячего именно они стали заменять такси. В голову тут же пришла мысль, что местный горожанин наверняка знает лучше, где сейчас можно перекусить. И Люк стал тормошить задремавшего дядьку:

— Месье! Эй, месье!

— Мой генерал! — «таксист» открыл глаза и перепугался, увидев немецкую форму. — У меня семья, внуки. Простите меня, мой генерал, я просто заснул! Это не специально, я знаю, что такое порядок!

Офицеры улыбками и жестами успокоили его и тут же спросили о наболевшем:

— Все в порядке! Скажите нам только, где сейчас можно достать выпивки и перекусить?

— Нет, мой генерал! Все закрыто из-за комендантского часа. Все боятся нарушить «кувр-фе»! Есть еще, правда, «мезон серьез», он всегда работает, но откроют ли вам?

Офицеры переглянулись — Люка закусило. Что это за «серьезный дом», куда не пустят коменданта города, который по должности имеет право входить в какой угодно дом?! Брат с собой броневомобиль капитан не стал — ведь не безумцы же французы, чтобы оказать сопротивление. Да их утром собственные ажаны арестуют!

Офицеры решительно потребовали отвезти их в этот «серьезный дом», чувствуя готовность пойти на определенный риск, чтобы добраться до позднего ужина с выпивкой.

Несмотря на пустынную дорогу, Люк всей кожей чувствовал, как за ним сквозь щели на шторах подсматривают сотни глаз. Ощущение крайне неприятное, да и положение стало казаться ему серьезным.

Однако французы дисциплинированно соблюдали комендантский час, на улицу не выходили, и вскоре Люк оказался у заветной двери. Возница постучал в нее, и из дома вышла пожилая женщина.

— Милости прошу, мой генерал, — напевно отозвалась женщина, повышая Люка в чине. Что не сделаешь ради собственной безопасности! Или тут совсем другое — до капитана комендантом города был французский генерал, и горожане просто свыклись с таким наименованием?

Люк на всякий случай недвусмысленно дал понять извозчику, чтобы тот дожидался их выхода. Если ему дорога собственная жизнь! Француз словами и мимикой постарался уверить капитана, что будет ждать его здесь хоть всю ночь, пусть господин генерал не беспокоится!

И офицеры после таких заверений твердым шагом вошли в дом, расстегнув кобуры — мало ли что.

Обстановка внутри была великолепной, мадам сочилась любезностью, дюжина полуодетых девушек с прекрасными, восхитительными и нетерпеливыми взглядами. Люк понял, куда он попал, — «серьезный дом» оказался дорогим борделем. Но он же сюда шел не за этим!

— Мадам, — капитан начал тщательно подбирать слова, объясняя ситуацию. — Все, что мы хотели, — немного выпить и перекусить, но оказались в нелепом положении из-за комендантского часа, который сами же и установили.

— Добро пожаловать. Давайте выпьем по бокалу шампанского за окончание войны. Наша женская доля — скорбеть и плакать.

После получаса оживленной беседы за поздним ужином, посвященной тому, за что стоит и за что не стоит воевать, офицеры покинули гостеприимный дом, заверив хозяйку, что непременно порекомендуют ее заведение немецкому штабу, что разместится в городе.

Хозяйку такая новость обрадовала, ведь французы от этой войны стали чуть ли не импотентами, и она тут же вручила Люку и Кардорфу свои визитки.

Возница был на месте, но спал, рассчитывая, что офицеры выйдут из заведения под утро. И был сильно удивлен, когда его попросили отвезти обратно. Они отправились к ратуше, где солдаты уже извелись, ожидая их возвращения. Автомобиль и броневики стояли с работающими моторами.

Возница отказался брать деньги, но Люк всучил ему их насильно, и довольно приличную

сумму. Старый француз расплылся в довольной улыбке.

— А немцы не так уж и плохи, совсем не такие, какими мы их считали. Буду ждать вас на этом месте, мой генерал, каждый вечер. Вдруг еще пригожусь вам.

Старик поклонился и лукаво подмигнул Люку, который расхохотался, вспомнив свой недавний визит в «веселое заведение». Только сейчас капитан понял, что война наконец окончена...